

**ДЖОРДЖ
ГЕНТИ**

ЛЕВ СВЯТОГО
МАРКА

Джордж Генти Лев Святого Марка

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=25442454

Аннотация

«В истории найдется не много периодов, более интересных и удивительных, чем история возникновения и расцвета Венеции. Основанная в пятом столетии на нескольких песчаных островах в мелководной лагуне Адриатического моря беглецами из Италии, искавшими себе здесь убежища, Венеция с течением времени превратилась из маленькой общины в одно из самых могущественных государств Европы. Она властвовала над океаном, покорила немало земель на побережье Адриатического моря, положила предел все возраставшему могуществу Турции, подчинила себе Константинополь, победоносно отразила все попытки соперников сокрушить ее силу и явилась сосредоточием всемирной торговли, почти такой же обширной, какую ведет Англия в наши дни...»

Содержание

Предисловие	4
Глава I	6
Глава II	18
Глава III	34
Глава IV	51
Глава V	67
Глава VI	79
Глава VII	93
Глава VIII	112
Глава IX	129
Глава X	143
Глава XI	156
Глава XII	167
Глава XIII	183
Глава XIV	200
Глава XV	209
Глава XVI	223
Глава XVII	237
Глава XVIII	248
Глава XIX	261
Глава XX	276

Джордж Генти Лев Святого Марка

Предисловие

В истории найдется не много периодов, более интересных и удивительных, чем история возникновения и расцвета Венеции. Основанная в пятом столетии на нескольких песчаных островах в мелководной лагуне Адриатического моря беглецами из Италии, искавшими себе здесь убежища, Венеция с течением времени превратилась из маленькой общины в одно из самых могущественных государств Европы. Она властвовала над океаном, покорила немало земель на побережье Адриатического моря, положила предел все возраставшему могуществу Турции, подчинила себе Константинополь, победоносно отразила все попытки соперников сокрушить ее силу и явилась сосредоточием всемирной торговли, почти такой же обширной, какую ведет Англия в наши дни.

Венецианская республика управлялась так называемым Великим Советом, верховным правительственным учреждением, во главе которого стоял дож, верховный правитель Венеции, избиравшийся пожизненно.

Рассказ, который мы предлагаем вниманию наших читателей, относится не ко времени полного расцвета Венециан-

ской республики, а к эпохе самой тяжелой ее борьбы за существование, когда ей приходилось одновременно обороняться против соединенных сил Генуи, Падуи и Венгрии. Зато в эти тяжкие для нее годы с особенным блеском проявились лучшие качества, отличавшие граждан Венецианской республики, – мужество, любовь к родине и самоотречение, не отступающее ни перед какими жертвами.

В настоящее время Венеция входит в состав Итальянского королевства. Это чрезвычайно красивый и своеобразный город, в котором путешественник с удивлением видит вместо улиц каналы, а вместо экипажей – лодки (гондолы). В тихих водах лагун отражаются великолепные фасады домов, из которых многие сохранились еще из тех времен, когда Венеция была самостоятельным государством, являясь безмолвными свидетелями давно минувшего прошлого.

Глава I

Венеция

– Едва ли у вас на вашем окутанном туманами острове удастся наслаждаться такими восхитительными ночами, как эта ночь, Франциск?

– Ты ошибаешься, – заступился за свое отечество тот, к которому был обращен этот вопрос, – у нас на Темзе мне не раз случалось любоваться подобными же чудными ночами. Часто, стоя на ступенях лондонского собора Святого Павла, я следил за отражением в водах Темзы луны и огней из освещенных домов да скользящих по реке лодок, совершенно так, как мы это делаем в настоящую минуту. Должен, однако, сознаться, – прибавил он, – что такие тихие, прекрасные ночи, как здесь, у вас в Венеции, у нас все-таки редкость, но зато и у вас бывают туманы, которые стелются на поверхности воды, совершенно так, как у нас.

– Поэтому-то, вероятно, тебе так нравится здесь; ты ведь очень доволен, не правда ли, что отец твой переселился в Венецию?

Франциск Гаммонд помолчал некоторое время, прежде чем ответил:

– Да, я доволен тем, что имел случай увидеть многое, чего дома не удалось бы мне видеть; я рад также, что выучил-

ся вашему языку. Но все-таки мне больше нравится мое отечество. Здесь все как-то иначе. У нас дома было веселее. У моего отца было двое-трое учеников, с которыми я развлекался, когда закрывали нашу лавку; разумеется, нам иногда попадало за наши шалости, но наказания бывали не строгие. Случалось, что затевались сражения между молодыми подмастерьями различных кварталов города. Тогда все хваталось за палки и дубинки и дрались до тех пор, пока городская стража не приходила разнимать их. Иной раз затевалась стрельба в цель; устраивались представления и другие развлечения. Да, наша молодежь умеет веселее проводить время, чем здешняя; наши юноши развязнее и свободнее, чем ваши. Вообще нам живется лучше. Если кто-нибудь совершит у нас какой-либо проступок, то ему дают возможность оправдаться. У нас нет этого страха перед тайными судилищами, как у вас; нет тайных доносов. Начать уже с того, что у нас нет вашей Львиной пасти¹ и вашего Совета Десяти².

– Франциск! – в страхе воскликнул его собеседник, схватив юношу за руку. – Ни слова против Совета! Нас могут подслушать! – Он бросил тревожный взгляд вокруг себя, с целью убедиться, не подслушали ли их разговор.

– Вот видишь! В том-то и дело! – сказал его собеседник. –

---

¹ На площади Дожей в Венеции находится еще и теперь изваяние львиной головы, и в его пасть в былые времена опускались безымянные письма и доносы.

² Совет Десяти состоял из облеченных неограниченной властью членов Великого Совета Венецианской республики.

У нас в Англии нечего опасаться человеку, у которого совесть чиста, а здесь никто не может поручиться за то, что завтра же он совершенно безвинно не очутится в тюрьме Святого Марка.

– Тише, тише, Франциск! – с беспокойством прервал его Маттео. – Поговорим лучше о чем-нибудь другом. Все, что ты говоришь, может быть, совершенно справедливо, но у нас благоразумнее не высказывать этого. Без сомнения, многое могло бы быть иначе у нас, но нельзя же иметь всего, а у нас есть многое, чем мы можем по справедливости гордиться.

– Да, вы вправе гордиться, – согласился с ним Гаммонд. – Вы владычествуете над морями, и все государства Европы стремятся стать вашими союзниками. Не будь я англичанином, я, конечно, желал бы быть венецианцем.

Оба юноши стояли у канала против дворца Святого Марка. На площади, позади них, волновалась шумная толпа. Тут рассуждали о последних новостях из Константинополя, говорили о событиях, происшедших в Генуе – ненавистой сопернице Венеции; обсуждали письмо, которое епископ Тревильский передал Совету по поручению Папы.

Месяц ярко сиял и отражался в водах лагун, по которым пробежало бесчисленное множество легких волн от сотен двигавшихся взад и вперед гондол. На ступенях набережной, находившейся очень близко к тому месту, где стояли оба приятеля, шла непрерывная суматоха от причаливавших и отчаливавших гондол.

Франциск Гаммонд был сыном купца из Лондона, торговавшего заморскими товарами. Отец его уже много лет тому назад прекратил свои дела на родине и завел новое дело в Венеции, надеясь в скором времени добиться и богатства и власти в процветавшем торговом городе. Успех превзошел все его ожидания. В те времена часто можно было за бесценок приобрести различные весьма ценные предметы торговли, в особенности когда продавались товары с захваченных генуэзских кораблей или груз с кораблей морских разбойников. Случалось, конечно, Гаммонду терпеть и убытки, так как иногда венецианские корабли, в свою очередь, попадали в руки генуэзских или мавританских морских разбойников. Благодаря своей купеческой аккуратности и опытности мистер Гаммонд в скором времени добился видного положения в Венеции. В то время республика переживала эпоху быстрого роста. Если временами ее и тревожило вмешательство в итальянские дела Франции, Германии, Австрии и Венгрии, зато мирные торговые сношения с Германией, Англией и Францией доставляли ей несомненные выгоды. Из всех итальянских городов первенствующее место занимала Венеция. Ее местоположение у открытого моря давало ей возможность развить свой великолепный флот, с которым мог бы сравняться разве только флот генуэзский. Своему быстрому расцвету она не в меньшей степени была обязана также способностям и характеру своих граждан. Венецианцы были во многом сходны с римлянами. Постигавшие их удары судь-

бы не приводили их в отчаяние. Неудачи рождали в них только еще большую смелость, и после каждого поражения они становились даже как бы сильнее прежнего. От каких-либо народных смут или восстаний, игравших столь важную роль в истории различных соперничавших с нею итальянских государств, Венеция тоже была избавлена. Таким образом, все свои силы она могла всецело посвятить делам торговли. Всегда готовая стать на защиту слабого от притеснений сильного и оказать поддержку деньгами и войском тому государству, которому приходилось воевать с каким-либо честолюбивым соседом, Венеция попеременно становилась то на сторону Падуи против Вероны, то на сторону Вероны против Падуи; или же на сторону обеих вместе, когда им грозила опасность со стороны возраставшего в то время могущества миланцев. И почти из всех сражений Венеция выходила обогащенная и большей славой, и новыми владениями. Эта постоянная забота о чужих интересах повлекла, однако, к тому, что внутри страны возникли некоторые неурядицы. Бдительность, с которой Совет Десяти старался подавлять заговоры, породила ненавистную систему шпионства. Город был переполнен шпионами; всякое малейшее проявление какого-либо неудовольствия со стороны граждан подвергалось строгому наказанию. Убийства тогда бывали почти заурядным явлением, и если жертвой убийства оказывалось лицо маловлиятельное, то никто не придавал значения тому, что труп внезапно исчезнувшего человека выбрасывался волною лагун на берег.

Такие преступления в большинстве случаев оставались безнаказанными, и если даже открывали убийцу, но у него оказывались власть имущие друзья, то самым тяжким наказанием для него, и то лишь в редких случаях, была только временная ссылка.

Оба приятеля, которых мы покинули на площади, оставались там еще некоторое время, а потом смешались с толпой. В толпе теснились разодетые в шелк и бархат дворяне, бедные рыбаки с лагун, жители морских берегов и островов, подчинившиеся владычеству Венеции, греки из Константинополя, татарские купцы из Крыма, торговцы из Тира и жители Эгейских островов. Среди этой тесноты торговцы предлагали покупателям фрукты и цветы, воду и разные прохладительные напитки.

Спутник нашего юного англичанина, Маттео Джустиниани, принадлежал к одной из знатных венецианских фамилий и мог поэтому назвать по имени многих из попадавшихся им навстречу дворян и знатных лиц.

– Вот это Пизани, – сказал он, – ты уже знаешь его, славный, веселый товарищ! Матросы готовы на все для него; он будет, говорят, командовать первой эскадрой, которая выйдет в море. Как я желал бы отправиться вместе с ним. Вот, воображаю, жаркое сражение будет, когда он повстречается в море с генуэзцами. Его отец был одним из самых знаменитых наших адмиралов. Позади Пизани стоит дворянин Фиофио Дандоло, он принадлежит к одной из выдающихся венециан-

ских фамилий. Желал бы я видеть его предка, старого знатного дожа³, который взял приступом стены Константинополя и поделил Восточную империю между рыцарями, принимавшими участие в крестовых походах. Да, это был герой! Но кто же этот молодой дворянин в зеленой бархатной мантии? Ах да! Я знаю его, это – Руджиеро Мочениго, он был сослан на два года в Константинополь за то, что убил Паоло Морозини; он-то сам утверждает, что убил его в открытом бою, но никто не верит этому. За несколько дней перед убийством они затеяли спор о том, чей род древнее. Скоро после того на ступенях церкви Святого Павла был найден труп Морозини. Находившиеся невдалеке люди услышали чей-то крик, прибежали на этот крик и видели, как Мочениго поспешно вскочил в свою гондолу. Он уже стал отчаливать от берега, но городская стража, проходившая случайно близ его лодки, задержала его, но так как у семейства Мочениго были в Совете большие связи, то придали веру показаниям ложного свидетеля и сначала оправдали Мочениго; все, однако, были настроены против него, так что Совет был вынужден признать Руджиеро к двухгодичной ссылке. Теперь этот срок кончился, и Мочениго только что вернулся из Константинополя. Еще до этого случая про него ходила дурная молва, впрочем, у него такие влиятельные связи, что, я думаю, он опять будет принят в обществе, как будто ничего дурного не совершил. Много у нас найдется таких молодых людей, ко-

---

³ *Дож* – титул верховного правителя в прежней Венецианской республике.

которые не только не лучше его, но, пожалуй, еще хуже.

– Но ведь это неслыханное дело, – горячился Франциск, – чтобы людям, у которых есть влиятельные связи, дозволяли совершать почти безнаказанно такие дела, за которые простого смертного повесили бы; закон должен быть одинаков как в отношении бедных, так и богатых.

– У нас и не делают различий, когда дело касается блага республики, – возразил его собеседник. – Если, например, кто-либо восстанет против правительства, то тут уже не разбирают, будет ли то знатный человек или простой рыбак; кто бы ни был заговорщик, он одинаково подвергается заточению в наши подземные темницы.

Франциск охотно еще побеседовал бы со своим приятелем, но ему надо было спешить домой, так как отец держал его строго и не позволял ему слоняться по улицам до поздней ночи.

Окно его комнаты, в которую он вошел, выходило на один из бесчисленных маленьких каналов, впадавших в Большой канал. Освещенные фонарями и факелами гондолы скользили под его окном взад и вперед, а когда он высовывался из окна, то мог различать огни гондол, плававших по Большому каналу. До его слуха доносились отрывочные слова песен, звуки гитары и веселый смех. Воздух был мягкий и теплый; вечер был такой чудный, что Франциск не мог заснуть. Он мысленно переживал испытанные им вечерние впечатления и задумался о воинственных героях, о которых ему рас-

сказывал его приятель; к тому же у него не выходила из головы молва о новых предстоящих войнах республики. Его обуяло одно страстное желание. «Если бы я был постарше, – мечтал он, – то стал бы сражаться вместе с другими». Еще живя в Лондоне, он усердно упражнялся в рыцарских играх и не изменял своим привычкам и здесь, в Венеции. По его настоятельной просьбе отец позволил ему посещать школу фехтования, где сыновья дворян и зажиточных венецианцев упражнялись в фехтовании, в бросании метательного копья и в умении владеть секирой. Он отличался силой и ловкостью, что, впрочем, признавали решительно все его товарищи. Часто он отправлялся на какой-нибудь уединенный остров и там упражнялся, стреляя из лука в цель. Он прилагал особое усердие к тому, чтобы добиться ловкости в управлении веслом. Он скоро научился отлично управлять гондолой, и самым большим для него удовольствием было, катаясь в гондоле вместе с Джузеппе, сыном гондольера его отца, грести самому. Молодежь знатных венецианских семейств не занималась греблей и считала это занятие даже унижительным, так что Франциск решался братья за весла только под покровом вечерней темноты или где-нибудь в отдаленных каналах, где не было большого движения гондол.

Утром, на другой день после свидания молодых приятелей, Франциск подходил к ступенькам, где гондольеры Беппо и Джузеппе в своих черных одеяниях, опоясанные красными кушаками, стояли у гондолы, поджидая мистера Гам-

монда, который хотел ехать в Маламокко для осмотра груза, прибывшего накануне из Азова. Увидев Франциска, Джузеппе выскочил на берег.

– Я узнал тут об одной гондоле, синьор Франциск, которая как раз подойдет вам; вы можете купить ее за самый пустяк.

– Неужели! Где я могу посмотреть ее, Джузеппе?

– Она принадлежит одному человеку из Лидо. Два года тому назад владелец построил ее для гонок, но потом заболел и не мог пользоваться ею; теперь он охотно продал бы ее, так как она слишком легка для обыкновенной работы, уж так легка, как ореховая скорлупа. Она обошлась ему в четыре дуката, но он охотно уступит ее за два, она теперь совсем ему не нужна.

– Что же, это очень выгодно для меня, Джузеппе. Я давно отыскиваю себе подходящую лодку. Твоя гондола вполне годится для моего отца, а для меня она слишком тяжела. Сегодня же вечером мы прокатимся в Лидо и осмотрим гондолу, про которую ты говоришь.

С густя несколько минут приблизился мистер Гаммонд. Беппо и его сын сняли куртки и в своих белоснежных рубашках и черных шароварах, с красными шарфами и лентами вокруг шляп, заняли свои места – один у носа гондолы, а другой – у руля. Гаммонд опустился на подушки посреди лодки, и гондола плавно и бесшумно поплыла по каналу. Франциск очень сожалел о том, что не мог сопровождать отца, так как по утрам он должен был посещать школу, в ко-

торой преподавались главным образом иностранные языки; в те времена в школах вообще мало обращали внимания на другие предметы. В этой школе он сталкивался с сыновьями знатных венецианских семейств, там же он впервые встретился с Маттео Джустиниани, который был теперь лучшим его другом. Маттео, как и все венецианские дворяне, стремился к тому, чтобы отличиться в искусстве владеть оружием, но у него не доставало именно того неутомимого усердия, которым обладал его друг. Он восторгался силой и ловкостью Франциска, но у него не хватало выдержки, чтобы проделывать те упражнения, благодаря которым его друг добился таких успехов. Частенько они толковали и даже спорили с Франциском о любви молодого англичанина к гребле.

– Не подобает молодому дворянину, Франциск, – уверял итальянец, – трудиться так, как работает простой гондольер; ведь этим людям платят за их труд; и что же это за удовольствие грести до полнейшего изнеможения, этого я не постигаю. Я ничего не имею против того, когда ты увлекаешься в школе фехтования, где обучают владеть оружием, так как, не умея владеть мечом и кинжалом, нельзя сделаться героем, ну а умение грести для этого вовсе не требуется.

– Но мне это доставляет большое удовольствие, Маттео; видишь, какие у меня крепкие мускулы? И ты мог бы сделаться таким же сильным, если бы решился работать веслом. Ты представить себе не можешь, какое удовольствие испытываешь, когда гондола послушно повинуется каждому дви-

жению твоей руки.

– Ну, я охотно предоставляю это дело рукам других!

Вечером Франциск поехал с Джузеппе к лагунам, чтобы осмотреть там лодку, и пришел в восторг, когда увидел гондолу. Она была легка, как скорлупа; дерево в ней было чрезвычайно тонкое, и при этом сразу видно было, что она крепко и прочно построена.

– Я неохотно расстаюсь с ней, – сказал молодой рыбак, хозяин лодки. – Я испытывал ее два или три раза, она летит как стрела, но у меня лихорадка, и я уже не могу участвовать в гонках. А времена теперь плохие, приходится поневоле расстаться с ней.

Франциск и Джузеппе испытали лодку и пришли в такой восторг от ее легкости и быстроты, с какой она мчалась по воде, что Франциск тотчас же уплатил требуемую за нее сумму. Приобретение лодки доставило ему, кроме того, еще другую радость, так как отец разрешил ему теперь подольше оставаться вне дома и предпринимать более дальние поездки. Теперь не проходило почти ни одного вечера без того, чтобы Франциск не катался по лагунам в своей гондоле, и матросы, мимо которых часто даже ночью скользила его маленькая ладья, подгоняемая ударами весел, дружелюбно кивали ему головой.

Глава II

Заговор

– Кто такие эти дамы, Маттео? – спросил Франциск однажды вечером своего друга, когда они в сопровождении Джузеппе катались по Большому каналу и молодой венецианец поклонился двум молоденьким девушкам, проехавшим мимо них в гондоле.

– Это родственницы мои, Мария и Джулия Полани; они только недавно возвратились с Корфу. Их отец один из богатейших купцов в нашем городе; последние три года он провёл на Корфу, где находятся главные его торговые склады. Род Полани очень древний, и из него избирались даже дожи. Молодые девушки считаются одними из богатейших наследниц в Венеции, так как братьев у них нет. Мать их умерла вскоре после того, как родилась Джулия.

– Они выглядят еще очень молодыми, – заметил Франциск.

– Марии только что минуло шестнадцать лет, а сестра моложе ее на два года.

– А кто же пожилая дама, сидевшая рядом с ними?

– Эта особа, – отвечал небрежно Маттео, – состоит при них еще с самого их детства и пользуется большим доверием самого Полани. Однако действительно твоя гондола замеча-

тельная, – прервал он самого себя, – она так и мчится.

– Не правда ли? Как стрела! Ты приходи как-нибудь вечером, Маттео, когда мы вдвоем с Джузеппе сядем на весла и будем грести.

– Да, хорошо иметь такую быстроходную лодку, – заметил Маттео задумчиво. – Представь себе, если ты, например, попадешь в какую-нибудь неприятную историю и за тобой будет гнаться по пятам лодка городской стражи!

– Надеюсь, что я никогда не подам повода к тому, чтобы меня преследовала городская стража. Ну а если бы мне пришлось удирать от кого-нибудь, то вряд ли кому удастся нагнать меня, будь у него даже двое гребцов против меня одного. Впрочем, ты прав, никогда наперед нельзя знать, что может случиться.

Спустя несколько дней после этого разговора Франциск поздно вечером возвращался домой по безлюдному каналу, как вдруг с берега кто-то окликнул его.

– Надо, пожалуй, подвезти этого человека, синьор Франциск? – спросил Джузеппе, так как уже не раз им случилось оказывать подобные услуги какому-либо запоздалому незнакомцу. Франциск греб, как и Джузеппе, в одной рубашке, без верхнего платья, и в темноте его часто принимали за простого гондольера. Такие похождения доставляли ему большое развлечение. Когда им случалось подвозить в гондоле кого-либо к условленному месту, Франциск, разглядывая ночного пассажира, часто размышлял о том, кто такой

этот незнакомец и куда он спешит, не игрок ли он, который отыскивает своих сотоварищей в глухом кабачке. Впрочем, ему было безразлично, куда бы ни пожелал попасть пассажир, а для Джузеппе приманкой служила награда за его труды.

Франциск отвечал на вопрос Джузеппе утвердительным кивком, и они направили лодку к берегу.

– Вы, должно быть, не торопитесь на боковую? – сказал человек, подозвавший их к себе.

– Если нам платят хорошо, то нам ничего не стоит не поспать час-другой, – отвечал Джузеппе, который всегда в таких случаях вел разговор.

– Знаете ли вы, где остров Сан-Николо?

– Да, дорогу-то мы знаем, но это далековько отсюда.

– Вам придется там подождать меня час или два; я вам заплачу за это полдуката.

– Что же, мы согласны, – пробормотал Франциск.

Остров Сан-Николо был маленький песчаный островок, расположенный в стороне от группы других островов. На нем жило несколько бедных рыбаков, и у Франциска явилось сильное желание узнать, за каким делом мог человек, по разговору и одежде, очевидно, принадлежащий к знатному роду, ехать в такой поздний час на этот остров; во всяком случае, тут было что-то таинственное. Когда незнакомец уселся в лодке, Франциск при сиянии звезд заметил, что на нем была маска. В гондоле не обменялись ни одним словом. Когда

же путники уже почти приближались к своей цели, незнакомец прервал молчание.

– Вы прекрасно гребете, – промолвил он. – Если вы согласны, то в скором времени я опять найму вас.

– Мы всегда готовы зарабатывать деньги, – пробормотал Франциск преднамеренно измененным голосом.

– Хорошо, когда мы поедем обратно, я вам скажу, когда вы мне опять будете нужны. Надеюсь, что вы сумеете держать язык за зубами, если это понадобится?

– На этот счет будьте спокойны, – отвечал Джузеппе. – Заткните наши глотки серебром, так мы уж будем молчать.

Несколько минут спустя нос гондолы со скрипом врезался в песчаный берег острова. Незнакомец выскочил из лодки и, сказав: «Может быть, я вернусь не ранее, как часа через два», – быстро удалился.

– Скажите, ради бога, как же это вы, сеньор Франциск, согласились на поездку в эту глухую местность? – вскричал Джузеппе, как только исчез из виду пассажир. – Мне самому очень приятно заработать полдуката, который мне поможет обзавестись к будущему празднику новой курткой с серебряными пуговицами, а все-таки ехать в такую даль слишком рискованно; ведь будет очень поздно, прежде чем мы доберемся до дому. Если ваш отец проведает об этом, он очень рассердится.

– Разумеется, если я согласился, то не ради твоей куртки с серебряными пуговицами; я согласился потому, что эта по-

ездка обещает какое-нибудь приключение. Что-нибудь тут кроется! Дворянин, – а по всему видно, что наш незнакомец дворянин, – никогда бы не поехал в такую позднюю пору на остров Сан-Николо без какой-либо особой причины. Вероятно, там происходит какое-нибудь тайное сборище; я заметил сегодня на лагунах несколько лодок, которые плыли в этом же направлении. Мне хочется непременно допытаться, в чем тут дело и что тут творится.

– Лучше не делать этого, сударь, – предупредил его серьезным тоном Джузеппе. – Если там затевается какой-нибудь заговор, то всего лучше нам не вмешиваться. Мы можем пострадать за это. Мне сдается, что всего лучше нам убраться отсюда подобру-поздорову.

– Нет, мне хотелось бы все-таки узнать, что там происходит, Джузеппе. Чем же мы рискуем? Я полагаю, что, пока мы на воде, нам никакие преследователи не страшны. Ты останься здесь, Джузеппе, а я последую за незнакомцем и постараюсь разведать, в чем там дело. Ты спустишь лодку на воду и будешь поджидать меня, так чтобы в случае чего я бы мог прибежать сюда, вскочить в лодку и умчаться.

Франциск со всевозможными предосторожностями тихо подкрался к рыбацким хижинам, стоявшим разбросанно на острове, но ни в одной из них он не мог заметить даже и признака жизни; нигде не слышно было ни одного звука. Он знал, что в глубине острова есть еще несколько домиков, но так как было темно, а с островом он не был знаком, то решил,

что благоразумнее вернуться назад к своей лодке.

– Я не мог отыскать и следов нашего незнакомца, Джузеппе.

– Тем лучше, синьор Франциск! Скажу вам откровенно, что я от души рад, что вы вернулись назад. Я постараюсь часочек соснуть и вам советую сделать то же самое.

Нэ Франциск не думал о сне; он сел на свое место в гондолу и стал думать, стоит ли ему заниматься дальнейшим расследованием этого дела. Джузеппе, скорчившись, лежал на дне лодки, и через несколько минут его равномерное дыхание доказало, что он крепко заснул; он даже не пошевелился ни разу, пока Франциск, услышавший приближавшиеся к лодке шаги, разбудил его. Франциск приподнялся с своего места и стал потягиваться при приближении незнакомца, делая вид, что проснулся после крепкого сна.

– Доставьте меня обратно на то место, откуда я вас позвал, – сказал незнакомец, садясь в лодку, и откинулся на подушки.

Молодые люди опустили весла в воду, и гондола поплыла назад в город. Когда они добрались до устья Большого канала и собирались свернуть в сторону, из-под моста, навстречу им, выступила шестивесельная гондола, с которой раздался громкий голос.

– Стой! Именем Республики! Кто вы такие?

– Вперед! – вскричал незнакомец, быстро привстав со своего сиденья, – Гребите скорее! Десять дукатов, если мы скро-

емся от них!

Франциск двумя ударами весел повернул лодку так, что преследователи очутились сзади них, и тогда он и Джузеппе изо всей мочи налегли на весла. Как стрела понеслась лодка по воде. Гондола нагоняла их. Офицер, начальник гондолы, громким голосом подбадривал своих гребцов. Франциск понял, что им не уйти от преследователей, и, когда гондола была от них уже на расстоянии нескольких ударов весел, быстро свернул в маленький боковой канал. Гондола, захваченная врасплох этим внезапным поворотом, проскочила мимо бокового канала и отстала.

– Сейчас в первый канал направо, – шепнул Франциск и опять быстрым поворотом направил гондолу вперед. Несколько минут спустя они наконец потеряли из виду своих преследователей и теперь могли спокойно ехать к назначенному месту.

– К собору Святого Павла! – приказал незнакомец. – Однако отличились же вы, – прибавил он. – Видно, что вы мастера своего дела, вы гребли с такой быстротой, что задали-таки работу этим лентяям. Хотя у меня нет причин опасаться их погони, но нет и желания подвергать себя их допросам.

Он отдал Джузеппе обещанные деньги и сказал:

– В четверг! К половине одиннадцатого.

Джузеппе немного замешкался с ответом.

– Знаете что, синьор, это опасная служба, – сказал он. –

Офицеры Республики не любят, чтобы с ними шутили и не повиновались их приказаниям. В следующий раз нам, может быть, не удастся так счастливо отделаться от них!

– Но если вам платят так хорошо, то и вы можете быть посмелее, – сказал незнакомец, отворачиваясь от них, как бы желая прервать всякие дальнейшие объяснения. – Наконец, в следующий раз мы можем и не встретить их.

Так они расстались. В промежуток времени до дня, назначенного для следующей встречи, Франциск серьезно обдумывал вопрос, стоит ли продолжать эти похождения; наконец он решил до поры до времени не прерывать их, так как никакой серьезной опасности пока ему не грозило. Со своей стороны, Джузеппе размышлял о том же, но он не особенно долго колебался, так как полученные им десять дукатов представляли большой соблазн для бедняка гонцольера. Еще одна такая поездка, думал он, и ему удастся купить себе гондолу, жениться и обзавестись собственным хозяйством. Но еще прежде, чем истек установленный срок, Франциск узнал от Маттео Джустиниани новости, которые сильно заинтересовали его.

– Помнишь ли ты мою кузину Марию Полани, которую мы недавно вечером встретили на Большом канале?

– Конечно, помню, Маттео, и что же с ней?

– Представь себе только! Руджиеро Мочениго, которого я тебе показал тогда на площади, человек, который по подозрению в убийстве был два года в ссылке, вздумал свататься

за нее и просить ее руки!

– Но ему, конечно, отказали? – спросил негодуяще Франциск.

– Да, конечно. Отец Марии сказал ему, что согласится скорей видеть свою дочь мертвой, нежели женой убийцы. Произошла очень бурная сцена, как мне говорили, и Руджиеро удалился, поклявшись, что Полани придется еще рассказывать в своем обидном отказе.

– Но твой родственник не очень-то испугался этой угрозы?

– Я полагаю, что нет, – отвечал Маттео, – но у Руджиеро есть связи, так что он легко может отомстить ему; я не говорю уже о том, что он может за деньги найти человека, который в один прекрасный день заколет Полани своим кинжалом. Мой отец советовал ему быть настороже, когда ему приходится выходить ночью из дома. Этот негодяй Руджиеро опаснейший враг. С него все станется, он способен поджечь дом Полани, даже увести силой Марию из дома.

Наконец наступил условленный день, и гондола ждала в назначенный час на заранее указанном месте. Франциск предвидел, что незнакомец может задать им несколько вопросов о том, например, где они живут, где обыкновенно можно их нанять, вообще постарается по их ответам сообразить, вполне ли он может на них положиться, так как догадается, что они, со своей стороны, заподозрят, не замешан ли он в какое-либо опасное дело. Джузеппе был в этих случаях

очень осторожен, и Франциск знал, что ему нет надобности входить в лишние объяснения с хитрым итальянцем, который всегда сумеет выдумать какую-нибудь более или менее правдоподобную басню, чтобы выпутаться из затруднительных обстоятельств.

Незнакомец появился у гондолы несколькими минутами позже назначенного времени.

– Однако вы не заставляете себя ждать, – сказал он. – Я этим очень доволен; ваш брат гондольер вообще народ не особенно аккуратный.

Франциск отвел весла к носу лодки и повернулся спиной к пассажиру, так что вопросы незнакомца поневоле должны были относиться не к нему, а к Джузеппе, стоявшему ближе к незнакомцу; случилось именно так, как ожидал Франциск. Незнакомец обернулся к Джузеппе и начал беседовать с ним.

– Я не могу разглядеть ваши лица, но, судя по вашему виду, вы, должно быть, еще очень молодые люди.

– Мне двадцать два года, – сказал Джузеппе, – а мой брат на год моложе меня.

– А как вас зовут?

– Джованни и Беппо Морани.

– А лодка эта ваша собственная?

– Да, сударь. Наш отец умер три года назад и оставил нам ее в наследство.

– А где вы обыкновенно стоите с гондолой?

– Везде, сударь, где придется! Иной раз бывает выгоднее

одно место, другой раз другое.

– Где же вы живете?

– Можно сказать, сударь, что мы нигде не живем. Когда наступит ночь и у нас не предвидится работы, то мы привяжем лодку к какому-нибудь колу, завернемся в наши плащи и спокойно спим в лодке. Денег за это не надо платить, и мы чувствуем себя отлично.

– Значит, вы копите деньжонки?

– Да, откладываем понемногу. В один прекрасный день мы, вероятно, женимся, и тогда нам нужны будут деньги, чтобы прокормить наших жен. Кроме того, случается, что мы полениваемся и на время бросаем работу. Надо же когда-нибудь и нам доставить себе развлечение.

– Не согласились бы вы наняться к кому-либо в услужение?

– Нет, сударь. Мы хотим быть сами себе господами, захотим, повезем пассажира, не захотим – не повезем; делаем то, что нам хочется.

– Значит, у вас нет определенного места стоянки, где бы я мог всегда найти вас?

– Нет, сударь, но мы всегда можем вас встретить на условленном заранее месте, если вы дадите нам знать вовремя.

– Как же я могу дать вам знать, – сказал с досадой пассажир, – когда я не знаю, где вас можно найти?

Джузеппе замолчал, как будто обдумывая что-то.

– Если бы ваша милость написали цифрами час, в кото-

рый мы вам нужны, на подножии колонны дворца на углу Пьяцетты, то мы почаще ходили бы туда днем и посматривали, нет ли там какой-либо надписи.

– Вы, значит, умеете читать и писать? – спросил пассажир.

– Нет, сударь, мы только цифры разбираем. Цифры нам необходимо знать, а то как же мы будем узнавать часы? Мы разбираем цифры на солнечных часах, а уметь читать и писать вовсе и не требуется таким беднякам, как мы.

Пассажир, по-видимому, удовлетворился этим ответом. Во всяком случае, они знали цифры на солнечных часах, и этого было достаточно, чтобы он мог условливаться с гондольерами.

– Хорошо, – сказал он, – когда я вас отпущу, то я, вероятно, назначу час, в который вы мне будете опять нужны, в случае же какой-нибудь перемены я напишу вам на условленной колонне тот час, в который вы должны будете поджидать меня на условленном месте. – Больше они не проронили ни одного слова до тех пор, пока гондола не причалила к тому месту, где они остановились в прошлый раз.

– Я опять пробуду здесь столько же времени, как в последний раз, – сказал незнакомец, вылезая из гондолы.

Франциск не мог устоять против искушения последовать за ним и осторожно стал прокрадываться в некотором расстоянии от него. Предположения Франциска оправдались: незнакомец направился не к селению, но прошел недалеко от берега по краю острова. Вдруг Франциск услышал удары

весел, и вскоре в песок врезалась гондола как раз между ним и незнакомцем. Франциск лег на землю, чтобы его не могли увидеть. Из гондолы вышли двое мужчин и пошли по тому же направлению, куда направился незнакомец. Франциск осторожно сделал маленький обход в сторону из опасения, чтобы его не заметили поджидавшие своих пассажиров гондольеры, а затем поспешил за тремя едва видимыми в темноте мужчинами. После того как они прошли около четверти часа по окраине острова, они свернули в сторону от берега и остановились перед мрачным строением. Франциск слышал, как они постучали в дверь хижины, потом до слуха его долетел какой-то шепот, как будто кто-то обменивался вопросами и ответами. Затем все вошли в хижину, и дверь захлопнулась за ними.

Когда Франциск, выждав несколько минут, добрался до этого места, то очутился перед развалившейся хижинкой, стоявшей между двух песчаных бугров. Окна были закрыты ставнями, и изнутри не проникало даже луча света.

Осторожно обошел Франциск вокруг хижины, присел на корточки в углу у двери и стал выжидать.

Вскоре он опять услышал приближавшиеся шаги; какая-то темная фигура трижды постучалась в дверь, и на этот стук откликнулся изнутри чей-то голос.

– Кто там?

– Добрый друг!

– Пароль?

– Месть врагу!

Франциск, напряженно прислушиваясь, услышал шум, как будто отодвигали задвижку, дверь открылась и тотчас же опять закрылась за вошедшим.

Явились еще четыре новых лица, и каждый раз из хижины задавались те же вопросы, на которые следовали те же ответы, а потом опять все затихало. Франциск растянулся на песке и своим кинжалом начал сверлить дыру в деревянной стене хижины; бревна ее были такие ветхие, что легко поддавались его усилиям.

Приложившись глазом к сделанному отверстию, он увидел около двенадцати сидящих за столом мужчин.

Из числа сидевших, лица которых были обращены в его сторону, он знал только трех или четырех; все они были из знатных семейств. Двое из них были членами Совета, но не принадлежали к Совету Десяти. Один мужчина, сидевший во главе, что-то говорил, но как ни старался Франциск слышать его слова, он не мог понять ни одного слова. Он осторожно привстал, сгреб в кучу песок, чтобы скрыть сделанное им в стене отверстие, замел свои следы и прошел на другую сторону хижины, где опять просверлил дыру. Теперь он мог разглядеть лица тех, кто раньше сидел к нему спиной, и тотчас же он признал в одном из них Руджиеро Мочениго. Сидевший с ним рядом человек был незнаком Франциску, но по одеянию его можно было принять за венгерца, а другие трое были, по-видимому, не из дворян. Прошел почти

час, пока Франциск был занят сверлением и подслушиванием, так что он счел за лучшее вернуться к лодке. Стараясь тщательно скрыть всякие следы своего пребывания, Франциск поспешно направился к гондоле.

– Слава богу! Наконец-то вы вернулись, – встретил его Джузеппе. – Меня даже лихорадка стала трясти, пока вы пропадали. Добились ли вы чего-нибудь?

– Как сказать! Я узнал только то, что они затевают какой-то заговор. Некоторых из участников я знаю, но о чем они говорят, не знаю – я не мог разобрать ни одного слова.

– Я думаю, что в другой раз вы не согласитесь ехать сюда, синьор: вы знаете, что иметь дело с заговорщиками опасно. Кто дорожит своей жизнью, тот не должен наживать себе врагов в Венеции.

– Да, это я знаю отлично, Джузеппе, и мне надо обдумать это дело.

Не прошло и четверти часа, как вернулся их пассажир. Франциск был очень рад, что не остался дольше на опасном посту около хижины. На этот раз они сделали большой крюк на обратном пути и, въехав в город по одному из многочисленных каналов, благополучно добрались до места без всяких помех. Незнакомец вручил Джузеппе деньги и сказал:

– Я не знаю, когда вы опять понадобится мне, но я напишу час на колонне, как мы уговорились. Не пропускайте ни одного дня без того, чтобы не справляться там; даже если там ничего не будет обозначено, то поджидайте меня здесь в

половине одиннадцатого. Может так случиться, что вы вдруг мне понадобится.

Прежде чем заснуть в эту ночь, Франциск, обдумывая все случившееся, пришел к заключению, что лучше ему отказаться от всякого дальнейшего участия в этом деле. Конечно, проще всего было бы проехать к Сан-Николо днем, незаметно вынуть доску с задней стены хижины или проделать большое отверстие, чтобы он мог одинаково хорошо видеть и слышать, что там творится; но если бы оказалось, что там происходят встречи врагов Венеции, например граждан Падуи и Венгрии, то что же ему делать в этом случае? Даже в самом благоприятном случае, если бы по его указанию удалось арестовать заговорщиков, он сам все-таки очутился бы в очень незавидном положении. Несомненно, что Республика была бы ему обязана за его услугу, но он не нуждался ни в какой награде. С другой стороны, несомненно и то, что он нажил бы себе много врагов из самых знатных венецианских семейств и жизнь его была бы в вечной опасности. До сих пор его участие в этом деле можно было бы назвать порывом, мимолетной вспышкой мальчишеского любопытства. Но теперь, когда он убедился, что затеянное дело настолько серьезно, что может повлечь за собой печальные последствия и даже, может быть, угрожать жизни нескольких лиц, он решил вовсе прекратить свои похождения с таинственным незнакомцем.

Глава III

На большом канале

На другое утро Джузеппе был очень обрадован, когда Франциск сказал ему о своем решении отказаться от всяких дальнейших попыток расследовать дело о заговоре в Сан-Николо. Уже несколько ночей как он плохо спал и очень тревожился не столько даже за себя, сколько за участь своего господина, так как был уверен, что месть заговорщиков обрушится скорее на Франциска, а не на него, бедняка гондольера, который только исполняет приказания своего господина. Понятно поэтому, что он почувствовал необыкновенное облегчение, когда узнал, что Франциск решил больше не ездить на Сан-Николо.

В течение нескольких последующих дней Франциск чаще обыкновенного отправлялся на площадь Святого Марка; там среди толпы он встречал лиц, которых видел в хижине, и через своих знакомых разузнавал имена их и фамилии. Франциск был очень доволен сведениями, которые ему удалось раздобыть, полагая, что они могут ему со временем пригодиться.

В видах предосторожности он написал точный отчет обо всем, происходившем на лагунах в течение этих двух ночей, написав в отчете имена присутствовавших в хижине; затем

он спрятал отчет в своей комнате и обо всем этом рассказал Джузеппе.

– Я думаю, нечего опасаться, что нас могли узнать, Джузеппе; тогда было слишком темно, и незнакомец не мог разглядеть наши лица. Но осторожность никогда не вредит, и если со мной приключится какая-нибудь беда, если я, например, внезапно исчезну и не вернусь домой до утра, то ты должен взять бумаги из моего ящика и бросить их в Львиную пасть. Если же тебя потом будут о чем-либо допрашивать, то расскажи все как было.

– Но мне никогда не поверят, синьор Франциск, – сказал Джузеппе.

– Поверят, потому что все, что ты скажешь им, будет только подтверждением изложенного мною в отчете. Я уверен, впрочем, что мы ничего больше не услышим об этом приключении.

– Отчего же вы не хотите теперь же донести обо всем случившемся, только скрыв свое имя? – спросил Джузеппе. – Тогда они могли бы застигнуть заговорщиков на месте и сами убедились бы, что вы написали правду.

– Я уже думал об этом, Джузеппе, но в тайном доносе такого рода кроется всегда что-то изменническое. Эти люди не сделали мне никакого зла, и мне, как иностранцу, вовсе не следовало бы вмешиваться в их политические замыслы. Мне было бы очень прискорбно сознавать, что по моей вине двенадцать человек будут заточены в тюрьму или даже осужде-

ны на смерть.

– Очень жаль, что вы вообще вмешались в это дело, сеньор.

– Да, пожалуй, ты прав, Джузеппе, но я никогда не думал, что тут затевается такое серьезное дело; конечно, я очень раскаиваюсь теперь, что ездил на остров. Может быть, настанет день, когда мы еще услышим о последствиях этого заговора, в особенности если цель заговора состояла в том, чтобы образовать партию противников войны Венеции с Падуей и Генуей.

В течение нескольких последующих дней Франциск удерживался от своих ночных прогулок в гондоле. Трудно было предположить, чтобы незнакомец мог узнать его или Джузеппе, если бы они повстречались с ним, но предосторожность никогда не мешает, и теперь Франциск, предпринимая поездку, садился в гондолу на подушки, а веслами правил Джузеппе, полагая этим ввести в заблуждение своего пассажира, который стал бы искать четырехвесельную гондолу.

Действительно, спустя неделю Джузеппе узнал, что кто-то навел справки о гондоле, принадлежащей двум братьям гондольерам Джованни и Беппо, и что справлявшийся о них человек предлагал пять дукатов тому, кто сообщит ему какие-нибудь сведения о них. Но никто не мог дать удовлетворительного ответа, так как в списке гондольеров, которым разрешалось возить пассажиров за плату, таких двух братьев не было.

Однажды вечером Франциск вместе с Маттео слонялся по Пьяцце и оставался там дольше обыкновенного. Затем Франциск уселся в свою гондолу и на вопрос Джузеппе о том, куда направить путь, отвечал, что ему хотелось бы еще прокатиться по Большому каналу, так как было очень душно. Луна в эту ночь не светила, так что кругом царила темнота, и большинство гондол освещались факелами. В то время, когда их гондола тихо скользила по каналу, вдруг мимо них пронеслась четырехвесельная гондола на таком близком расстоянии, что Франциск при свете горевшего факела признал в сидевших в ней дамах Марию и Джулию Полани с их гувернанткой. Сзади них сидели двое вооруженных слуг. Франциск подумал, что они, по всей вероятности, возвращаются домой после проведенного вечера в гостях. Когда гондола Полани опередила их уже на значительное расстояние, Франциск вдруг услышал возгласы: «Берегись, смотри, куда едешь!» Потом раздался ужасный треск, как бы от столкновения двух гондол, а вслед за тем крики о помощи и, как показалось Франциску, даже бряцание обнаженных мечей.

– Скорей, скорей, Джузеппе! – вскричал он, вскочив со своего места и схватив в руки другое весло. – Дочерям Полани угрожает опасность!

Сильными и быстрыми ударами весел направили они лодку к месту происшествия. Было очевидно, что здесь совершалось нападение на лодку Полани. Рядом с их гондолой стояла четырехвесельная гондола, и гондольеры с веслами в ру-

ках, а слуги с обнаженными мечами отчаянно отбивались от каких-то вооруженных людей.

Один из слуг Полани лежал уже на дне лодки, сраженный ударом сабли, тогда как один из гондольеров был сброшен с лодки ударом весла. Обе молодые девушки стояли в полном отчаянии, громко взывая о помощи.

– Скорее, спасайтесь в мою лодку! – вскричал Франциск и, перегнувшись через борт, стал перетаскивать одну за другой обеих девушек в свою лодку; как раз в это время был убит их последний защитник.

С яростными криками и проклятиями предводитель нападавших готовился уже вскочить в гондолу Франциска, но тот, быстро схватив весло, ударил его с такой силой по голове, что тот упал в воду.

Раздались крики ужаса; Франциск изо всех сил приналег вдвоем с Джузеппе на весла, и их гондола как птица помчалась по каналу.

– Успокойтесь, прошу вас! – обратился Франциск к молодым девушкам. – Теперь нам нечего опасаться преследования: они заняты спасением человека, которого я сбросил в канал, и мы пока в полной безопасности.

– Но как же наша бедная синьора? Что же с ней будет? – сказала старшая из молодых девушек, уже несколько оправившись от испуга.

– Будьте спокойны; ей не причинят никакого вреда, – сказал Франциск, – очевидно, они покушались похитить вас, а

так как им это не удалось, то синьору они оставят в покое. Она, кажется, совсем растерялась от испуга; в то время как я переносил вас в свою лодку, она с такой силой вцепилась в ваше платье, что наверняка у нее остались в руках ключья материи.

– Вы знаете, куда нас везти? Я вижу, впрочем, что вы направляетесь к нашему дому, – с удивлением заметила молодая девушка.

– Да, к дворцу Полани, – отвечал Франциск. – Я имею честь быть другом вашего двоюродного брата, Маттео Джустиниани, который назвал мне ваши имена, когда мы однажды в месте с ним случайно встретили вас.

– Вы – друг Маттео! – удивленно повторила молодая девушка. – Простите меня, синьор, но я приняла вас за простых гондольеров, случайно проезжавших мимо; было так темно, что я не могла вас разглядеть. Так редко случается видеть, чтобы веслами работал не простой гондольер.

– Я – англичанин, синьора, а так как англичане любят вообще всякие физические упражнения, то в вечернюю пору, когда меня никто не видит, я часто гребу сам.

– Благодарю вас от всего сердца за услугу, которую вы оказали мне и моей сестре! Я даже не могу ясно представить себе, что с нами случилось; мне и теперь все это кажется каким-то сном. Мы не спеша возвращались к своему дому; вдруг из бокового канала показалась большая гондола, наскочила прямо на нашу гондолу и чуть-чуть не опрокинула

нас. Наш гондольер крикнул, чтобы предостеречь встречную гондолу, но тут какие-то люди вскочили на борт, и произошла ужасная стычка. Беппо был сброшен через борт, и я видела, как упал старый Николини; и вот как раз в ту минуту, когда я думала, что мы уже погибли, подъехали вы и перенесли нас в свою лодку прежде, чем я успела опомниться.

– Я, может быть, напугал вас резкостью своего обращения, синьора, но тут, знаете, было не до церемоний. А вот и ваше палаццо.

Лодка причалила к ступеням набережной. Франциск выскочил на берег и позвонил у входных дверей. Двери открылись, и двое слуг явились с зажженными факелами в руках.

– Я позволю себе зайти к вам завтра, чтобы узнать о вашем здоровье после такого ужасного приключения, синьорина.

– Нет, нет, – отвечала младшая девушка, – вы должны сейчас же пройти вместе с нами к нашему отцу. Мы расскажем ему все, что с нами приключилось, и он никогда не простит нам, если мы позволим вам удалиться, лишив его возможности лично выразить свою благодарность за оказанную нам услугу.

Франциск низко поклонился и последовал за девушками вверх по лестнице. Они вошли в большую, великолепно убранную комнату, в которой сидел представительный мужчина, занятый чтением.

– Что с вами случилось? – спросил он, идя им навстречу, – Отчего вы так взволнованы? Где синьора Кастальди? И кто

этот молодой человек?

– Представь себе, отец, на нас напали какие-то люди, когда мы возвращались домой! – воскликнули обе девушки разом.

– Напали! – повторил синьор Полани. – Да кто же мог решиться на такой дерзкий поступок?

– Мы сами этого не знаем, отец, – отвечала Мария, – какая-то большая гондола внезапно налетела на нас. Мы думали, что это случилось нечаянно, как вдруг несколько человек с обнаженными мечами в руках вскочили на борт нашей гондолы. Тогда наши слуги обнажили мечи, чтобы защитить нас, а Беппо и Джакомо храбро отбивались веслами; Беппо был сброшен в воду, а Николини и Франций убиты. Казалось, еще одна минута – и мы будем схвачены, но как раз в это время подъехал к нам этот молодой человек и перенес нас в свою гондолу. Мы были так озадачены и перепуганы, что не понимали, что с нами творится. Один из нападавших, по-видимому, предводитель их, пытался вскочить в нашу гондолу, но этот синьор ударил его веслом по голове с такой силой, что тот упал в воду, а затем мы стали быстро удаляться от них, и больше они уже не преследовали нас.

– Какая неслыханная дерзость! Я обращусь в Совет за правосудием. Вы, молодой человек, оказали мне такую услугу, которую я никогда не забуду. Вы спасли моих дочерей от величайшего несчастья. Позвольте же мне узнать имя того, кому я столь многим обязан.

– Мое имя – Франциск Гаммонд; мой отец английский ку-

пец, поселившийся здесь уже несколько лет назад.

– Как же! Я слышал о вашем отце, – сказал Полани, – и надеюсь ближе познакомиться с ним. А где же синьора Ка-стальди? – обратился он к дочерям.

– Она осталась там, в нашей гондоле; она так испугалась, что не могла двинуться с места.

Синьор Полани позвал слугу.

– Велите сейчас же снарядить гондолу; шестеро из вас, взяв с собою оружие, должны отправиться на поиски нашей лодки; пошлите кого-нибудь за лекарем, так как там есть раненые очень серьезно и даже убитые.

Однако, прежде еще, чем успели выполнить это приказание, к ступеням палатки подплыла гондола, управляемая оставшимся в живых гондольером. Сначала вышла с помощью слуг синьора, громко рыдавшая, а затем вынули тела двух слуг. Один был уже мертв, а другой скончался вскоре после того, как его вынесли на берег.

– Не заметила ли ты, Мария, или ты, Джулия, каких-нибудь особых примет на гондоле, в которой находились нападавшие?

– Нет, отец, никаких знаков и никакого герба я на ней не заметила. Впрочем, я так была перепугана, что ничего не могла разглядеть.

– Насколько я мог заметить, это была самая обыкновенная гондола, обитая черным сукном, – прибавил Франциск.

– Скажите, молодой человек, каким образом вы-то вме-

шались в эту стычку? Немногие из наших молодых людей решились бы на это, очень хорошо сознавая, как опасно вмешиваться в чужие ссоры.

– Я счел бы, во всяком случае, своей обязанностью явиться на помощь, услышав крики женщин, но я узнал синьорин, когда они проезжали мимо меня в гондоле, так как мне на них указал мой друг Маттео Джустиниани. А теперь, синьор, если позволите, я прошусь с вами, – сказал Франциск, – становится поздно, и синьоринам необходим отдых после всего испытанного.

– Я увижусь с вами завтра же, сударь. Утром я буду иметь честь посетить вашего отца.

– Верно, это судьба наша такая, что с нами постоянно отучаются приключения, Джузеппе, – сказал Франциск, садясь в гондолу.

– Да, и этим, пожалуй, еще не кончились наши приключения, синьор Франциск. Многие узнают о вашем участии в этом деле, и я думаю, что было бы благоразумнее прекратить на время наши вечерние прогулки, а то еще попадем в худшую беду.

– Нет, я не согласен, Джузеппе. Мы ездим без зажженных факелов, так что встречные могут и не узнать нас. В темноте все гондолы похожи одна на другую, и, сколько бы у меня ни явилось врагов, я все-таки не побоюсь кататься по каналам.

На другое утро за завтраком Франциск рассказал своему отцу о случившемся накануне.

– Очень неблагоприятно вмешиваться в ссоры, которые тебя вовсе не касаются, – сказал на это мистер Гаммонд, – на этот раз, однако, твое участие в этом происшествии может даже принести тебе пользу. Синьор Полани один из самых влиятельных купцов в Венеции; его имя известно повсюду на Востоке, и дружба с таким человеком может быть чрезвычайно выгодна и для меня самого. Но, с другой стороны, благодаря тому, что ты помешал выполнить какому-то сумасбродному молодому дворянину его дерзкое намерение, ты, вероятно, нажил себе врага, а для тех, кто имеет врагов среди влиятельных лиц, пребывание в Венеции становится уже небезопасным; как бы то ни было, но тебе следует обуздать свою страсть к приключениям. Ты сын не графа или барона, и добиваться чести и славы с помощью оружия тебе вовсе не подобает. Купец города Лондона должен добиться известности не этим, а честностью и трудолюбием. Уже давно пора отправить тебя на родину, где ты займешь место в конторе и будешь находиться под присмотром моего компаньона; это будет лучше для тебя самого.

Франциск и не подумал, конечно, возражать своему отцу, но сердце его сжалось при мысли, что ему после привольной жизни в Венеции придется засесть в конторе в Лондоне. Вообще ему, как многим пылким юношам, более улыбалась жизнь, полная приключений, на военном ли или ином поприще, нежели однообразная жизнь лондонского купца.

В это же утро у ворот, выходящих на канал, раздался

сильный звонок, и минуту спустя явился слуга с докладом, что внизу находится синьор Полани и просит свидания. Мистер Гаммонд тотчас же поспешил навстречу гостю, которого он с изысканной любезностью провел в дом.

– Вы, конечно, уже слышали обо мне, синьор Гаммонд, как и я имел удовольствие слышать о вас, – сказал венецианец, после того как они обменялись приветствиями, – Ваш сын рассказал вам, вероятно, какую неоценимую услугу он оказал мне вчера, спасши моих дочерей или, вернее, мою *старшую* дочь, – так как, очевидно, именно на нее покушались злодеи, – от похищения, которое хотел учинить один в самых безнравственных молодых людей нашего города.

– Мне очень приятно, синьор Полани, что мой сын мог быть вам полезен, – отвечал мистер Гаммонд. – Признаюсь нам, что я частенько раскаивался в том, что предоставлял ему много свободы и позволял ему тратить время на военные упражнения, более полезные сыну благородного воина, нежели миролюбивого купца; но ловкость и смелость, которые он выработал в военной школе, оченьгодились ему вчера, так что я несколько не жалею о времени, потраченном им в школе фехтования.

– Мне кажется, синьор, что умение владеть оружием может всегда пригодиться в наше время как миролюбивому гражданину, так и добивающемуся славы на военном поприще. Нам, купцам, пришлось бы совсем бросить наше занятие торговлей, если бы мы не умели при случае защищать наши

суда от нападений морских разбойников. Кроме того, всякий гражданин обязан защищать свою родину от нападения врагов. Наконец, у человека, который хотя сколько-нибудь выделяется из толпы, всегда найдутся личные враги, с которыми приходится считаться. Здесь, в Венеции, мы все воины и моряки, и вашему сыну не только не повредит, но, скорее, будет полезно его умение владеть мечом и кинжалом. Вот и теперь, – прибавил он, улыбаясь, – у нас налицо доказательство моего мнения. Вовсе не желая хвастаться, скажу вам, мистер Гаммонд, что Николай Полани, когда представится случай, может быть полезен своим друзьям, в числе которых он отныне будет считать вашего храброго сына и, если позволите, и вас самих. Теперь, однако, я принужден покинуть вас, так как должен спешить в Совет для подачи своей жалобы. Я убедительно буду просить вас позволить вашему сыну пойти со мной, чтобы он мог изложить перед Советом все, что ему известно по этому делу.

– Это его прямая обязанность, но сознаюсь вам, что вся эта история немало тревожит меня. Мы очень хорошо знаем, как опасно иметь врагов в Венеции, так как никакие связи не могут спасти человека от удара кинжалом из-за угла.

Немного времени спустя Франциск сидел рядом с Полани в его гондоле.

– Сколько вам лет, друг мой? – спросил его торговец, когда лодка пересекала лабиринты бесчисленных венецианских каналов.

– Мне недавно минуло шестнадцать лет, синьор.

– Еще только шестнадцать! – воскликнул удивленно Полани. – Я считал вас, по крайней мере, двумя годами старше. Я только что был в палатце Джустиниани, и мой молодой родственник, Маттео, сказал мне, что в школе фехтования ни один из наших знатных молодых людей не может сравняться с вами в искусстве владеть рапирой.

– Я боюсь только, – скромно отвечал Франциск, – что я на эти военные упражнения тратил времени больше, чем следовало бы мне как сыну купца.

– О нет, – отвечал венецианец. – Нам, купцам, тоже приходится отстаивать свои права и свою свободу, защищать наши товары и корабли, точно так же, как дворяне защищают свои дворянские права и свои замки. Сколько раз мне приходилось самому защищать свои корабли от нападения морских разбойников, генуэзцев и других врагов. Я сражался с греками; не раз имел стычки на улицах Константинополя, Александрии и в других портах, даже служил на правительственных галерах. Все торговые люди должны стоять на стороне мира, но вместе с тем они должны быть всегда наготове защищать свое достояние. Однако мы добрались до Пьяцетты.

Близ пристани стояла группа дворян. Синьор Полани тотчас же направился к ним и представил им Франциска как человека, который оказал такую большую услугу его дочерям. Все выражали ему свою признательность и поздравляли его.

– Вы подождете меня у входа? – обратился к нему синьор

Полани. – А, вот я вижу Маттео, который идет сюда со своим отцом. У вас, наверное, найдется, о чем поговорить с ним, пока я буду в Совете.

Все направились ко входу в Совет, а Маттео поспешил к своему другу, приветствуя его словами:

– Ну, Франциск, поздравляю тебя от всей души, хотя и очень завидую тебе. Я пришел в восторг, когда услышал, как ты подлетел в своей гондоле, чтобы выручить моих кузин из когтей этого злодея Руджиеро Мочениго.

– Ты наверно знаешь, что это был Руджиеро?

– О, в этом нет никакого сомнения. Ты помнишь, что он просил руки Марии Полани, и, когда ему было отказано, он поклялся отомстить. А ты знаешь его характер: он способен на всякое низкое дело; кроме того, говорят, он проигрался в карты в Константинополе и теперь попал в лапы ростовщиков. Если бы ему удалось похитить Марию, то он сделался бы обладателем одной из богатейших наследниц в Венеции. Да тут и тени сомнения не может быть. Уж теперь я больше не буду восставать против твоих скитаний в гондоле, так как твое умение грести привело к тому, что тебе удалось оказать такую громадную услугу Полани. Могу уверить тебя, что нашлось бы немало молодых людей в Венеции, которые согласились бы пожертвовать весьма многим, чтобы совершить то, что совершил ты.

– Я очень желал бы знать наверное, был ли это действительно Руджиеро, которого я сбросил в воду, и жив ли он

еще или нет. Ты знаешь, у него очень большие связи, Маттео, и если я приобрел себе новых друзей, то нажил также и непримиримых врагов благодаря этому приключению.

– Это правда, – согласился Маттео. – Ради твоей же безопасности я, конечно, желал бы, чтобы Руджиеро был теперь на дне канала. Никто его не любит, и хотя его приятели открыто взяли бы его сторону, но в душе они были бы отчасти довольны тем, что отделались от такого беспокойного товарища. Но если его слуги спасли его и привели в чувство, то советую тебе держать ухо востро, так как меньше всего желательно было бы иметь своим врагом Руджиеро. Во всяком случае, будем надеяться на лучшее и желать, чтобы нам не пришлось больше услышать о его существовании.

– Я не знаю, право, чего лучше желать, – мрачно проговорил Франциск. – Конечно, он будет опаснейшим врагом, если он жив, а с другой стороны, меня будет постоянно угнетать мысль, что я его убил.

– Будь я на твоём месте, я бы не тревожился об этом, – беспечно сказал Маттео. – Если бы ты не убил его, то, поверь, он убил бы тебя.

– Нет, я воспитан в иных понятиях, Маттео. Моему отцу ненавистны всякие насильственные действия за исключением, разумеется, войны в защиту своего отечества, и хотя он прямо не осуждал меня за мое участие в этом происшествии, но я вижу, что это его беспокоит и он серьезно поговаривает о том, чтобы отправить меня обратно в Англию.

– Да неужели? – печально спросил Маттео. – До сих пор мы были большими друзьями, Франциск, но я надеюсь, что в будущем мы еще больше подружимся. Все друзья Полани будут считать тебя своим близким человеком, и я, идя сюда, подумывал, что, может быть, через несколько лет мы вместе могли бы поступить на государственную службу и получить место на военной галере.

– Мой отец пришел бы в ужас от подобной мысли, Маттео, хотя я лично не желал бы для себя лучшего. Но этому не бывать никогда. Признаюсь, мне очень жаль будет покинуть Венецию. Но вот к нам идет один из служащих Совета.

Служащий подошел к ним и, спросив, кто из них Франциск Гаммонд, пригласил его следовать за собой.

Глава IV

Похищение

Не без чувства смущения и даже невольного страха следовал Франциск Гаммонд за своим проводником в залу Совета. Это была большая и великолепно украшенная комната. Кругом по стенам висели громадные картины, изображавшие различные сцены из войн Венеции, потолки тоже были расписаны. Карнизы были позолоченные, а над окнами и дверями спускались дорогие занавеси из затканых материй.

За столом подковообразной формы заседало десять членов Совета, все в ярко-красных одеяниях с горностаевой отделкой – отличительной одежде венецианских сенаторов. Председателем был дож, сидевший за тем же столом. На голове у каждого была надета черная бархатная плоская шапочка. Синьор Полани и его друзья сидели в креслах против стола. В то время, когда в зал вошел Франциск, давал свои показания гондольер. Когда он кончил, ему задали еще несколько вопросов, а затем велели удалиться. Тогда пристав вывел вперед Франциска.

– Мое имя Франциск Гаммонд, – сказал он в ответ на заданный ему вопрос.

– Расскажите нам, что вам известно по настоящему делу, – обратился к нему дож.

Франциск описал сцену нападения на гондолу.

– Как это случилось, что вы, такой молодой человек и притом еще иностранец, вмешались в такого рода приключение? – спросил его один из членов.

– Я услышал крики женщин, призывавших на помощь, и, разумеется, счел своим долгом поспешить к ним, – отвечал он спокойным тоном.

– А вы знали, кто были эти дамы?

– Я знал их в лицо. Мне случайно однажды указал на них мой приятель Маттео Джустиниани, сказав, что это дочери синьора Полани. И когда незадолго до происшествия они проезжали мимо меня в гондоле, то я при свете факелов узнал их.

– Могли ли бы вы узнать кого-либо из нападавших, если бы опять увидели их?

– Нет, не мог бы, потому что они все были в масках, – отвечал Франциск.

– Вы говорите, что ударом весла по голове свалили одного из участников в то время, когда он собирался перескочить в вашу гондолу. Как случилось, что весло было в руках у вас, а не у вашего гондольера?

– Я сам умею грести, – отвечал Франциск. – У нас в Лондоне все молодые люди гребут ради своего удовольствия и очень любят это занятие. В тот вечер, однако, когда синьорины проезжали мимо меня, я не греб, но схватил весло, когда услышал их крики, чтобы скорее доехать до места про-

исшествия. Вот почему весло оказалось в моих руках, когда незнакомец намеревался перескочить в нашу гондолу.

– Итак, у вас не имеется никаких данных, чтобы подозревать кого-либо как зачинщика этого нападения?

– Нет, никаких, – отвечал Франциск. – Ни в их гондоле, ни в одежде нападавших я не заметил никаких особенных примет.

– Во всяком случае, молодой человек, – обратился к нему дож, – вы проявили такую стремительность, такое присутствие духа и храбрость, которые присущи только людям уже более зрелого возраста, и я от имени Республики благодарю вас за то, что своим вмешательством вы предупредили тяжкое преступление. Я попрошу вас остаться еще некоторое время здесь. Возможно, что, когда предстанет перед нами лицо, обвиняемое в этом преступлении, вы узнаете его.

Какое-то странное чувство овладело Франциском, когда, спустя минуту или две, пристав объявил о приходе Руджиеро Мочениго.

– Введите его, – сказал дож.

Занавесь у дверей раздвинулась, и в зал с надменным видом вошел Руджиеро. Он поклонился членам Совета и остановился, как бы выжидая, чтобы его начали допрашивать.

– Вы, Руджиеро Мочениго, обвиняетесь, – сказал дож, – в том, что принимали участие в покушении похитить дочерей синьора Полани и в убийстве трех слуг этого господина.

– Какие же имеются основания для такого обвинения? –

спросил Руджиеро высокомерным тоном.

– Одним из оснований служит то обстоятельство, что вам было отказано в руке старшей дочери и что вы, получив отказ, угрожали отомстить ее отцу, у которого, насколько ему известно, нет других врагов, кроме вас.

– Это слишком шаткие основания для столь тяжкого обвинения, – сказал Руджиеро презрительно.

– Но не забывайте, – обратился к нему дож, – что ваше прошлое поведение уже может служить достаточным основанием к тому, чтобы подозрение пало на вас. Вы уже были однажды высланы из Венеции за убийство, и полученные нами отзывы о вашем поведении во время пребывания вашего в Константинополе говорят далеко не в вашу пользу.

– Во всяком случае, – отвечал Руджиеро, – мне очень легко будет доказать, что я не принимал никакого участия в похищении дочерей синьора Полани прошлой ночью, так как именно этот вечер я провел у себя с моими друзьями, играя с ними до трех часов утра в карты.

– Кто же именно из ваших друзей был у вас в этот вечер?

Руджиеро назвал имена шестерых молодых людей, родственников его семьи, которым тотчас же разослали приказание явиться немедленно в Совет.

– А пока, Франциск Гаммонд, скажите нам, узнаете ли вы в обвиняемом одного из нападавших прошлой ночью лиц?

– Нет, не узнаю, ваша светлость, – отвечал Франциск. – Могу сказать наверное, что этот господин не был вожаком,

которого я ударил веслом по голове. Удар пришелся ему как раз в висок, так что на голове должен был бы остаться след от удара.

В то время, пока Франциск давал это показание, Руджиеро смотрел на него враждебным взором, несмотря на то что его показание служило в пользу Руджиеро. Этот полный ненависти взгляд невольно заставил вздрогнуть Франциска, когда он, окончив свое показание, удалился опять на свое место позади синьора Полани.

Около четверти часа царило молчание. Обыкновенно члены Совета во время заседаний переговаривались тихими голосами друг с другом, но теперь никто не проронил ни одного слова до появления первого из приглашенных в Совет молодых людей. Молодые люди по очереди давали свои показания, и все единогласно подтвердили, что они провели вечер вместе с Руджиеро и что он не покидал своей комнаты начиная с момента его прихода вместе с ними домой до времени их ухода от него, когда уже было два часа ночи.

– Вы выслушали показания моих свидетелей, – сказал Руджиеро, – и я позволю себе спросить вас, господа члены Совета, справедливо ли подвергать молодого человека из хорошего круга общества такому позорному обвинению, основываясь только на одном подозрении?

– Вы выслушали показания, данные свидетелями, синьор Полани, – обратился к этому последнему дож, – не отказываетесь ли вы теперь от обвинения синьора Мочениго?

– Хотя Руджиеро Мочениго доказал, – отвечал, вставая, Полани, – что не принимал личного участия в деле, но я позволю себе заметить, что это еще вовсе не может служить доказательством того, что он не был зачинщиком этого покушения. Он хорошо понимал, что первое мое подозрение должно было пасть именно на него, и потому, конечно, принял все меры, чтобы это дело было выполнено другими; он принял свои предосторожности, чтобы иметь возможность доказать, – и это ему удалось, – что он лично не присутствовал при совершении нападения.

После краткого совещания членов Совета между собой дож объявил:

– Все присутствующие должны удалиться отсюда, пока Совет займется обсуждением дела. О решении нашем заинтересованные в деле лица будут извещены своевременно.

Выйдя из Совета, синьор Полани и его друзья пошли через Пьяццу, толкуя о происходившем на суде.

– Он еще выпутается, – сказал Полани, – у него есть близкие родственники в Совете, а кроме того, хотя на него падает сильное подозрение, но не имеется прямых доказательств для обвинения. Впрочем, пока не стоит больше толковать об этом. Пойдемте, синьор Франциск, ко мне. Вчера, когда вы были у нас, мои дочери были слишком взволнованы, чтобы отблагодарить вас за оказанную им услугу. Маттео, пойдемте вместе с нами.

Прошло уже три дня, и Совет еще не сообщал о своем ре-

шении, когда однажды рано утром Франциск получил приказание явиться в Совет.

«Уж не везут ли меня в тюрьму», – подумал про себя Франциск, сидя вместе со своим провожатым в гондоле.

Они миновали Пьяцетту, не останавливаясь, свернули в канал по направлению к тюрьмам и вскоре причалили к воротам близ моста Вздохов. Франциск вместе со своим проводником вышел на берег. Пройдя два или три коридора, они подошли наконец к дверям, у которых стояла стража. Спутник Франциска сказал какое-то слово, и дверь перед ними отворилась. Комната, в которую они вошли, была со сводами и без всякой мебели; в одном углу ее Франциск заметил небольшое каменное возвышение, на котором лежало что-то, покрытое черным сукном. Тут же находились четыре члена Совета, а несколько поодаль от них стоял Полани, по другую же сторону Франциск увидел Руджиеро с двумя своими товарищами.

– Мы послали за вами, Франциск Гаммонд, – обратился к нему один из членов Совета, – рассчитывая, что вы, может быть, признаете труп, найденный вчера ночью в Большом канале.

Один из служащих выступил вперед и снял покрывало, которым был прикрыт труп еще молодого на вид человека. На левом виске его была рассеченная рана.

– Узнаете ли вы этого человека?

– В лицо я его не знаю – я раньше никогда не встречал

его, – отвечал Франциск.

– Полагаете ли вы, что рана, которую вы видите, могла быть причинена ударом вашего весла?

– Этого я не могу сказать достоверно, – отвечал Франциск, – но знаю, что ударил именно в это место человека, который хотел вскочить в мою гондолу.

– На первом допросе вы показали, что нанесли удар именно по левому виску.

– Да, насколько помню, это было так. Я сказал также, что это не мог быть Руджиеро Мочениго, так как, если бы это был он, то, наверное, у него должны были бы остаться следы на голове.

– Не видите ли вы каких-либо особых примет на платье убитого, по которым вы могли бы признать в нем нападавшего?

– Нападавший был одет в точно такое же черное платье. Был, впрочем, еще один отличительный признак: при свете факела мне бросилась в глаза рукоятка его кинжала, которая, как мне показалось, была украшена драгоценными камнями; положительно я этого, однако, утверждать не могу.

– Подайте сюда кинжал, найденный на трупе, – сказал один из членов Совета приставу.

Пристав подал кинжал.

– Тот ли это кинжал, о котором вы говорите? – спросил сенатор Франциска.

– Я не могу утверждать, что это именно тот кинжал, ко-

торый я видел, – отвечал Франциск, – во всяком случае, он очень схож с ним.

– Итак, вы видели рану на виске и кинжал, найденный на поясе убитого. Установлено, что труп находился в воде в течение лишь нескольких дней; следовательно, вы не сомневаетесь в том, что это и был тот человек, которого вы во время борьбы ударом весла сбили в воду?

– Нет, синьор, я нисколько не сомневаюсь в этом.

– Этого довольно, – сказал член Совета. – Вы можете удалиться.

Франциска провели к гондоле и доставили его домой. Час спустя прибыл туда и синьор Полани.

– Ну, дело окончено, – сказал он, – но не с благоприятным для меня результатом, так как присужденное Руджиеро наказание совершенно несоразмерно с нанесенным им оскорблением; хорошо, разумеется уже и то, что Мочениго все-таки не избегнет наказания. Я должен вам сказать, что в найденном трупе признали двоюродного брата Руджиеро Мочениго; они были неразлучны друг с другом с тех пор, как Руджиеро вернулся из Константинополя. После допросов, произведенных в доме отца убитого молодого человека, открылось, что в день нападения он вечером ушел из дома, сказав, что отправляется на материк и возвратится лишь через несколько дней. Затем, как вы уже знаете, найден был его труп. Руджиеро доказывал, что он ни при чем в этом деле и что покушение на мою дочь было совершено его двоюродным братом

без его ведома. Тогда призвали мою дочь Марию, которая показала, что она даже никогда прежде не видела этого молодого человека. Большинство членов во время совещания Совета пришло к убеждению, что убитый молодой человек действовал по подстрекательству Руджиеро. Затем председатель объявил: «Хотя соучастие Руджиеро Мочениго и не доказано, тем не менее, однако, принимая во внимание его домогательство руки дочери синьора Полани, его угрозы после отказа в ее руке, прошлое поведение и его тесную дружбу с двоюродным братом, Совет не сомневается, что покушение было совершено по подстрекательству Руджиеро Мочениго, и потому приговаривает его к трехгодичному изгнанию из Венеции и окружающих островов».

– Я был бы более доволен, если бы его выслали опять в Константинополь, – сказал мистер Гаммонд. – Если ему позволят жить на материке, то он поселится не более как на расстоянии двух-трех миль отсюда, а такое близкое соседство не может быть очень приятным для тех, кто навлек на себя его ненависть.

– Вы совершенно правы, – согласился синьор Полани, – и я, и все мои друзья негодуют на то, что его не сослали подальше отсюда. Теперь я запретил своим дочерям оставаться вне дома по вечерам, когда становится темно. Нельзя же предположить, чтобы Руджиеро решился силой ворваться в мой дом, хотя от этого человека можно всего ожидать.

– Я тоже запретил моему сыну ни под каким видом не вы-

ходить ночью на улицу. Но я до тех пор не буду за него спокоен, пока не отправлю его обратно в Англию при первой удобной okazji.

– Надеюсь, что такой okazji не представится в скором времени, синьор Гаммонд. Мне было бы очень жаль расставаться с вашим сыном после такого кратковременного знакомства. Впрочем, мы еще потолкуем с вами об этом. Может быть, мы найдем какой-нибудь другой способ, чтобы обеспечить его безопасность.

В течение следовавших за этим двух недель Франциск проводил большую часть своего времени во дворце синьора Полани, который радушно приглашал его бывать как можно чаще в его доме. Обыкновенно, когда приходили Франциск и Маттео Джустиниани, молодежь, сидя на балконе, проводила время в веселых беседах; часто приходил и сам Полани; тут же в сторонке с недовольным видом присутствовала синьора Кастальди, видимо относившаяся с полным неодобрением к смеху и веселью молодых людей. После обеда обыкновенно все общество отправлялось кататься в четырехвесельной гондоле и возвращалось домой при приближении вечерней темноты.

– Мне вовсе не нравится эта госпожа Кастальди, – сказал однажды Франциск Маттео в то время, когда Джузеппе вез их из палаццо Полани домой.

Маттео улыбнулся.

– Я тебе даже прямо скажу, что просто ненавижу ее и уве-

рен в том, что и она меня тоже недолюбливает. Она следит за мной, как кошка за мышью, – продолжал Франциск.

– Может быть, она не может простить тебе того, что ты, спасая ее воспитанниц, бросил ее на произвол судьбы.

– Этого я не знаю, Маттео, но признаюсь, что ее поведение показалось мне тогда очень подозрительным.

– Уж не думаешь ли ты, что она желала, чтобы нападающим удалось похитить Марию?

– Я никакого права не имею этого утверждать, Маттео, и, конечно, никому об этом не сказал бы ни полслова, но мне сдается, что это было именно так. Мне уже приходило в голову, что у Руджиеро был какой-нибудь соучастник из дома Полани, потому что иначе откуда мог бы он узнать точное время, когда синьорины будут проезжать по Большому каналу.

– Да, все это очень странно, Франциск, но мне как-то не верится, чтобы эта женщина была такой коварной. Она уже много лет у них в доме, и синьор Полани вполне доверяет ей!

– Это так, но Руджиеро мог ее подкупить.

– Ах да, вот еще что! Когда ты заговорил об этом, Франциск, то знаешь, что я вспомнил? Недавно я вздумал подсмеяться над Марией насчет их криков о помощи и сказал: «Воображаю, что за шум вы подняли, когда принялись кричать втроем!» На это Мария ответила: «Как втроем! Мы только вдвоем с Джулией кричали изо всей мочи, а синьора Ка-стальди сидела спокойно и выказала такую храбрость, что не

издала даже ни одного звука».

– Вот видишь! Я надеюсь, что, когда мне придется покинуть Венецию, ты будешь по возможности зорко следить за ней.

– Я не знаю только, как мне приступить к этому делу, – ствечал, смеясь, Маттео, – во всяком случае, я скажу своим двоюродным сестрам, что Кастальди нам очень не нравится, и посоветую, чтобы они не доверяли ей.

– Ну хорошо. А вот мы уже у нашего дома. Мы еще по-толкуем с тобой об этом деле как-нибудь. Повторяю тебе, я убежден, что эта Кастальди – нехорошая женщина; и я надеюсь, что нам удастся и доказать это. Завтра мы увидимся с тобой, а до этого нам необходимо решить, следует ли кому-нибудь говорить о наших подозрениях.

В эту ночь Франциск долго не мог заснуть, все время обдумывая, как ему поступить насчет Кастальди. Наконец он решил, что на другой же день переговорит обо всем с синьором Полани, рискуя, что, высказав свои подозрения об особе, которая в течение многих лет пользовалась доверием в семействе, он может огорчить Полани. На другое утро Франциск отправился к Полани.

– Ах, Франциск, – встретил его Полани, – разве вы забыли, что сегодня мои дочери на целый день уехали из дому?

– Нет, синьор, я не забыл, но мне хотелось бы переговорить именно наедине с вами об одном деле. Может быть, вы будете смеяться надо мной, но надеюсь, что вы не посетуете

на мое вмешательство в ваши домашние дела, если я затрону один вопрос, близко вас касающийся? Я хочу говорить с вами о синьоре Кастальди, компаньонке ваших дочерей. Я знаю, что вы питаете к этой особе полное доверие, которое она в ваших глазах заслужила своими попечениями о них в течение уже нескольких лет, но я все-таки считаю своим долгом поделиться с вами моими наблюдениями и подозрениями насчет этой особы.

Затем Франциск рассказал о всех известных ему фактах и также и про то, что сообщил ему Маттео.

– Может быть, во всем том, что я вам сейчас передал, и нет ничего подозрительного, – закончил он свои объяснения, – но прошу вас верить, что если я позволил себе выказать мои подозрения, то к этому побудило меня единственно мое участие к вашим дочерям.

– О, в этом я несколько не сомневаюсь, – сказал Полани, – но мне кажется, что все это несколько преувеличено. Имейте в виду, что синьора Кастальди уже десять лет находится в моем доме и что ее воспитанием моих дочерей, а также и ее заботами о них я очень доволен. Конечно, и у нее найдутся недостатки, но совершенства на свете нет, и я отнюдь не сомневаюсь в ее верности и преданности нашему семейству. Разумеется, она была не совсем права, что позволила тогда моим дочерям оставаться у знакомых дольше обыкновенного, но сделала она это по доброте сердечной, видя, что молодые девушки так веселятся; а если она не кричала, когда

на них напали, то это доказывает только, что не все женщины ведут себя одинаково в случаях опасности. Тем не менее, Франциск, я от души благодарю вас за все, что вы мне передали, и хотя остаюсь при своем мнении, но все-таки приму к сведению то, что вы высказали мне.

Вечером, когда Франциск в своей гондоле направлялся, по обыкновению, к дворцу Полани, его нагнала гондола, в которой сидел Маттео. Поравнявшись с лодкой Франциска, Маттео быстрым прыжком вскочил в его гондолу. Он казался таким взволнованным, что Франциск поспешил спросить его:

– Что с тобой, Маттео, что случилось?

– Ужасная беда, Франциск, Мария и Джулия исчезли!

– Как исчезли! – повторил озадаченный этой новостью

Франциск.

– Отец их был сейчас у нас; он чуть с ума не сошел от горя и гнева. Ты знаешь ведь, что они уехали сегодня утром на целый день к Пизани.

– Знаю, знаю, ну и... говори же скорее!..

– Ну вот, неизвестно почему, но Полани, против своего обыкновения, вздумал сам поехать за ними, чтобы привезти их домой, и когда приехал к Пизани, то ему сказали, что дочери его уже часа два тому назад уехали оттуда. Ты был прав, Франциск, тут, конечно, замешана Кастальди! Она поехала с девушками утром к Пизани, оставила их там и должна была в шесть часов вечера приехать за ними в гондоле. Вместо

этого она приехала за ними уже в три часа, сказав, что с их отцом случилось несчастье, что будто бы он упал со ступенек моста, сломал себе ногу и послал за дочерьми.

Понятно, они поспешили уехать. Полани уже допросил слуг, которые помогали девушкам садиться в гондолу. Они сказали, что это была чья-то чужая гондола, очевидно наемная, с наглухо закрытой каютой. Увидев чужую гондолу, девушки были очень удивлены, и Мария даже сказала: «Да, это вовсе не наша гондола!» Но Кастальди возразила на это: «Нет-нет, не наша; обе наши гондолы были посланы за лекарем, а так как ваш отец хотел, чтобы я привезла вас скорее, то я наняла первую попавшуюся гондолу. Скорее, скорее садитесь, мои милые, отец с нетерпением ждет вас». Они поспешили сесть, и гондола быстро исчезла из виду. Вот все, что мне известно; кроме того, я узнал, что все, что говорила Кастальди, оказалось ложью, что их отец вовсе и не думал посылать ее за ними и что они и по сей час еще не вернулись домой.

Глава V

Открытие следов

– Это ужасно, Маттео, – сказал Франциск, когда его друг окончил свой рассказ. – Что же теперь остается делать?

– Вот в этом-то весь вопрос, – отвечал Маттео. – Что теперь делать? Отец моих кузин уже был в городском управлении, чтобы объявить о случившемся и просить помощи для отыскания похищенных молодых девушек. Он хочет, кроме того, вывесить объявления с обещанием выдать тысячу дукатов в награду лицу, которое доставит ему какие-либо сведения, могущие служить к открытию следов его дочерей; этого будет достаточно, чтобы заставить всех здешних гондольеров взяться за дело; невозможно предположить, чтобы никто не заметил закрытой гондолы, тем более что в это время года гондолы почти все открыты. Досадно, что приходится сидеть сложа руки, когда хотелось бы сейчас же броситься на поиски.

– Отправь свою гондолу домой, Маттео; она, может быть, еще будет нужна дома. Мы же с тобой подъедем на моей к лагунам и дорогой переговорим обо всем. Подумать только, что не далее как вчера вечером мы так весело болтали с твоими кузинами и что сегодня они находятся во власти этого негодяя Мочениго, который, наверное, играет в этом деле

главную роль... А кстати, – прервал Франциск самого себя, – не знаешь ли ты, где он теперь живет?

– Я слышал неделю назад, что он был в Ботонде, близ Чиоггии, но где он в настоящую минуту – не знаю.

– Мне кажется, следовало бы узнать, где он находится, и проследить за ним. Возможно, впрочем, что он примет меры и в течение некоторого времени не будет навещать Синьорин в месте, где их прячут, предполагая, что подозрение в их похищении падет, конечно, на него и что за ним будут следить.

– По всей вероятности, Полани уже подумал об этом и примет свои меры; в этом случае он встретит поддержку всех влиятельных лиц в Венеции, за исключением семейства Мочениго и их друзей. Похищение молодых девушек среди белого дня должно считать за обиду, нанесенную каждому семейному дому в Венеции; всякий невольно подумает, что то же самое может угрожать и его сестрам или дочерям.

– Вернемся домой, Маттео, наши разговоры не приведут ни к чему, пока мы не узнаем, какие меры приняты уже синьором Полани.

По прибытии домой Маттео узнал, что Полани в сопровождении двух членов Совета отправился на материк на одной из самых быстроходных правительственных галер. Было наскоро устроено совещание членов Совета и решено отправить двух лиц из состава Совета в сопровождении официального представителя Республики в Ботонду; им было отдано приказание арестовать Руджиеро, если только они его

найдут там; в случае же, если они не разыщут его, то было приказано послать уведомление по всем городам Республики об аресте его и высылке под сильным конвоем в Венецию. Кроме того, тотчас же отрядили несколько галер к различным торговым городам Венецианской республики с приказанием делать строгий обыск на каждом вновь прибывающем или отбывающем судне и осматривать всех приезжающих или отбывающих на лодках в течение этого же вечера и ночи. Заявление о том, что Полани обещал крупную награду за отыскание своих дочерей, должно было тоже быть разглашено повсюду. Известие о похищении молодых девушек быстро распространилось, и весь город пришел в негодование. Матросы из порта Маламокко толпой появились в Венеции; они считали оскорбление, нанесенное семейству влиятельного коммерсанта, почти за личную обиду. Камни полетели в окна палатцо Мочениго, и толпа готова была разгромить дворец, если бы не вступилась полиция, взяв его под свою охрану.

– Можно еще утешаться тем, – заметил Джузеппе, – что в эту минуту Мочениго так занят своими собственными делами, что ему некогда думать о вас, синьор Франциск. Я с самой той памятной ночи плохо сплю, мне все снятся тяжелые сны.

– Ты больше беспокоишься обо мне, чем я сам, Джузеппе, но и я тоже был осторожен, имея в виду, что хотя Руджиеро и отсутствует, но друзья его находятся здесь и не дремлют, как

это видно по удавшемуся похищению молодых девушек...

– Надеюсь, отец, – сказал Франциск мистеру Гаммонду на следующее утро, – что не встретится особенной надобности мне уехать отсюда в Англию, прежде чем не обнаружатся что-нибудь по делу Полани.

– Скажу тебе откровенно, Франциск, что я несколько изменил свои планы; после того, что сказал мне на днях синьор Полани, я чувствую, что было бы неблагоприятно с моей стороны настаивать на твоём возвращении на родину. При его обширных торговых и деловых связях он может быть тебе чрезвычайно полезен: под его покровительством ты можешь начать свою карьеру при лучших условиях, нежели вступив в мой торговый дом в Лондоне, и потому для тебя будет лучше, если ты останешься здесь в настоящее время. Разумеется, в эту минуту Полани так поглощен заботой о своих дочерях, что ни о чем другом не в состоянии думать, но ты, во всяком случае, можешь здесь переждать некоторое время, и тогда он, по всей вероятности, займется тобой.

Франциск в душе был очень доволен решением отца.

Синьор Полани к вечеру уже вернулся в Венецию. Руджiero Мочениго оказался дома и выразил сильное негодование против взведенного на него, якобы несправедливого, обвинения в том, что он способствовал похищению синьорин Полани. Несмотря на это, его решили держать под арестом до того времени, пока их разыщут. Тотчас по возвращении до-

мой синьор Полани послал свою гондолу за Франциском.

– Как видите, ваши подозрения были совершенно основательны, – сказал он, когда Франциск вошел в комнату. – Я горько упрекаю себя в том, что тотчас же не принял мер к удалению этой низкой женщины – тогда мои дочери были бы в безопасности! Мне казалось немыслимым, чтобы особа, к которой я относился как к другу нашего семейства в течение стольких лет, могла так коварно злоупотребить моим доверием, однако ваше предостережение не давало мне покоя, и я поэтому сам отправился за дочерьми, но было уже поздно! Я послал за вами, Франциск, сам не отдавая себе отчета в том, зачем я это сделал; отчасти меня к тому побудила мысль, что вы оказались более прозорливым, нежели я, в первом деле и, может быть, и теперь укажете на какой-либо способ действий для отыскания моих дочерей. Для меня, во всяком случае, несомненно одно, что это дело затеяно Руджиеро Мочениго.

– К сожалению, синьор, едва ли мне удастся придумать что-либо такое, что уже не было придумано вами. Одно только, по-моему, вероятно, что ваших дочерей увезли отсюда, так как, узнав, что обещана крупная награда за отыскание их, похитители побоятся оставить их в Венеции. Кроме того, мне кажется, что Мочениго, наверное, предполагал тотчас же ехать к ним, куда бы их ни поместили, как только ему донесли бы о благополучном исходе затеянного им похищения; теперь же, когда вы, по счастью, узнали о похищении раньше, нежели он мог ожидать, и прямо отправились к нему с при-

казанием Совета, то этим, по всей вероятности, расстроили все его планы. Возможно даже, что он от вас первого узнал о том, что похищение удалось. Если же вы явились бы к нему двумя-тремя часами позже, то могли бы уже не застать его.

– Я на это только и рассчитывал, Франциск; его сообщники могли располагать только четырьмя часами до моего вмешательства в это дело. Между ними, наверное, было условлено, что они ему донесут тотчас же, как только совершится похищение. Между тем я, отправившись прямо к нему на правительственной галере, рассчитывал опередить его сообщников. Была уже полночь, когда я прибыл к нему, но он еще не спал, очевидно, поджидая своих товарищей-негодяев. Я прежде всего распорядился поставить караул вокруг его дома с приказанием задерживать всякого, кто приблизится к нему. Никто, однако, не приходил. Но известие о том, что к дому так поздно ночью подъехала правительственная галера, подняло тревогу, и пособники Мочениго, должно быть, были предупреждены о моем приезде тотчас же после моего прибытия.

– Я полагаю, синьор, что было бы весьма важно поручить нескольким доверенным лицам следить за домом, где арестован Мочениго; теперь главное, чтобы не дать ему возможности ускользнуть от надзора стражи.

– Да, это верно, Франциск, и я тотчас же приведу в исполнение ваш совет. Вы однажды уже спасли моих дочерей, и какое-то предчувствие подсказывает мне, что и на этот раз

их спасение будет зависеть от вашего содействия.

– Поверьте, синьор, что я сделаю для этого все, что только будет в моих силах.

Франциск провел почти всю следующую неделю в своей гондоле. Рано утром он отправлялся с Джузеппе на материк, наводил справки по всем деревням и рыбацким хижинам, но в течение всего этого времени ему не удалось напасть хотя бы на малейший след, который мог бы помочь отыскать исчезнувших молодых девушек. Такие же неудачи претерпел и синьор Полани, несмотря на самые деятельные поиски.

Однажды Франциск возвращался домой поздно вечером, истомленный и разочарованный долгими и напрасными усилиями напасть на какой-нибудь след. Только что его гондола проскользнула под мостом Понто-Маджоре, как свет от зажженных на мосту фонарей упал на сидевших в гондоле, плывшей им навстречу; их было двое: мужчина и женщина, закрытая вуалью. Ночь была удушливо жаркая, и женщина откинула свою вуаль как раз в ту минуту, когда Франциск взглянул в ее сторону. Он тотчас же узнал ее.

– Джузеппе! – вскричал он. – Наконец-то нам посчастливилось! Ты знаешь, кто эта женщина? Синьора Кастальди!

– Что же нам теперь делать, синьор Франциск? – спросил Джузеппе, который почти не менее самого Франциска был заинтересован в разыскании молодых девушек. – На гондоле только один гондольер, да еще один мужчина. Если мы на них неожиданно нападём, то справимся с ними.

– Это было бы неблагоразумно, Джузеппе; молодых девушек могут тотчас же перевезти в новое место, как только узнают, что Кастальди находится в наших руках. Лучше всего нам незаметно проследить за их гондолой.

Пока они переговаривались, встреченная ими гондола пристала к ступеням одной из пристаней, сидящие в ней вышли и исчезли в толпе, гондольер же уселся в гондоле, по видимому поджидая своих пассажиров. Франциск направил свою гондолу несколько дальше вперед по каналу и остановился, чтобы следить за тем, что произойдет. Прошло не менее часа, прежде чем они заметили какое-то движение близ гондолы. Наконец Франциск услышал шум шагов и в темноте едва мог разглядеть фигуры двух спускавшихся к гондоле лиц; лодка отчалила и двинулась опять к мосту Понто-Маджоре.

– Не теряй гондолу из виду, Джузеппе, – сказал Франциск, направляя свою лодку вперед на некотором расстоянии от гондолы и держась по возможности ближе к набережной под тенью домов, – она скоро может свернуть в один из каналов, и мы тогда потеряем ее след.

Но гондола продолжала свой путь вперед вдоль канала, пока не остановилась близ большой четырехвесельной лодки; очевидно, начались какие-то переговоры между пассажирами, а затем гондола, за которой они следили, повернула к лагунам.

– Здесь нам будет трудно следить за ними без того, чтобы

они не заметили нас, – сказал Джузеппе. – И мне сдается, что они по этой причине именно и выехали сюда. Возможно даже, что они уже заметили нас. Следовало бы нам теперь двинуться вперед и перегнать их.

– Что ж, рискнем! – отвечал Франциск.

Они опустили весла в воду, и гондола полетела вперед, но едва они отъехали на некоторое расстояние, как услышали шум весел вблизи них.

– Бери вправо, Джузеппе! – вскричал Франциск, бросая взгляд назад через плечо.

Удар обоими веслами двинул лодку в ту самую минуту, как на них налетела четырехвесельная гондола; им удалось скользнуть в сторону на расстоянии лишь трех-четырёх футов от лодки, которая своим острым железным носом, наверно, проткнула бы их легкую гондолу, если бы их не спас ловкий и быстрый поворот.

Джузеппе разразился целым потоком бранных слов, упрекая гондольеров за их небрежность, но Франциск заставил его замолчать.

– Греби скорее, Джузеппе, разве ты не понял, что это было сделано преднамеренно; это ведь та гондола, с которой переговаривались сидящие в лодке, за которой мы следили.

Через секунду преследовавшая их гондола сделала поворот и пустилась вдогонку за ними. Все было ясно: так было, вероятно, условлено между ускользнувшей от них гондолой, в которой сидела Кастальди, и этой пустившейся вдогонку за

ними лодкой, намеревавшейся их затопить.

Занятый преследованием гондолы, в которой сидела Ка-стальди, Франциск обратил внимание на то, что напавшая на них гондола была очень ходкая и управлялась искусными гондольерами; он понял теперь, что она может их скоро на-гнать, и велел Джузеппе причалить к ступеням церкви Санта-Мария.

– Как только мы причалим, – распорядился он, – мы вы-скочим из гондолы, бросим ее и пустимся бежать.

Причалив к берегу, они быстро выскочили из гондолы и бросились вверх по ступеням набережной; в это время на воде раздался треск от натиска гнавшейся за ними лодки на покинутую ими гондолу. Прошла минута, прежде чем сиден-шие в большой гондоле могли выскочить на берег, и Фран-циск с Джузеппе были уже шагов за пятьдесят от них, когда до их слуха долетел стук о каменные плиты сапог преследо-вателей. Молодые люди были легко одеты и без обуви, так что нисколько не сомневались в том, что успеют ускользнуть от своих преследователей; действительно, в скором времени шум шагов преследовавших их замер.

– Они, наверное, разбили вдребезги нашу гондолу, – со вздохом сказал Джузеппе, – а эта негодная женщина все-таки скрылась, и мы ничего не узнали!

– Напротив, Джузеппе, мне кажется, что мы узнали все! Я убежден в том, что молодые девушки находятся на острове Сан-Николо, и удивляюсь, что это мне раньше не приходило

в голову. Я полагаю так их отвезли прямо на остров, и Ка-стальди приезжала сюда, чтобы передать что-либо сообщникам Мочениго; гондола стояла наготове, чтобы препятствовать погоне за нею. Мы сейчас же, несмотря на позднее время, должны отправиться к синьору Полани и рассказать ему обо всем случившемся.

Четверть часа спустя они были у дворца Полани, где все уже стали крепким сном.

Вскоре, однако, показался синьор Полани, и Франциск передал ему все подробности случившегося с ними. Это была хотя и очень важная новость, но, по мнению Полани, она мало подвигала вперед дело об отыскании его дочерей. Франциск, однако, настаивал на своем: ключ к разгадке тайны у них уже в руках, и тут же рассказал синьору Полани о своем первом приключении на острове Сан-Николо и о таинственном незнакомце.

– Не знаю, как мне раньше не приходило в голову искать ваших дочерей именно на этом острове, но теперь для меня ясно как день, что Мочениго должен был перевезти их именно туда, как наиболее доступному и удобному для него месту.

Синьор Полани несколько раз прерывал рассказ Франциска, выражая свое изумление, и когда молодой человек окончил свой рассказ, то Полани согласился с тем, что молодые девушки, несомненно, должны находиться именно на острове Сан-Николо.

– Не будем, однако, считать их пребывание там несомненным, синьор; ведь, возможно же наконец, что мы с вами ошибаемся; если мы не найдем ваших дочерей в хижине, то, по всей вероятности, найдем там какую-нибудь нить, которая поведет к разысканию их.

Было решено наутро же приступить к осуществлению заранее составленного плана действий, с соблюдением всевозможных предосторожностей, чтобы не поднять лишней тревоги, которая могла только повредить успеху всего дела.

Обсудив все подробности плана действий, синьор Полани приступил к необходимым приготовлениям. Франциск же остался у него до рассвета, чтобы немного отдохнуть после всех испытанных им приключений.

Глава VI

Хижина на острове Сан-Николо

Около семи часов вечера все было готово к отъезду. Синьор Полани выехал из дому в своей гондоле один, но по дороге, у условленного места, к нему пересел Франциск и еще четыре человека. За два часа до своего отъезда он послал извещение капитану одного из торговых кораблей, стоявших в гавани, чтобы тот тотчас же с десятью своими матросами сел в большую лодку и направился к острову, но, не доезжая полумили до него, велел бы бросить якорь. По прибытии туда матросам было велено скрыться на дне лодки, сам же капитан, следуя приказанию Полани, стал зорко наблюдать за тем, не будет ли какая-нибудь лодка подъезжать к острову или отъезжать от него. Скоро после этого проехала мимо гондола Полани, и тогда капитан тотчас велел поднять якорь, люди взялись за весла, и капитанская лодка поплыла вслед за Полани, держась от него на некотором расстоянии. В скором времени гондола причалила к берегу острова, а за нею прибыла и лодка с капитаном. Выйдя на берег, Франциск пошел по направлению к хижине в сопровождении Полани и четверых людей.

– Теперь мы можем действовать смелее, – сказал Франциск, – расстояние до хижины так невелико, что похитители

не успеют увести ваших дочерей, прежде чем мы доберемся до них.

– Чем скорее мы дойдем до хижины, тем лучше, – отвечал Полани. – Эта неизвестность просто терзает меня.

Они бросились вперед, и вдруг Франциск вскричал:

– Вот он этот дом, синьор, теперь мы все узнаем! Они быстро спустились по откосу и окружили хижину.

– Отоприте! – крикнул Полани, стуча рукояткой шпаги в дверь.

Ответа не было.

– Ломайте дверь! – приказал он, и двое матросов топорами начали рубить дверь. После нескольких ударов дверь внезапно открылась, и на пороге появились два человека в рыбачьих одеждах.

– Зачем вы нападаете на дом честных рыбаков? – спросили они.

– Вяжите их крепче, – крикнул в ответ Полани, врываясь в хижину вместе с Франциском.

Проникнув в хижину, он остановился с криком разочарования – хижина была пуста!

– Если их здесь нет, то они должны быть где-нибудь близко, – сказал Франциск. – Не будем унывать! Обыскав все, мы, может быть, найдем хоть какие-нибудь следы.

Внутренность хижины ничем не отличалась от обыкновенных рыбачьих хижин. Посредине стоял большой стол, а у стен было несколько скамеек. По углам были расставлены

весла и около них лежали в куче рыбацьи сети.

Вдруг Франциск вскричал:

– Смотрите, здесь дверь!

– Вижу, но эта дверь никуда не ведет, – отвечал Полани, – это ведь наружная стена, и она засыпана песком чуть ли не до крыши.

– Это так, а все-таки там, может быть, найдется какой-нибудь подвал; надо разузнать хорошенько.

Он сильно толкнул дверь, но она нисколько не подалась, тогда он позвал двух матросов с топорами.

– Ломайте эту дверь, – сказал он.

После нескольких сильных ударов топора дверь наконец слетела с петель, и тогда Полани со шпагой в руке, а за ним и Франциск ворвались через нее.

Оба невольно вскрикнули от неожиданности. Они очутились в помещении, пристроенном с задней стороны хижины. Комната была богато убрана, стены ее покрывали восточные материи. С потолка спускалась зажженная лампа. В углу комнаты стояли в нерешительности, держа наготове обнаженные шпаги, двое мужчин; они, очевидно, пытались заслонить собою двух женщин, которые, как только дверь запахнулась, бросились вперед.

– Мария! Джулия! – вскричал Полани и заключил в объятия своих дочерей.

В это время Франциск с матросами приблизился к двум незнакомцам и сказал:

– Бросьте ваше оружие и сдавайтесь! Сопротивляться бесполезно; там у нас еще двенадцать вооруженных людей.

Они тотчас же бросили свое оружие и покорно дали связать себя.

Несколько минут длилось молчание. Молодые девушки рыдали от счастья, а сам Полани был так растроган, что с трудом говорил. Наконец он обратился к дочерям и сказал:

– Милые мои, не меня должны вы благодарить за ваше спасение, а вашего друга Франциска, который вторично уже выручает вас из беды. Это он, моя милая дочь, спас тебя от ужасной участи сделаться женой злодея Мочениго! Обнимите его, мои дорогие, как родного брата, так как он сделал для вас больше, чем сделал бы брат. А теперь расскажите мне все, что случилось с вами с того времени, как я видел вас в последний раз.

– Ты уже знаешь, отец, что нам прислали известие о том, что с тобой приключилось несчастье и что ты требуешь нас к себе.

– Да, мои дорогие, я об этом узнал очень скоро после вашего отъезда из дома Пизани. В пять часов я поехал за вами и узнал, что вы почему-то уже уехали оттуда.

– Ну вот, как только мы сели в каюту гондолы, синьора Кастальди сначала закрыла двери, а потом и ставни окон. Мы невольно вскрикнули, когда очутились вдруг в темноте, но она строго велела нам замолчать. Мы страшно перепугались, тем более что она никогда раньше не говорила с нами таким

тоном; мы хотели открыть ставни или дверь, но они оказались наглухо запертыми. Тогда мы принялись громко кричать, но наших голосов, должно быть, никто не слышал. В каюте, наконец, сделалось так душно, что я упала в обморок. Когда же я очнулась, то одно окно было уже открыто; мы в это время ехали, вероятно, уже за каналами, так как я ничего не видела, кроме неба. Как только я очнулась, окно закрыли. Гондола долго плыла, и когда она наконец остановилась, синьора Кастальди объявила нам, что она должна завязать нам глаза. Мы воспротивились этому, но она пригрозила что это все равно сделают насильно. Мы поневоле согласились, и она обернула нам головы большими платками. Потом нас повели на берег, и когда, пройдя некоторое расстояние, мы наконец остановились, то с нас сняли платки, и вот мы очутились здесь, где с тех пор все время находимся.

– Надеюсь, что с вами обращались хорошо, мои дети? – тревожно спросил Полани.

– О да, отец! До сих пор, кроме Кастальди, сюда никто не входил. Дверь постоянно была приотворена, так как окон, как ты видишь, здесь нет. Кастальди уходила иногда и приносила нам еду. Мы видели в той комнате каких-то мужчин, но они разговаривали друг с другом всегда шепотом. Ты можешь представить себе, как мы упрекали Кастальди за ее коварство. Она говорила, что нас никогда не разыщут и что я должна примириться с мыслью сделаться женой Руджиеро Мочениго. Если же я не соглашусь добровольно на это, то

они найдут меры к тому, чтобы принудить меня стать его женой. Я объявила, что готова скорее умереть, но она на мои слова только громко хохотала, говоря, что вот сейчас явится священник и, буду ли я согласна или нет, он все-таки нас обвенчает. Но под конец она, кажется, чего то стала опасаться и раза два отлучалась из дома. Но скажи нам, отец, где мы находимся?

– Вы на острове Сан-Николо.

– На острове! – воскликнула с удивлением Мария. – А как же вы попали на наш след?

– Это я расскажу вам потом, когда мы будем возвращаться домой, Мария.

– Мы с Джулией жаждем подышать свежим воздухом.

– Поедем лучше скорее домой, мои милые дети.

Матросы и слуги громкими криками радости приветствовали молодых девушек, когда они вышли из хижины.

– Теперь надо произвести здесь тщательный обыск, – сказал Полани, – Капитан Лонтано, прикажите остаться здесь четверым вашим матросам, пока приедет городская стража. Если же кто-либо явится сюда до их приезда, то ваши матросы должны арестовать прибывших. Правительство расследует это дело во всех подробностях.

Только теперь, когда они были уже на открытом воздухе, Полани мог заметить, как сильно отразилось на его детях заточение в темном подвале и пережитые ими душевные тревоги. Полани распорядился, чтобы гондолу причалили бли-

же к тому месту, где они находились, и затем все вместе направились к берегу. Четверо людей со связанными руками были положены на дно капитанской лодки; туда же посадили Кастальди, и матросам было приказано ехать вслед за гондолой. По дороге Полани рассказал своим дочерям о том, как Франциску удалось разузнать место их заточения.

– Если бы не он, мои дорогие, то я, вероятно, и не разыскал бы вас, – закончил он свой рассказ, – и злодею Мочениго удалось бы осуществить его план.

– Мы до конца дней своих не забудем, что вам мы обязаны своим спасением, Франциск, – сказала растроганная Мария. – Мы день и ночь будем молить Бога за вас, не правда ли, Джулия?

– Да, – отвечала молодая девушка, – мы будем любить вас как родного брата.

– Как же намерены вы поступить с вашими пленными, сеньор Полани? – прервал Франциск их слова.

– Я их привезу сперва к себе домой и затем тотчас же сообщу обо всем в Совет. Оттуда пришлют ко мне стражу, которая отвезет наших пленников в тюрьму. Теперь уже совершенно ясно, какую роль играет в этом деле Мочениго, и даже самые близкие к нему люди не дерзнут защищать его гнусное поведение. Вы себе представить не можете, какое сильное возбуждение в городе произвело похищение моих дочерей. Если бы не вмешалась в дело городская стража, то, кажется, дворец Мочениго был бы разрушен до основания, а друзья

Руджиеро не решаются даже показываться на улицах. Когда все это дело кончится, нам надо будет на некоторое время уехать на нашу родину, на Корфу.

– Что касается меня, то я буду очень рада уехать, – сказала Джулия. – Мне на Корфу нравится гораздо больше, чем здесь, там и воздух гораздо мягче и полон аромата, а здесь так жарко и сыро по вечерам.

– А ты, Мария, что скажешь?

– Я тоже буду очень рада уехать, но Венецию я все-таки люблю.

– Но мы поедem не надолго, дети. Здесь скоро позабудут о нашем приключении, а нескольких недель достаточно, чтобы укрепить ваше здоровье.

Гондола приблизилась к ступеням дворца Полани. Их прибытие возбудило общую радость во всем доме. Приготовления к освобождению девушек держались в большой тайне, так как Полани опасался, чтобы в доме не оказался еще какой-нибудь пособник Мочениго. Женщины кинулись вниз для встречи, а слуги готовы были разразиться громкими приветствиями, но Полани сделал им знак, чтобы они молчали.

– Синьорины и без того достаточно взволнованы, – сказал он. – Прошу вас отнюдь никому ни одного слова не говорить о нашем возвращении во избежание всяких толков в городе, до тех пор пока Совет не решит, как поступать дальше.

Девушки поднялись наверх в свои комнаты. Несколько

минут спустя подъехала другая лодка, с арестованными, которых повели в дом. Увидев синьору Кастальди, закрывшую лицо темной вуалью, многие из женщин не утерпели, чтобы не разразиться проклятиями.

– Капитан Лонтано, слуги укажут вам комнату, в которой ваши люди будут стеречь арестованных. Оставайтесь и вы здесь и не пропусайте сюда никого.

Джузеппе стоял на лестнице, и Франциск, приблизившись к нему, спросил:

– Ну а что же с моей гондолой?

– Я ее нашел за столбами у ступеней пристани: она вся разбита и залита водой. Вероятно, кто-нибудь оттолкнул ее туда, чтобы она не мешала проезду. На дне несколько дыр, а один бок совсем пробит. Должно быть, наши преследователи со злости пробили ее веслами; я не думаю, чтобы ее можно было починить.

– Ну, делать нечего, Джузеппе! Она все-таки сослужила нам хорошую службу.

– Вам придется идти со мной, Франциск, – сказал подошедший к ним Полани. – В Совете, наверное, захотят допросить вас.

– Я должен буду сказать там, каким образом мне удалось напасть на след ваших дочерей, – обратился Франциск к Полани, когда они сели в гондолу, – а сказать это я могу, только если объясню им, как мне удалось раньше узнать о сборищах заговорщиков на острове Сан-Николо. Мне не хотелось бы

выдавать других лиц, кроме Руджиеро, так как у меня нет никаких доказательств их виновности, да и не желал бы я создавать себе новых врагов.

– Да, верно, Франциск. Но вы же узнали других лиц, кроме Руджиеро, так как же быть?

– Конечно, я ни в коем случае не скрою правды, но лучше, если бы я был избавлен от этой необходимости.

– И я вполне согласен с вами. Но я не вижу иного выхода, так как вы говорите, что пассажир, которого вы возили, был не Руджиеро.

– Может быть, это и был Руджиеро, только утверждать этого я не могу; незнакомец был закутан в плащ и замаскирован, так что я не мог узнать его.

– Очень жаль, Франциск, потому что если бы вы его признали, то достаточно было бы вам объяснить, что вы только из любопытства следили за ним, не входя ни в какие другие объяснения. Признаюсь вам, Франциск, что мне очень нравится в вас ваше непоколебимое стремление всегда говорить правду, невзирая ни на какие последствия.

– Вы едете теперь прямо в Совет, синьор?

– Нет-нет, мне надо известить суд, что у меня пять арестованных, участвовавших в похищении моих дочерей, и просить, чтобы он распорядился взять их под стражу, а потом я поеду в Совет и потребую суда над Мочениго, для обвинения которого у нас имеются теперь несомненные улики. Я полагаю, что Совет пока удовлетворится моими показаниями и

показаниями моих дочерей, а о вас, может быть, мне удастся до поры до времени умолчать. Подождите меня здесь в гондоле, пока я вернусь обратно.

– Ну, я очень рад, – сказал Полани, после того как вернулся из Совета, – мне удалось-таки умолчать о вашем участии в нашем деле. Уже отдано приказание о снаряжении галеры на материк, чтобы арестовать Мочениго; завтра же должны явиться сюда мои дочери для допроса. Кастальди будет допрошена Советом сегодня же, и я убежден, что она сознается во всем, когда увидит, что все улики против нее находятся в наших руках.

– Я вам очень обязан, синьор, что вы меня избавили от необходимости раскрывать все это дело о заговоре. Теперь мне надо спешить к моему отцу, чтобы успокоить его и рассказать ему все подробности о спасении ваших дочерей. Он, вероятно, с нетерпением ожидает моего возвращения.

– Передайте ему, что я вечером непременно приеду к нему. Мне о многом надо переговорить с ним.

– Я очень рад, что увижу сегодня синьора Полани, – сказал Франциску его отец, когда тот рассказал ему обо всем случившемся и передал поручение Полани. – Я буду чрезвычайно доволен, если синьор Полани найдет удобный предлог, чтобы удалить тебя из Венеции, так как для юноши твоих лет такого рода похождения и связанные с ними последствия уж чересчур рискованны.

Свидание двух негодяев длилось довольно долгое вре-

мя, и, когда их переговоры уже пришли к концу, послали за Франциском.

– Франциск, – обратился к нему отец, – синьор Полани был так добр, что удостоил сделать мне чрезвычайно выгодное предложение, касающееся лично тебя.

– О, помилуйте, господин Гаммонд, – перебил его венецианец. – Ваш сын оказал мне неоплатные услуги. По счастью, я занимаю такое положение, что могу быть ему полезным на его жизненном пути. Я предлагаю вам, Франциск, поступить ко мне на службу. Конечно, вам придется употребить несколько лет на изучение дела, но вы будете поставлены при этом в такое же положение, какое занимал бы и мой родной сын. Ваш отец намеревается вернуться в Англию, поэтому я предложил ему сделаться там моим агентом. Раньше мне не приходилось вести торговлю с Англией, но торговые сношения с Лондоном могут принести мне большие выгоды. Таким образом, дело может устроиться к общей выгоде. Вам, может быть, будет не совсем приятно поселиться навсегда в Венеции, но со временем, если бы ваш отец решил удалиться на покой, вы могли бы переселиться и в Лондон, приняв на себя его обязанности.

– Я не знаю, как мне благодарить вас, синьор, за ваше великодушное предложение; поверьте, что я употреблю все усилия, чтобы оправдать ваше доверие ко мне.

– В этом я отнюдь не сомневаюсь, Франциск, – сказал Полани. – Вы уже имели случай проявить свои способности, и

я спокойно могу доверить вам ведение важных дел. Я вполне согласен с вашим отцом, что вам необходимо покинуть Венецию как можно скорее; поэтому я решил, с согласия вашего отца, отправить вас сегодня же на корабль «Бонито», который должен отплыть из Венеции завтра утром. Теперь я вас оставляю вдвоем с отцом, а вечером, надеюсь, вы найдете время побывать у меня, чтобы проститься с моими дочерьми.

– Да, твои приключения привели к счастливому исходу, – сказал господин Гаммонд своему сыну, когда они остались одни. – Теперь перед тобой открывается такая дорога в жизни, о которой мы, конечно, раньше не могли бы и мечтать. И если ты проявишь такое рвение и такую же проницательность в ведении дел, какие проявил в своих похождениях, то перед тобой откроется блестящая будущность. Теперь ступай к своим друзьям проститься с ними.

В восторженном состоянии духа Франциск сбежал с лестницы, вскочил в гондолу своего отца и приказал Беппо везти себя к дворцу Джустиниани. По дороге он рассказал Беппо и его сыну, что он завтра покидает Венецию и поступает на службу к Полани. Услышав эту новость, Джузеппе опустил свои весла и, бросившись на дно лодки, залился горькими слезами; потом он быстро вскочил на ноги и обратился к Франциску:

– Если вы поедете, то и я поеду, синьор Франциск. Вам нужен верный слуга. Я упрошу синьора Полани, чтобы он

позволил мне ехать с вами. Ты ведь отпустишь меня, отец? Я не могу жить без синьора Франциска; здесь я буду только горевать о нем, а там я ему буду полезен. Возьмите меня с собой, господин Франциск! Неужели вы будете так жестоко-сердны, что уедете и покинете меня здесь?

– Конечно, я буду очень рад, если ты будешь со мной, Джузеппе, но отпустит ли тебя твой отец? Я знаю, что синьор Полани ничего не будет иметь против этого. Он давно говорил, что хотел бы что-нибудь сделать для тебя, так как и ты подвергался опасности, когда мы в первый раз спасали его дочерей. Я уверен, что он ни в коем случае не будет препятствовать тому, чтобы ты сопровождал меня. А ты что скажешь на это, Беппо?

– Я не хочу становиться поперек дороги моему сыну, господин Франциск, но, видите, теперь он в таких летах, что мог бы быть мне очень полезен. Если Джузеппе уедет, то придется нанять другого работника для гондолы.

– Ну, мы еще поговорим об этом, – сказал Франциск. – Но вот мы уже у пристани палаццо Джустиниани, и сам Маттео спускается к своей гондоле! Еще минут пять, и мы бы разъехались с ним!

Глава VII

На купеческом судне

– Вообрази, Франциск, какая новость! Мария и Джулия спасены! Я только сейчас узнал об этом и собирался идти к тебе, чтобы сообщить эту новость.

– Твоя новость уже устарела, Маттео. Я узнал об этом еще раньше тебя.

– Мне передали, – продолжал Маттео, – что Полани отыскал их в хижине на острове Сан-Николо. Мой отец не может понять, каким образом он узнал, куда их запрятали, он говорит, что Полани скрывает, откуда он узнал об этом. Отец думает, что ему сообщил это по секрету кто-либо из семейства Руджиеро.

Франциск на минуту задумался; он уже готов был рассказать Маттео о своем участии в спасении молодых девушек, но удержался от своего первого порыва из боязни, чтобы его друг, хотя и умевший хранить тайну, все-таки случайно не проговорился.

– Дело не в том, откуда Полани получил эти сведения, – отвечал Франциск, – главное то, что он нашел своих дочерей здоровыми и невредимыми; я слышал также, что он привез с собою и ту женщину, которая обманула его доверие и завела их в западню. Счастье еще, что Полани принялся так быстро

за дело и тем помешал Руджиеро увезти с острова молодых девушек.

– Отец говорит, – продолжал Маттео, – что правительство уже отправило галеру, чтобы захватить Руджиеро и привезти его сюда арестованным; говорят, что, несмотря на его влиятельные связи, ему не избежать строгого наказания. Все так возмущены его поступком, что его друзья не рискнут заступиться за него.

– А теперь, Маттео, и у меня есть новость, которой могу с тобою поделиться. Синьор Полани был настолько добр, что предложил мне место у себя, и завтра же я покидаю Венецию на одном из его кораблей, направляющихся на Восток.

– Поздравляю тебя, Франциск, и радуюсь за тебя, так как знаю, что ты охотно примешь это предложение, лишь бы не возвращаться домой в Англию. Но как все это неожиданно! Еще вчера ты ничего не знал о предстоящем путешествии, а завтра уже собираешься уезжать. Как же это так скоро устроилось? Ведь Полани не было сегодня с раннего ура, почти весь день он провел в Совете в хлопотах о своих дочерях.

– Но я виделся с ним, после того как он вернулся домой, – отвечал Франциск. – К тому же, хотя окончательное решение последовало только сегодня, Полани уже раньше несколько раз толковал об этом с моим отцом. Мне кажется, они вдвоем решили, что лучше всего мне удалиться отсюда по возможности скорее, из опасения, чтобы друзья Руджиеро не приписали опалу, которой он подвергся, моему вмешатель-

ству в его неудавшуюся попытку похитить молодых девушек.

– Одно могу только сказать, Франциск, что ты счастливее и что я желал бы, чтобы и со мною случилось нечто подобное. Непременно буду просить своего отца, чтобы он уговорил Полани дать мне место на одном из его кораблей. Совершив несколько морских путешествий, я мог бы потом, по достижении совершеннолетия, поступить офицером на государственную галеру. Но куда же ты идешь теперь?

– Я иду сейчас в школу фехтования, чтобы проститься со своими товарищами; затем мне нужно сходить к синьору Полани, чтобы засвидетельствовать свое почтение молодым синьоринам – его дочерям; после этого я вернусь домой и пробуду с отцом уже до самого моего отъезда.

– Ну, так я провожу тебя до школы и до палаццо Полани, – объявил Маттео. – Мне без тебя здесь будет очень скучно, и я употреблю все усилия, чтобы последовать твоему примеру и уйти в плавание. Тебе, вероятно, предстоит испытать всевозможные приключения, так как, говорят, в скором времени у нас будет война с Генуей, и тебе придется зорко остерегаться генуэзских военных галер. Корабли Полани – немаловажная добыча, и, кто знает, не придется ли тебе еще познакомиться с генуэзской тюрьмой, прежде нежели ты вернешься домой!

Пробыв некоторое время в школе фехтования, друзья отправились в гондоле к синьору Полани. Его самого не было дома, но молодых людей тотчас же попросили наверх к молодым синьоринам.

– Милые кузины, – сказал при входе Маттео, – как я счастлив, что вы избавились от всяких бед и благополучно вернулись домой! Вся Венеция только и говорит, что о вашем приключении; вы – героини дня! Вы не можете себе представить, сколько тут было волнений по поводу вашего похищения.

– Чем скорее перестанут нами заниматься, тем лучше, Маттео, – возразила Мария, – иначе нам придется сидеть затворницами до тех пор, пока какое-либо другое событие отвлечет внимание от нас. Нам, право, вовсе не хочется, чтобы на нас указывали пальцами. Уж если венецианцы так интересуются нами, то им следовало бы прежде всего заняться разысканием места, куда нас увезли.

– Но, уверяю вас, Мария, что все усилия были употреблены на это; вас искали везде; нет того гондольера, которого не опрашивали бы по нескольку раз о том, куда он перевозил пассажиров в этот день. Все рыбацьи острова были обысканы. Никогда еще, кажется, не было подобной погони! Но кому же могло прийти в голову, что вы в это время находились на острове Сан-Николо! Что касается меня, то я все время проводил в гондоле, пристально всматриваясь в окна каждого дома, мимо которого проезжал, в надежде увидеть у окна призывный знак белым платочком. То же делал и Франциск; он не менее других был занят отыскиванием вас.

– Что касается Франциска, то это дело другое, – отвечала Мария, не обращая внимания на знаки, которые ей делал молодой человек. – Он, как оказывается, умнее всех наших

молодых венецианцев, и если бы не он, то, очень вероятно, мы и до сих пор находились бы в нашем заточении, из которого бог весть куда увез бы нас Мочениго.

– Франциск! – вскричал удивленный Маттео. – Как, разве это он указал вашему отцу, где вы находитесь?

– Прости мне, что я тебе не говорил об этом раньше, Маттео, – нехотя подтвердил Франциск, – но синьор Полани, как и мой отец, так настаивали на том, чтобы я молчал о своем участии в этом деле, что я счел за лучшее скрыть истину даже от тебя. Скажу только, что я напал на след синьорин лишь благодаря чистой случайности.

– Нет, нет, – вступилась Мария, – это была не случайность: вы открыли наш след благодаря вашей энергии и уму. Я не знала, Франциск, что вы хотели сохранить это дело в тайне. Мы будем осторожнее в другой раз.

– Но как все это произошло, Франциск? – спросил Маттео. – Теперь, когда я уже узнал главное, то, вероятно, ты расскажешь мне и остальное.

– Все произошло очень просто, – отвечал Франциск и в коротких словах рассказал то, что уже известно нашим читателям.

– Очевидно, умение грести ведет ко всевозможным интересным приключениям, и если бы ты, Франциск, не обладал этим искусством, то едва ли избег бы плачевной участи. Однако прекрасно все-таки ты делаешь, что покидаешь на время Венецию; слуги моего родственника могут передать дру-

зьям Руджиеро о вашем участии в этом деле, а они, наверное, употребят все усилия, чтобы допытаться, каким образом синьор Полани получил сведения о месте укрывательства своих дочерей; с его стороны, следовательно, самое благоразумное услать тебя подальше из Венеции.

– Как! – вскричали молодые девушки. – Разве вы покидаете нас, Франциск?

– Я уезжаю завтра утром на корабле вашего отца, синьорины.

– Но когда же вы вернетесь? – спросила Мария.

– Надеюсь иметь удовольствие увидеть вас довольно скоро, синьорина. Я поступаю на службу к вашему отцу и буду совершать постоянные рейсы на корабле из Венеции в какой-либо отдаленный порт и обратно.

– Это утешительно, – отвечала Мария, – а то мы бы поссорились с отцом, если бы он позволил вам удалиться навсегда из Венеции после всего, что вы для нас сделали, не правда ли, Джулия?

Но Джулия отошла к окну и, по-видимому, не слышала вопроса.

– Итак, мы будем иметь удовольствие с вами видеться время от времени, – продолжала Мария. – Вы будете приезжать сюда через каждые два-три месяца, и я постараюсь каждый раз уговорить отца не торопиться с новой отправкой в путь своего корабля, коль скоро вы будете здесь. Нам будет казаться, что к нам вернулся наш брат; впрочем, мы и отно-

симся к вам, как к родному брату, Франциск. Я полагаю, что теперь нас оставит в покое этот ужасный человек, но если бы я опасалась новых покушений с его стороны, то упростила бы отца удержать вас здесь, хотя бы на время, так как уверена в том, что вы нас сумеете защитить от всяких бед.

– Я убежден, что Мочениго вас не будет больше беспокоить, – отвечал Франциск, – ему придется искупить свою вину перед вами продолжительным пребыванием в тюрьме.

– Я думаю, что это самое меньшее наказание, к которому его следует приговорить, – с негодованием произнесла Мария. – Во всяком случае, я буду чувствовать себя спокойнее, пока он сидит взаперти.

Спустя короткое время Франциск и его друг простились с молодыми синьоринами и удалились.

– Ты, однако, родился под счастливой звездой, Франциск, – сказал Маттео, усаживаясь с ним в гондолу. – Прекрасно делает синьор Полани, что удаляет тебя из Венеции, где немало молодых людей, которые будут завидовать отношению к тебе моих кузин.

– Какой вздор! – покраснев, отвечал Франциск. – Удивляюсь, право, Маттео, как ты можешь говорить такие глупости!

– Ну хорошо, хорошо! Поживем – увидим! – смеясь отвечал Маттео, – Мария старше тебя, это верно, но Джулия как раз подходит тебе по годам. Уже теперь, как уверяет Мария, они смотрят на тебя как на брата и защитника, а года через два-три они заговорят другое!

– Все, что ты говоришь, так глупо, – нетерпеливо вскричал Франциск, – что я попрошу тебя лучше замолчать!

Магтео прислонился к подушкам сиденья и начал насвистывать какую-то песенку.

– Ладно, не буду говорить об этом теперь, Франциск, – сказал он после короткого молчания, – но признаюсь откровенно, что я, с своей стороны, был бы очень рад заслужить такое внимание моих прелестных кузин, каким они удоставляют тебя.

Следующее утро Франциск провел со своим отцом в толках о предстоящем отъезде и планах на будущее.

– Я надеюсь видеться с тобою время от времени, Франциск, – говорил ему отец. – Полани, наверное, даст тебе возможность бывать в Англии, куда я в скором времени уезжаю; его корабли ради торговых целей будут приставать к берегам нашей родины. Полани обещает мне относиться к тебе как к сыну, и я уверен, что случись что-либо со мною, он обеспечит твое будущее. Теперь, сын мой, вот тебе мой совет: будь сдержан и не бросайся навстречу рискованным приключениям; помни, что и на торговом судне можно подвергнуться большой опасности. Средиземное море кишит шайками морских разбойников, несмотря на усилия Венеции подавить разбои; если же возникнет война, то даже из самой Венеции и Генуи отплывут в море множество судов, которые мало чем отличаются от кораблей пиратов. Я сильно опасаюсь, что Венеции грозит в будущем большая опас-

ность. Несомненно, что Генуя, Падуя и Венгрия заключили союз против Венецианской республики, и, несмотря на все ее могущество, ей придется употребить немало усилий, чтобы избежать опасности, которая ей угрожает. Венеция обладает великим даром терпения и отвагой; благодаря этим качествам ей удалось завоевать то высокое положение, которым она пользуется во всей Европе. Да, Венеция во многом достойна удивления, и хотя я рад буду вернуться в Англию, но покидаю Венецию с сожалением. Ну а теперь, сын мой, пора тебе отправляться на корабль. Полани сказал, что он отчаливает в десять часов, а теперь уже девять. Я очень рад, что с тобою будет Джузеппе; он честный малый и очень к тебе привязан; он может быть тебе полезен. Твои вещи уже отправлены, пора и нам идти.

Когда мистер Гаммонд и его сын подошли к кораблю, стоявшему в порту Маламокко, они нашли его почти готовым к отплытию: уже загружали последние тюки с товарами и матросы приступали к поднятию парусов.

Корабль «Бонито» было громадное судно, приспособленное, главным образом, для перевозки товаров. На нем было две мачты с большими квадратными парусами; он мог, следовательно, при попутном ветре двигаться вперед достаточно быстро; но искусство управлять судном против ветра было в то время еще неизвестно, и при неблагоприятном ветре кораблю приходилось или становиться на якорь, или двигаться с помощью весел, которых было по пятнадцати с

каждой стороны. Когда Гаммонды поднялись на палубу, их встретил сам владелец судна, синьор Полани.

– Я пришел, – заявил он, – повидаться с вашим сыном перед его отплытием, мистер Гаммонд, и лично убедиться в том, что все мои приказания относительно его удобств исполнены. Капитан Коргадио, вот тот молодой человек, о котором я уже вам говорил и к которому прошу вас относиться так, как бы вы относились к моему собственному сыну. Научите его всему, что касается морского дела, а также посвятите его в наши торговые предприятия; познакомьте его с лучшими способами купли и продажи и со сравнительными ценами товаров. Вот, Франциск, ваша каюта.

Полани открыл дверь в обширную, прекрасно обставленную каюту у кормы корабля.

– Не знаю, как и благодарить вас, синьор Полани, – проговорил Франциск. – В этом помещении я замечаю единственный недостаток – оно слишком роскошно для меня. Я охотно согласился бы переносить кой-какие неудобства, как это приходится многим другим новичкам.

– В этом нет никакой надобности, Франциск; если представится случай, когда придется вам наравне с другими взяться за тяжелый труд, то я уверен в том, что вы не откажетесь от дела, но так как вам предстоит быть коммерсантом, а не моряком, то вам нет надобности исполнять какие-либо обязанности по корабельной службе. Помните, что вы отправляетесь в путь в качестве представителя моей фирмы.

Но я должен вам сообщить неприятную новость, которую я только что узнал. Правительственная галера, которая была послана в погоню за Руджиеро, вернулась без него; оказывается, что накануне отплытия галеры с беглецом на стражу напала вооруженная шайка людей, как говорят, из Падуи и освободила Руджиеро. Мои матросы помогли страже, но негодяи взяли верх, и некоторые из них убиты; таким образом, Руджиеро опять на свободе! Это меня очень беспокоит. Негодяй едва ли осмелится вступить на венецианскую землю, но я не буду спокоен до тех пор, пока Мария не выйдет замуж. Однако матросы уже поднимают якорь и поэтому, господа, пора нам проститься.

После самого трогательного прощания с Франциском оба коммерсанта спустились к своим гондолам. Они подождали еще немного, пока подняли якорь и распустили паруса; потом «Бонито» медленно направился к выходу из гавани, и, послав друг другу прощальные приветы, отъезжающие растались с провожавшими.

Оглянувшись, Франциск увидел Джузеппе, который стоял тут же, глядя вслед своему отцу.

– А, Джузеппе! Ну, что ты скажешь, дружище, о всем, что видишь вокруг себя?

– Не знаю еще сам, что и сказать, синьор; здесь все такое громадное и все так прочно устроено, что как-то забываешь о том, что плывешь по воде; тут точно находишься в доме, на суше. Этот корабль такой тяжелый, что боишься, сдвинется

ли он с места.

– Однако ты увидишь, когда мы выйдем в открытое море, что волны легко понесут наш корабль вперед. Настанет еще, пожалуй, время, когда тебе покажется, что наша быстрая гондола была по сравнению с этим кораблем более прочным судном. А ты разве давно уже здесь, на корабле?

– Я прибыл сюда часа три назад, сударь, на лодке, на которой привезли мебель для вашей каюты. С тех пор я все тут прибирал у вас. Сюда доставлен запас лучших вин и всякая провизия, так что вам нечего опасаться голода во время пути.

– Мне даже досадно, что синьор Полани так заботится обо мне.

Через час «Бонито» уже миновал канал Маламокко и вступил в открытое море. Ветер был несильный, однако настолько порывистый, что раздувал большие паруса. Матросы все были заняты работой, сматыванием канатов, мытьем палубы и приведением всего в порядок.

– Мы начинаем наше путешествие при очень благоприятных условиях, синьор, – сказал подошедший к Гаммонду капитан. – При этом ветре нам удастся обогнуть южный берег Греции и пристать к Кандии, нашей первой стоянке. Я всегда радуюсь легкому ветру при начале путешествия, это дает всем время освоиться с обстановкой и устроиться на корабле, прежде чем мы начнем прыгать по волнам.

– Наш корабль, думаю, не скоро раскачаешь, – отвечал

Франциск, разглядывая грузное судно.

Капитан засмеялся:

– О! Он может выделять разные штуки во время бури, уверяю вас. Уж раз он начнет свою качку, так только держись. Но «Бонито» прекрасное морское судно и может выдержать любой шторм. Команда моя состоит из людей здоровых, сильных и в случае нападения разбойничьего судна мы постоим за себя.

– Как велика ваша команда, капитан?

– Она состоит из семидесяти человек. Судно – тридцативесельное, а в случае надобности мы сажаем по два человека на каждое весло; корабль кажется тяжеловатым, но он двигается достаточно быстро, если удвоить число рук и весел. Нам не раз приходилось удирать от врагов, так как у нас строгий приказ до последней крайности не братья за оружие, а спасаться бегством.

– Но, вероятно, вам все-таки приходилось иногда братья и за оружие? – спросил Франциск.

– Да, мне приходилось несколько раз в жизни попадать в жестокие перепалки, но это было не на «Бонито», ведь это новый корабль, он выстроен только в прошлом году. Однажды на корабле «Лев» на нас напали три разбойничьих судна. Мы стояли в одном заливе на якоре и ветер дул с моря, когда пираты внезапно напали на нас с берега, так что уже не было никакой возможности пуститься в бегство, и нам пришлось взяться за оружие. Мы сражались пять часов, но про-

гнали-таки разбойников, причем два их судна были разбиты, а третье сгорело. Раза три или четыре пираты вскакивали на палубу нашего корабля, но каждый раз нам удавалось их выгонять. В этом деле, однако, мы потеряли убитыми не менее трети нашей команды; остальные все были ранены. Сам я принужден был по приезде домой лечиться месяца три от раны в плечо, от которой я едва не лишился левой руки. Тем не менее нам посчастливилось спасти корабль, на котором был весьма ценный груз. Синьор Полани наградил всех участвовавших в этом сражении. Он редкий по щедрости человек, и как бы ни было трудно иной раз собрать хорошую команду, а ему всякий готов служить. Разумеется, в нашем деле бывает всякое – и хорошее и худое. Несколько лет тому назад я со всей своей командой отсидел шесть месяцев в тюрьме в Азове. Это случилось по милости этих негодяев генуэзцев, которые всегда готовы воспользоваться случаем, чтобы насолить нам даже и в мирное время. Они настроили против нас какого-то местного хана своими наговорами, будто мы будто бы занимались контрабандой товаров в другой гавани, и как-то раз неожиданно ночью на мою палубу и на палубу еще двух венецианских кораблей, стоявших в гавани, ворвались солдаты этого хана, завладели кораблями и всех нас заточили в тюрьму. Там мы и оставались до тех пор, пока синьор Полани узнал о нашей участи и, снарядив новое судно, выслал его с тем, чтобы заплатить за нас требуемый выкуп. Там, в тюрьме, мы перетерпели всякие невзгоды: тюрьма бы-

ла тесная, и мы в ней задыхались от жары; пища была отвратительная, так что почти половина из нас перемерли прежде, чем нас освободили. Было еще у нас дело в Константинополе, где генуэзцы возмутили против нас народ, и все матросы принуждены были бороться за свою жизнь.

После трех дней благополучного плавания «Бонито» обогнул берег Мореи и направился к Кандии. Путешествие было весьма приятное для Франциска. Капитан показал ему список своего груза и сообщил сведения о ценах различных товаров, а также и тех товаров, какие предполагалось закупить в различных гаванях, в которых они должны были останавливаться. Ежедневно в известное время капитан занимался с Франциском изучением морской карты и знакомил его с различными пометками, на которые следовало обращать внимание при входе в гавани и при отплытии. Капитан указывал ему на наиболее удобные для спуска якоря места и на те берега материка, где можно было укрыться в случае, если бы их застигли сильные бури.

Когда корабль отошел от берега Мореи, погода изменилась, небо покрылось быстро надвигавшимися с юго-запада тучами, и капитан отдал приказание закрепить паруса.

– Будет буря, – сказал он Франциску. – Это не совсем обыкновенное явление в это время года; вот уже дня два, как я ожидаю перемены погоды, но я надеялся, что мы успеем дойти до Кандии прежде, нежели разразится буря. Мне кажется, что она собьет нас с нашего пути.

К вечеру поднялся сильный ветер, и море начало бушевать. Скоро подтвердилось замечание капитана о способности корабля прыгать по волнам, и матросам пришлось бросить весла, за которые они взялись было после того, как свернули паруса.

– Нам невозможно держаться нашего курса, – объявил капитан, – придется пристать к одному из островов и бросить якорь на подветренной стороне. Советую вам лечь поскорее в койку; вы еще не приучились держаться на ногах во время качки.

Прошло еще какое-то время, прежде чем Франциск спустился в свою каюту. Перед ним разыгрывалось нечто невиданное, и он не мог наглядеться на высокие волны, которые подбрасывали громадный корабль так же легко, как будто это была яичная скорлупка. Но когда уже стало совсем темно и Франциск ничего не мог разглядеть, кроме белых гребней волн и морской пены, которая поднималась высоко над корабельным носом каждый раз, как судно ныряло в глубину, он решил последовать совету капитана и удалился в свою каюту. На другое утро рано он уже был на палубе. Над океаном висел спустившийся, точно завеса с неба, серый туман; море было стального цвета; волны с их белыми гребнями подымались еще выше, чем накануне, и, казалось, готовы были поглотить «Бонито», но каждый раз корабль выходил победителем из этой борьбы с рассвирепевшей стихией. Капитан стоял у руля, и Франциск кое-как пробрался к нему.

– Как дела, капитан? – спросил он. – Где мы находимся в настоящую минуту?

– Двигаемся, двигаемся вперед, синьор Франциск, как видите! «Бонито» молодец и поборется с бурей, хотя бы она еще больше разыгралась. Не буря меня страшит, а попадающиеся на пути острова. Будь я в водах Средиземного моря, то поспал бы еще часочек-другой на своей койке, а тут дело другое! Мы окружены островками, а где именно мы находимся – неизвестно. Ветер несколько раз в течение ночи менял направление и гнал нас то в одну сторону, то в другую. Тут собьешься совсем с толку. Я старался, насколько мог, держаться западного направления, но с этим ветром мудрено справиться. По-моему, мы должны быть близ западного берега Митилены. Лишь бы этот туман немного рассеялся, тогда все стало бы для меня ясно; я знаю наизусть очертания каждого острова на Эгейском море. С этой стороны должен бы находиться материк, а тут ничего не разберешь. Возможно, что мы прямо попадем на подводную скалу или сядем на мель у берега.

Перспектива была не особенно приятная, и Франциск попытался проникнуть взором сквозь густой туман.

– Если я не ошибаюсь в своем предположении, что мы находимся близ Митилены, – сказал капитан, – то на этой стороне острова есть безопасная гавань, и я направлю туда наше судно; эта гавань прекрасно защищена от ветра и притом достаточно глубока.

Прошло еще часа два, и погода внезапно изменилась: облака как по мановению волшебного жезла рассеялись, и солнце ярко осветило все кругом. Ветер еще не утих, однако уже одна эта перемена просветлевшего неба и моря ободрил, а упавших духом мореплавателей, но еще больше обрадовались они, увидав перед собою на расстоянии лишь четырех-пяти миль длинную полосу земли.

– Я не ошибся, – вскричал капитан, – это остров Митилена, и вход в гавань лежит вот в этом направлении!

Команда взялась за весла, и «Бонито» направился в гавань; сам капитан стал у руля. Прошло еще полчаса, и они приближались уже к берегу. Франциск старался разглядеть гавань, о которой говорил капитан, однако ее не было видно, но прошло еще несколько минут, и «Бонито», обогнув берег маленького острова, вступил в защищенную от ветра гавань; она была такая обширная, что, казалось, могла бы вместить в себе всю венецианскую флотилию. Тут немедленно приступили к спуску якоря.

– Просто поразительно, – заметил Франциск, – до какой степени тут тихо и спокойно после свирепого океана! Но скажите, капитан, кому же принадлежит этот остров?

– Он, собственно, принадлежит Константинополю, но генцуэзцы основали тут торговую станцию и выстроили замок Противоположный берег острова – плодородный, но эта сторона гористая и неплодородная. Здешние жители не пользуются хорошей славой, и, случись нам здесь потерпеть круше-

ние, нас если не убьют, то наверняка ограбят. Взгляните на эти два корабля, причаливших к берегу, близ деревни; это, наверное, разбойничьи суда – остров кишит пиратами. Венецианцы употребляют невероятные усилия, чтобы обуздать этих разбойников, но, к сожалению, слишком отвлечены раздорами то с генуэзцами, то с голландцами, и им не удастся взяться за дело как следует, чтобы окончательно уничтожить эти притоны морских разбойников.

Глава VIII

Нападение морских разбойников

По приказанию капитана была спущена на воду лодка, в которой он поехал к берегу в сопровождении нескольких матросов; все были вооружены с головы до ног. Франциск присоединился к ним. Местные жители встретили вновь прибывших не особенно дружелюбно, но не отказывались вступить с ними в переговоры относительно обмена привезенного сукна на шкуры животных и на вино.

– Нам лучше всего вступить с ними в сделку, – объявил капитан, когда они возвращались на корабль за товарами. – В этой гавани не особенно часто останавливаются корабли с грузом, а дорога внутри острова через горы чрезвычайно затруднительна, поэтому нам, вероятно, удастся совершить обмен товара с обоюдной выгодой.

– Кажется, они не очень-то рады нашему приезду, – заметил Франциск.

– Пожалуй, что и так; дело в том, что генуэзцы здесь устроились как дома и всеми силами стараются подорвать доверие местных жителей к венецианцам: они внушают им, что Венеция намерена при первой возможности завладеть их островом. И вот жители разделились на партии: кто стоит за Венецию, кто – за Геную; Константинополь же нимало им

не страшен, хотя они находятся под его владычеством и платят ему тяжелую дань, не получая взамен никакой помощи в случае нападения врагов. Жители острова – греки, но, кроме языка, у них мало общего с константинопольскими греками; притом же они отлично понимают, что турки завладевают все большей и большей властью, и сознают, что не Константинополь, а Венеция или Генуя спасут их от турецкого ига. Симпатии островитян, скорее, на стороне Венеции, нежели Генуи, так как венецианское владычество менее деспотичное из двух, но генуэзцы распространяют ложные сведения о нашем деспотизме и нашей жажде наживы, вот почему одни жители острова принимают нас дружелюбно, другие же относятся к нам с недоверием и ненавистью.

– Как долго полагаете вы оставаться здесь, капитан? – спросил Франциск.

– Это будет зависеть от направления ветра. Он может стихнуть завтра же или свирепствовать в течение еще нескольких дней, а пока будет дуть такой ветер, как теперь, нам нечего и думать о том, чтобы добраться до Кандии. Надеюсь, однако, что через день-два нам удастся пуститься в путь; здесь мы только даром тратим время.

На ночь была поставлена на палубе корабля вооруженная стража.

– К чему эти предосторожности, капитан? – осведомился Франциск. – Венеция ведь еще не вступила в войну с Генуей, хотя, без всякого сомнения, мы накануне ее объявления.

– Между Венецией и Генуей никогда не было полного мира, в особенности в этих морях, – отвечал капитан. – В настоящее же время более чем когда-либо нужно быть осмотрительным. На правительственные галеры они не посмеют напасть, но что касается торговых кораблей – вопрос другой. Нет, нет, поверьте моей опытности, синьор Франциск, что в этих восточных морях надо всегда быть настороже и поступать так, как будто бы наша республика ведет войну со своими соседями.

На следующее утро Франциск встал рано и вышел на палубу.

– Оказывается, что один из стоявших в гавани кораблей уже отплыл, – заметил он капитану, указывая на место стоянки тех двух кораблей, которые, по мнению, выраженному накануне капитаном, должны были принадлежать пиратам.

– Да, правда, корабль снялся с якоря и отплыл, – отвечал капитан, – любопытно, что там такое затевается? Наверное, тут что-нибудь да кроется. Ветер на море бушует по-прежнему, и это судно не двинулось бы в море без особенной причины.

Позднее капитан приказал спустить лодку и в ней отплыл к маленькому скалистому острову у входа в гавань. Выйдя на берег и взобравшись на вершину скалы, он окинул взором морское пространство. Через полчаса он возвратился на корабль.

– Придется нам еще оставаться здесь, – сказал он Фран-

циску, – ветер дует прямо с моря в гавань, и нашему «Бонито» не устоять против него. Другое дело то суденышко, которое, вероятно, воспользовалось ночной темнотой, чтобы удрать отсюда; оно сидит низко в воде, вероятно, они спустили паруса и, имея в распоряжении много рабочих рук, могли проскочить через узкий проход в гавань. Но нашему «Бонито» с его высокими боками и тяжелым грузом нечего и пытаться выбраться отсюда.

– Какие же, по вашему мнению, могут быть намерения у отбывшего судна, капитан?

– Возможно, что оно направилось к одному из близлежащих островов и вернется сюда с целой дюжиной ему подобных разбойничьих кораблей. Известие, что венецианское купеческое судно без провожатых задержано здесь непогодой, заставит их налететь на нас, как налетают пчелы на мед. Вообще плавать здесь без подкрепления весьма рискованно; несколько раз я указывал на это синьору Полани. Другие купцы посылают сразу восемь-десять судов вместе, и тогда им нечего бояться нападения пиратов. Синьор Полани, однако, стоит больше за то, чтобы посылать свои суда в одиночку. Он рассуждает так: одиночное судно всегда будет идти скорее, нежели целая флотилия. Это правда: если идут в плавание несколько кораблей вместе, то понятно, что им приходится приравниваться к ходу самого слабого из них; сверх того, капитан на одиночном судне более свободен в своих действиях – ему не с кем советоваться и некому подчиняться.

ся; он знает, где ему выгоднее приступить к своим торговым операциям, направляется к этому месту и ведет свои сделки самостоятельно. Выходит, что тут многое можно сказать и за и против его взгляда на это дело. Корабли нашего патрона, идущие в одиночку, подвергаются, конечно, большему риску, но зато, если им удастся благополучно добраться домой, они приносят своему владельцу несравненно больше выгоды, чем владельцам других судов. Что же касается меня самого, то хотя я вообще больше стою за одиночное плавание, но сознаюсь, что в настоящую минуту я предпочел бы плыть в сопровождении полудюжины товарищей.

Трижды в течение этого дня капитан направлялся на выбранный им для наблюдения скалистый остров. Возвратясь из последней поездки уже поздно ночью, он сказал Франциску:

– Ветер, несомненно, стихает. Надеюсь, завтра на рассвете нам удастся выйти из западни. Я убежден, что нам тут угрожает опасность.

– Но что же возбуждает вашу тревогу, капитан? Ведь не только одно исчезновение судна заставляет вас опасаться чего-либо недоброго?

– Действительно, я подметил еще кое-что, – отвечал капитан. – Во-первых, настроение здешних жителей заметно изменилось; не скажу, чтобы они относились теперь враждебнее к нам, нежели при встрече, но когда я сегодня утром бродил по острову, то заметил среди жителей какое-то сдер-

жанное возбуждение: люди собирались группами и о чем-то оживленно рассуждали. И вот еще что я заметил, когда взошел на высокую гору за деревней, я видел, что туда собираются какие-то люди и оттуда пристально всматриваются в море, как будто наблюдают за чем-то; мне сдается, что они ожидают прихода пиратов. Я охотно бы пожертвовал своим годовым жалованьем, чтобы сегодня же к вечеру выбраться отсюда; но так как это невозможно, то поневоле придется остаться здесь до завтрашнего утра. Я решил завтра же утром во что бы то ни стало выбраться отсюда, рискуя даже, что наше судно наткнется на скалы. Во всяком случае, если пираты на нас нападут ночью, то не застанут врасплох.

Капитан отдал приказ, чтобы вся команда была вооружена и готова встретить неприятеля. Так как, по мнению капитана, нельзя было до рассвета ожидать нападения морских разбойников, то Франциск прилег, приказав разбудить себя часа за два до восхода солнца. Сон его, однако, был тревожный; он поминутно вставал и выходил наверх, чтобы убедиться, не приближается ли к ним неприятель. Под утро он увидел Джузеппе, который пристально смотрел на вход в гавань.

– Давно ли ты тут стоишь, Джузеппе?

– С тех пор как вы приходили сюда в последний раз, сеньор.

– Не слышал ли или не видал ли ты чего-либо особенного?

– Я слышал какие-то отдаленные звуки, точно скрип канатов и блоков при опускании парусов. Этот звук повторял-

ся несколько раз на лагунах близ входа в гавань. Я уверен, что там причалило несколько судов. Некоторые из матросов слышали те же звуки, так что я уверен, что не ошибся. Если капитан прикажет, я возьму маленькую лодку и отправлюсь туда, чтобы посмотреть, что там делается.

– Я поговорю об этом с капитаном, Джузеппе.

Узнав об этом предложении, капитан отвечал, что в этом нет никакой надобности.

– Много ли, мало ли их, – заявил он, – а нам все равно надо ждать до утра, так как нечего и думать о выходе из гавани ночью.

– Но как же в таком случае эти разбойники вошли в гавань? – заметил Франциск.

– Это совсем другое дело; по всей вероятности, их на лодке провел в гавань кто-либо из здешних жителей, или же жители прибрежных деревень указывали им путь условными сигналами; но главное, для них ветер был попутный, а для нас он неблагоприятный. Нет, синьор, одно только нам и остается, это – ждать рассвета. Я полагаю так: если их силы невелики, то мы попытаемся пробиться сквозь их суда и пуститься в открытое море; если же на нас нападет много судов, то мы здесь же в гавани вступим с ними в бой и в таком случае у нас будет больше людей, способных к защите нашего корабля, тогда как если мы возьмемся за весла, то команда сократится наполовину.

Время до первого проблеска рассвета тянулось в нетерпе-

ливом ожидании; вся команда вышла на палубу и готовилась отразить неприятеля. Прошло еще с полчаса времени, и наконец удалось разглядеть темные очертания судов, приютившихся под защитой острова у входа в гавань.

– Так и есть, – заявил капитан. – Вы можете теперь их разглядеть, синьор Франциск; по-моему, у них там с десятков судов, но возможно, что их и больше, так как некоторые могут скрываться за островом. Пройдет не более часа, и мы узнаем все.

Франциск удивлялся тому, что капитан не велел команде держать наготове весла, так как это считалось общепринятой мерой предосторожности, при помощи которой можно было не подпускать неприятеля близко к кораблю. Но капитан объяснил ему следующее: во-первых, бока «Бонито» так высоко стоят над водой, что пиратам, во всяком случае, будет очень трудно забраться на палубу, но, главное, надо сберечь весла, а неприятель будет стараться их уничтожить, если они будут выставлены наружу. «Я долго думал над этим, – продолжал капитан, – и решил, что лучше иметь наготове только по три-четыре весла с каждой стороны и потихоньку двигать „Бонито“ к морю».

Только с наступлением утра им удалось отчетливо разглядеть неприятельские суда. Они были различных размеров, начиная от длинных, низких лодок и кончая большими кораблями с огромными парусами и длинными веслами. На всех этих судах было множество людей.

– Ни один из их кораблей не стоит так высоко над водой, как «Бонито», – заметил капитан, – и им нелегко будет забраться на нашу палубу. Тем не менее хотя нам угрожает серьезная опасность, но дешево и им не отделаться. Едва ли они рассчитывают на то, что мы так хорошо вооружены и так готовы к бою.

И действительно, на «Бонито» все было готово к борьбе. Две или три бочки с горючим составом, известным под названием греческого огня, были поставлены на палубу; были также приготовлены котлы со смолой. Тридцать человек, сооруженных стрелами и луками, стояли на корме; остальная команда разместилась у бортов, держа наготове копья, секиры и сабли.

– Лучше всего нам стать поближе к входу в гавань, прежде чем вступить в бой, – сказал капитан и скомандовал: – Тащи якорь! Берись за весла по четыре человека с каждой стороны!

Все было исполнено, как приказал капитан, и «Бонито» медленно двинулся к входу в гавань. Как только весла коснулись воды, тотчас засуетились на разбойничьих судах. Там тоже бросились к веслам, и через две-три минуты пираты уже быстро выступали вперед навстречу «Бонито». Они подняли угрожающие крики, но находящиеся на «Бонито» отвечали молчанием на их угрозы. По команде все люди спрятались за борт корабля; выделялась лишь одна фигура капитана, который поднимал на главную мачту флаг с изображением

ем на нем венецианского льва. Навстречу «Бонито» полетела целая туча стрел, но капитан не отвечал на нападение, пока не приблизился к нападающим на расстояние пятидесяти шагов. Тогда раздалась команда капитана, стрелки вскочили на ноги, и с «Бонито» посыпались стрелы, метко направленные на усыпанные людьми суда пиратов. Снова раздалась команда капитана, и весла были укреплены по бортам судна.

Еще минута, и два самых больших разбойничьих корабля бросились к «Бонито». Их встретили целым потоком горячей смолы; в них полетели котлы, наполненные «греческим огнем». Те из нападающих, которые полезли на борт «Бонито», были встречены копьями или сбиты ударами секир, многие попадали в море, другие же сами бросились в воду, чтобы спастись от «греческого огня».

Огонь быстро охватил корабли, и не прошло пяти минут с начала боя, как два корабля пиратов, пылая в огне, бросились в сторону от «Бонито». В это время, однако, и другие корабли не оставались в бездействии, и целая туча метательных снарядов полетела в «Бонито». Участь, постигшая их товарищей, показала им, однако, с каким опасным врагом им приходится иметь дело, и никто из пиратов не отважился после этого лезть прямо на огонь.

– На весла! – скомандовал капитан, и «Бонито» опять двинулся вперед.

– Одного я боюсь, – заметил Франциск, стоя рядом с капитаном, – что они могут врезаться в наш корабль носами

своих судов. «Бонито» крепко построен, но может случиться, что эти разбойники пробьют его борта. Не полагаете ли вы, капитан, что было бы хорошо нам перевесить через борт тюки с сукнами, чтобы ослабить удары, которые они могут нам нанести?

– Недурная мысль, – сказал капитан.

И с десятков матросов тотчас же по его распоряжению бросились за тюками, обвязали их веревками и уложили вдоль бортов, чтобы при первой же надобности перекинуть их за борта корабля.

Эти меры были приняты как раз вовремя: несколько небольших лодок пиратов отошли в сторону, и вдруг две самые большие из них со всего размаха бросились на «Бонито» с двух противоположных сторон.

Минуту спустя «Бонито» весь затрясся от страшных ударов двух кораблей. Носы кораблей пиратов, казалось, врезались в «Бонито», но толстые тюки, спущенные по его бортам, сохранили корабль от жестоких ударов, хотя он весь заскрипел, швы его разошлись и вода ворвалась внутрь. Но команда не считала это еще большой бедой и все свое внимание сосредоточила на метании стрел и бросании горючего материала в неприятеля, который уже начал в беспорядке отступать.

– Теперь двинемся вперед, – сказал капитан и отдал приказание, чтобы вся команда взялась за весла.

Весла в одну минуту были пущены в ход, и «Бонито» на-

правился к выходу из гавани. Пираты в своих более легких на ходу лодках столпились у выхода, пытаясь заградить дорогу «Бонито» и посылая ему вдогонку стрелы, но не рисковали подходить слишком близко из боязни подвергнуться такой же участи, как и другие их корабли. Как только «Бонито» обогнул островок у входа в гавань, матросы приступили к поднятию парусов. Ветер в течение ночи значительно утих и дул уже с востока, так что «Бонито» мог двинуться вперед попутным ветром. Теперь можно было убрать весла и довериться парусам; матросам было отдано приказание заделать пробоины в стенах корабля. Принялись считать раненых, и оказалось, что из команды убито шесть человек и двадцать девять получили более или менее тяжкие повреждения от неприятельских стрел. Франциск получил две раны – одну в правую ногу, а другую в бок.

– Напрасно вы так горячились, синьор, – говорил капитан, помогая Джузеппе перевязывать раны молодого человека. – Синьор Полани снарядил вас в путь не для того, чтобы вы служили мишенью для стрел пиратов. Но вы проявили необыкновенную храбрость и находчивость. Удивительно, как это вам пришло на ум защитить бока корабля нашими тюками?

– Очень просто, капитан, я где-то читал рассказ о том, как осажденные однажды защищали стены своих укреплений связками соломы, которая ослабляла силу ударов боевых снарядов. Как только вы начали говорить о том, что пи-

раты постараются пробить бока «Бонито», я вспомнил об этом случае и подумал, что, за неимением соломы, можно воспользоваться тюками с сукном.

– А все-таки дело было очень рискованное, – заметил капитан. – Я нагнулся через борт в момент нападения и заметил, как бока «Бонито» поддались от удара; я был уверен, что образуется громадная пробоина. К счастью, наш «Бонито» покрепче кораблей пиратов, и они сами пострадали от удиров больше, чем мы. Но была минута, когда, сознаюсь, у меня душа ушла в пятки.

– А я-то, капитан! – отвечал Франциск. – Я даже почти не почувствовал боли, когда был ранен, до того я был взволнован.

«Бонито» двигался вперед, подгоняемый попутным ветром всю дорогу до самой Кандии; по прибытии туда капитан доложил командиру венецианской военной галеры о произведенном на них нападении, и тотчас же был отдан приказ снарядить корабль для преследования всех пиратов, какие только попадутся по пути.

Окончив объезд сирийских портов, «Бонито» пустился к северу с целью пройти Дарданеллы и Босфор и направиться далее к Азову. Причалив, однако, к берегу маленького острова Тенедос, близ входа в пролив, капитан узнал такую новость, которая заставила его изменить свое намерение. В Константинополе вспыхнуло восстание, в котором принимала участие Генуя, получившая в награду за свои услуги ост-

ров Тенедос.

Эта новость распространилась на острове как раз в то время, когда «Бонито» подходил к его порту. Город был сильно взволнован этим известием.

Народ бежал к губернаторскому дому с громкими криками: «Долой Геную!» – и губернатор, лишенный всякой поддержки, принужден был уступить народной воле и отказаться от подчинения генуэзцам. Один венецианский богач, давнишний житель острова, еще больше смущал народ своими подстрекательствами, уверяя, что жителям острова нечего надеяться на помощь Греции или Генуи и что только одна Венеция окажет им покровительство. Так как симпатии народа и без того были на стороне венецианцев, то он с восторгом склонился на эти увещания, и знамя святого Марка было торжественно водружено на площади, причем было объявлено, что остров отдает себя во власть Венеции.

Находившаяся в порту генуэзская галера тотчас же отбыла в Константинополь, где начали преследовать живших там венецианцев.

Как только все эти вести дошли до капитана «Бонито», он немедленно стал советоваться с Франциском.

– Очевидно, синьор, – рассуждал капитан, – что ввиду такого тревожного времени нам придется отказаться от нашего намерения двигаться к северу; если нас не захватят в Константинополе, то мы можем попасться в руки генуэзцев. Остается одно – возвратиться в Венецию с тем небольшим

грузом, который нам удалось добыть, а по приезде туда мы испросим новых приказаний у синьора Полани. В общем, нельзя сказать, чтобы наше путешествие было неудачным, и лучше нам сохранить хотя бы то, что мы приобрели, нежели рисковать потерять все наше достояние.

Франциск нашел, что капитан прав, и «Бонито» повернул к югу. Дорогой они несколько раз приставали к встречавшимся на пути островам. Везде, вследствие облетевшего повсюду известия, что Генуя и Венеция находятся накануне войны и что, следовательно, прекратятся всякие торговые сношения, жители спешили запастись у капитана товарами на очень выгодных для него условиях.

Таким образом, «Бонито», после почти трехмесячного отсутствия, вернулся в Венецию. Как только был спущен якорь, капитан в сопровождении Франциска нанял гондолу и направился в город, чтобы отдать синьору Полани отчет об их плавании и вручить ему опись привезенного груза.

Коммерсант встретил их весьма радушно и сказал, обращаясь к Франциску:

– Идите сейчас же к моим дочерям, они с нетерпением ожидают вас, так как весть о прибытии «Бонито» в наш порт дошла до нас еще за час до вашего приезда. Мы слышали также о ваших приключениях с пиратами и о храбрых подвигах экипажа «Бонито». Я уже распорядился, чтобы матросам и всем служащим был выдан в награду месячный оклад. О вашей личной храбрости и находчивости, Франциск, у нас с

вами будет особый разговор. А теперь мне нужно заняться с капитаном, так что вы совершенно свободны.

Франциск тотчас же воспользовался разрешением синьора Полани и поспешил к молодым девушкам, которые приветствовали его самым сердечным образом.

– Мы от души обрадовались, Франциск, когда отец объявил нам о входе «Бонито» в порт; какое-то время мы не имели никаких известий о вас и боялись, что вы прибудете в Константинополь раньше, чем узнаете о смутах, которые там происходят. Там вы легко могли попасть в плен!

– Как видите, мы целы и невредимы, но я, признаться, был очень рад, когда мы повернули обратно к Венеции. Путешествие было очень приятное и полно приключений, но три месяца пути дали себя знать, и я уже начал тосковать по Венеции.

– По одной только Венеции? – лукаво спросила Мария. Франциск улыбнулся.

– И, разумеется, по вам, – отвечал он, – так как Венеция для меня не была бы так дорога, если бы вы не жили в ней.

– Это мило сказано, – отвечала Мария. – Мне кажется, что вы стали немного любезнее, чем прежде. Но оставим этот разговор, Франциск; мы с нетерпением ждем от вас рассказа обо всех ваших приключениях; мы слышали многое о них, но интереснее будет узнать все подробности от вас самого.

Франциск приступил к подробному рассказу, который очень заинтересовал молодых девушек, тем более что они

сами бывали во многих местах, которые он им описывал. Затем молодые люди заказали себе гондолу и предприняли прогулку по каналам Венеции.

Глава IX

В плену

Узнав от капитана, как усердно Франциск во время плавания занимался своим делом, как исправно он вел корабельные отчеты и ревностно исполнял морскую службу, синьор Полани призвал его к себе и сказал:

– Другие молодые люди в ваши годы мечтали бы больше об удовольствиях и развлечениях во время такого путешествия, поэтому меня вдвойне радует, что вы проявили такой горячий интерес к порученному вам делу. Я чрезвычайно доволен результатами вашего путешествия. Впрочем, вероятно, вам не скоро придется опять уехать, так как мне не хотелось бы отправлять в новое плавание «Бонито», прежде чем не выяснится положение дел в Константинополе. Я очень рад сообщить вам, что с тех пор, как исчез Мочениго, мы о нем ничего не слыхали. Бывшая дуэнья моих дочерей, Кастальди, приговорена к заключению в тюрьму на четыре года, но, по моему ходатайству, она будет освобождена через шесть месяцев, с условием, однако, навсегда удалиться из пределов Республики. Ваше имя вовсе не было упомянуто в этом деле, так что вы можете быть теперь совершенно спокойны.

– Я буду очень рад провести в Венеции неделю-другую, – сказал Франциск, – но если вы снарядите один из ваших ко-

раблей после этого срока, то я с удовольствием готов предпринять новое путешествие. Теперь, когда я прервал свои учебные занятия, я, вероятно, скоро соскучусь без дела. Маттео передал мне, что вы обещали доставить ему случай совершить несколько плаваний на ваших кораблях и что ему предстоит уехать в скором времени. Если это дело решенное, то для нас обоих было бы большим удовольствием отправиться в плавание вместе.

– Что ж, это я могу устроить, Франциск. Это даже было бы очень полезно для Маттео. Он славный малый, но, надо сознаться, несколько легкомысленный человек. Я охотно сам предложил бы вам ехать с ним, но корабль, на котором я рассчитывал отправить его, будет готов к отплытию уже дней через десять, а я полагал, что вы предпочли бы остаться некоторое время в Венеции. Если же вы сами стремитесь уйти в плавание, то я, конечно, устрою, чтобы вы поехали вместе с Маттео. На этот раз я отправлю вас в качестве заведующего погрузкой, так как вы успели вполне ознакомиться с этим делом. Капитан судна, на котором вы пойдете, прекрасный моряк и очень отважный человек, но к торговым делам он совершенно неспособен, и мне, во всяком случае, пришлось бы послать с ним человека, опытного в этом отношении; ваше же решение ехать избавит меня от необходимости подыскивать такого человека.

Две недели пролетели очень быстро, и хотя Франциск провел это время чрезвычайно весело в доме Полани, тем не

менее он был очень обрадован, когда Полани объявил ему, что корабль начнет грузиться на следующий же день.

– Вам придется рано утром отправиться на корабль, чтобы следить за погрузкой товаров, вести счет тюкам и бочкам и распорядиться укладкой товаров по местам, – добавил Полани.

– Право, отец, это вовсе не любезно с твоей стороны, что ты отправляешь Франциска в плавание так скоро, – сказала Мария.

– Но Франциск сам выразил желание уехать, и я думаю, что в этом случае, скорее, виноваты вы, а не я.

– Каким же образом мы можем быть виноваты? – удивились молодые девушки.

– А вот каким. Если бы вы старались сделать приятным пребывание его здесь, то, конечно, он не подумал бы покинуть так скоро Венецию; а если он теперь так стремится уехать, то это доказывает, что вы не сумели выполнить как следует роль любезных хозяек.

– О, синьор Полани, ваши дочери были безгранично добры ко мне, но я, признаюсь вам, не особенный любитель всяких собраний и увеселений. Я чувствую себя как-то не по себе среди разряженных кавалеров и дам и даже не постигаю, как можно душные комнаты и принужденные разговоры предпочитать прогулке по палубе корабля, не говоря уже о том, что мне очень хотелось бы заняться изучением моего дела, а на это требуется много времени.

– Мне очень приятно видеть в вас такое рвение, Франциск. Однако я еще не сказал вам, куда я намерен отправить «Лидо» – так называется ваш новый корабль. На этот раз вам придется плыть совсем в другую сторону. Весной у нас, наверное, начнется война с Генуей, а так как Падуя и Венгрия, вероятно, тоже примкнут к ней, то мы можем очутиться совершенно отрезанными от материка, и в случае поражения нашего флота нам может угрожать голод. Поэтому я намерен сделать большие запасы зерна на моих складах и с этой целью хочу отправить «Лидо» в Сицилию для закупки его. Если же вам там не удастся купить зерно вследствие слишком высоких цен, то вам придется направиться в мавританские порты.

Франциска одолевало такое страстное желание уехать, что он вовсе не заботился о том, куда именно заблагорассудит послать его Полани, но Маттео, в душе очень довольный тем, что он отправится в плавание вместе со своим другом, был тем не менее очень разочарован, когда узнал, что они поедут только для закупки зерна на Сицилию.

– А я-то надеялся, что нам предстоит длинное морское путешествие и что мы побываем в разных интересных местах, – сказал он Франциску.

– Да, действительно, путешествие будет непродолжительным, если, конечно, нам будет благоприятствовать попутный ветер; впрочем, нельзя наперед предвидеть, что может случиться в дороге, даже короткое путешествие часто бывает

сопряжено с различными приключениями.

Переход до Сицилии они совершили в короткое время. В распоряжении Франциска и Маттео была прекрасная каюта, и они проводили время очень приятно. Однажды, выйдя утром на палубу, юноши были чрезвычайно поражены, увидев перед собой большую конусообразную гору; это был знаменитый вулкан Этна на острове Сицилия, величайший из вулканов Европы. Им не доводилось раньше видеть гор такой высоты, и они долго любовались чудным зрелищем, но любопытство их было еще более возбуждено, когда они увидели легкие облака дыма, поднимавшиеся из кратера.

– Уже только ради того, чтобы посмотреть на эту гору, стоило сюда приехать, – сказал Франциск.

– Какая она громадная и вместе с тем какая правильная по своей форме. Я бы желал взобраться на ее вершину; воображаю, какой чудный вид оттуда! – сказал Маттео.

– Но взобраться туда вовсе не так легко, как вы думаете, – вмешался в разговор капитан. – Глядя на гору отсюда, вы себе представить не можете, как она высока и как трудно добраться до ее вершины.

– Я уверен, что ты не пройдешь и четверти пути, как захочешь скорее вернуться назад, – сказал Франциск. – Помнишь, как ты, бывало, ворчал, когда тебе приходилось взбираться по лестнице в мою комнату в прежнем доме, ну а Этна, пожалуй, будет раз в двести выше.

На следующий день они приближались к порту Джир-

дженти, где рассчитывали запастись грузом. Они смело вошли в гавань, узнав от рыбаков, что в ней нет генуэзских кораблей, и стали на якорь. Франциск, захватив с собой список торговых домов, с которыми обыкновенно вел дела Полани, тотчас же отправился на берег в сопровождении Маттео и Джузеппе. Здесь ему удалось скоро окончить свои дела; урожай в этом году был хороший и хлеба было в изобилии.

На другой день приступили к погрузке закупленного зерна, и дня через четыре корабль был наполнен доверху.

Франциск отправился в последний раз на берег, чтобы закончить расчеты, и в то время, как он производил уже последнюю выплату, в контору быстро вбежал Маттео.

– Четыре генуэзские галеры входят сейчас в залив, – объявил он.

Франциск тотчас же выбежал из конторы, желая лично убедиться в справедливости сообщения Маттео.

– Теперь нам не избежать встречи с ними, – сказал он. – Не будь наш корабль так нагружен, нам, может быть, удалось бы ускользнуть от них, а при теперешних условиях и думать нечего об этом.

– Что же мы будем делать, Франциск?

– Ты лучше оставайся здесь, Маттео. Я же отправлюсь на корабль и отошлю большую часть людей на берег. Если даже генуэзцы завладеют нашим кораблем, то не захватят, по крайней мере, в плен наших людей.

– Лучше, если бы ты тоже вернулся на берег, Франциск,

а корабль поручил капитану. Все равно ты ничем не поможешь, если останешься на корабле, а рисковать собой было бы неблагоприятно.

– Ну, увидим, что будет, – отвечал Франциск, – но ты-то, во всяком случае, останься здесь.

Вскочив в лодку, он приблизился к «Лидо», стоявшему на расстоянии около ста сажений от берега, и еще на ходу отдал команде приказание спустить шлюпки на воду.

– Капитан, – сказал Франциск, взойдя на палубу, – я не знаю, угрожает ли нам опасность быть захваченными генуэзцами или нет, но, во всяком случае, нам не следует рисковать жизнью людей, и поэтому отправьте команду, кроме трех или четырех человек, на берег. Если генуэзцы явятся сюда, то мы покажем им наши бумаги, из которых они увидят, что мы мирные торговцы, приехавшие за покупкой зерна.

– Надеюсь, однако, синьор Франциск, что вы ни в каком случае не останетесь на корабле? Наш патрон будет чрезвычайно огорчен, если вас захватят в плен. Поэтому я, как капитан корабля, настаиваю на том, чтобы вы удалились на берег, в противном же случае я отправлю вас силой.

– Прибегать к силе вам не придется, капитан, – сказал, улыбаясь, Франциск, – так как я добровольно исполню ваше желание.

Минут пять спустя команда, кроме четырех человек, оставленных капитаном, уже сидела в шлюпках, направляясь

к берегу, где их поджидал Маттео.

– Ну, ты прекрасно сделал, что вернулся, Франциск. Как же ты думаешь поступить дальше?

– Мы сейчас же со всей командой уйдем отсюда и направимся в глубь страны; там, по крайней мере, мы будем в большей безопасности.

Около пятидесяти человек команды прошли во главе с Франциском через город и направились в глубь острова.

Едва генуэзские галеры успели войти в гавань, как тотчас же их матросы спустили на воду шлюпку и направились к «Лидо», на мачте которого развевался венецианский флаг. Офицер, сопровождаемый шестью матросами, взошел на палубу.

– Вы капитан этого корабля? – обратился он к шедшему ему навстречу капитану «Лидо».

– Да, – отвечал капитан.

– Какой это корабль?

– Корабль называется «Лидо»; он принадлежит синьору Полани, венецианскому купцу, и нагружен хлебным зерном...

– Заявляю вам, что вы – наш пленник и корабль ваш – наша законная добыча.

– Но Венецианская республика находится в мирных отношениях с соседними республиками, – отвечал капитан. – Я протестую против подобного хищнического захвата моего корабля.

– Мы получили известие, что несколько наших кораблей захвачены венецианцами, – заявил офицер, – и потому мы берем в плен ваш корабль. Где ваша команда?

– У меня всего четверо из команды на корабле, – отвечал капитан. – Мы уже окончили погрузку нашего корабля и собирались завтра отплыть, поэтому остальная команда отпущена на берег, и, я думаю, они еще не скоро вернутся сюда.

По приказанию офицера один из его матросов спустил венецианский флаг и на место его водрузил генуэзский. Затем, оставив четырех человек своей команды на корабле «Лидо», офицер направился на берег за инструкциями к своему командиру и в скором времени возвратился уже в большой лодке, наполненной матросами.

– Вы можете с вашей командой отправляться на берег, – сказал он капитану, – но прошу поторопиться, иначе вам придется перебираться на берег вплавь.

Капитан окликнул проезжавшую рыбацью лодку и вместе с матросами направился в ней к берегу, очень довольный тем, что ему удалось избавиться от генуэзской тюрьмы.

Франциск в это время со своими людьми шел вдоль берега и наконец сделал привал в роще, откуда они могли наблюдать за тем, что происходило на галерах в порту. Матросы развели огонь, и в то время, когда они готовились приступить к еде, их нагнал капитан с четырьмя матросами.

– Я протестовал против захвата корабля, – сказал капитан, усаживаясь рядом с Франциском, – и, само собою разумеет-

ся, Полани, если пожелает, может жаловаться в Совет, но, я думаю, мало надежды на то, чтобы ему удалось когда-нибудь получить обратно «Лидо» или вернуть хотя бы стоимость его груза.

– Я не могу даже представить себе, как я вернусь домой и объявлю, что мы лишились нашего корабля, – сказал Франциск. – Это просто обидно.

– Это верно. Синьор Полани хотя человек справедливый, но он, понятное дело, не захочет принимать к себе на службу людей, с которыми часто приключаются несчастья, а со мною как раз случилось несчастье уже в последнее мое плавание на его судне.

– А как вы полагаете, капитан, есть ли надежда спасти наш корабль или нет?

– Ни малейшей; допустим, что мы пробрались бы на «Лидо», перебили бы находящихся на нем генуэзцев и затем вывели корабль незаметно из гавани, то и в таком случае нам все-таки не удалось бы ускользнуть от их преследования.

– Да, это верно, – согласился Франциск. – А все-таки я не могу примириться с мыслью о потере «Лидо».

Пообедав, Франциск предложил Маттео предпринять прогулку по скалам; по обыкновению, к ним присоединился и Джузеппе. Они шли до тех пор, пока не обогнули бухту. Перед ними тянулся крутой извилистый берег. В одной из бухт, у самого берега, поднимался ряд скал.

– Мне хотелось бы осмотреть эти скалы; попробемся к

ним, – предложил Франциск.

– Вот удивительный человек! – сказал Маттео. – Какое тебе дело до этих скал? Охота лезть бог знает куда.

– Мы наконец добрались до них, – сказал Франциск, не обращая внимания на воркотню своего друга, и внимательно стал осматриваться по сторонам.

Перед ними была небольшая бухта, перерезанная почти от одного берега до другого рядом довольно высоких скал.

– Как высоко выступают эти скалы из воды, Джузеппе, как ты думаешь?

– Это трудно сказать отсюда, синьор, глядя сверху; но я полагаю, что они будут на десять или двенадцать футов выше воды.

– А я думаю, что даже выше этого, Джузеппе, но мы можем убедиться в этом, если спустимся вниз.

Франциск смотрел вниз на воду; она была так чиста и прозрачна, что был виден каждый камешек на дне залива.

– Здесь, кажется, очень мелко, Джузеппе, как ты полагаешь? – сказал он.

– По-моему, здесь даже и фута глубины не будет.

– Да, это возможно, Джузеппе, но, может быть, это только так кажется, потому что вода очень прозрачна. Надо это исследовать. Теперь, главное, нам нужно найти дорогу, по которой мы могли бы спуститься к этим торчащим из воды скалам. Знаешь, Маттео, что мне пришло в голову? Уйти нам на «Лидо» от генуэзцев нет никакой возможности, но если

бы нам удалось вывести его из гавани, привести его сюда и скрыть за этими скалами, то генуэзцы могли бы проплыть мимо нас, и им даже в голову не пришло бы, что «Лидо» находится здесь. На некотором расстоянии отсюда со стороны моря эти скалы можно принять за продолжение береговых утесов, и никто не заподозрит, что здесь есть проход между берегом и этими выступающими из воды скалами.

– Но тут такое мелководье, что судно даже гораздо меньших размеров, чем «Лидо», едва ли пройдет между скалами и берегом.

– Если глядеть на воду с высоты, то легко ошибиться. Давай прежде чем спустимся вниз, нарежем длинных, крепких жердей, которыми измерим глубину воды в заливе.

Прошло четверть часа, прежде чем им удалось отыскать место, удобное для спуска с горы. Вскоре они, однако, набрали на такое место, где маленький ручей проточил глубокую ложбину в одной из скал; росшие в расщелине кустарники давали возможность цепляться за них руками, так что не прошло нескольких минут, как они уже стояли у самого берега.

– Какое счастье, – сказал Франциск, – что мы напали на эту удобную тропинку. В случае, если генуэзцы откроют местонахождение нашего корабля, мы можем броситься сюда и взобраться на вершины утесов, прежде чем они успеют добраться до берега. Ну а теперь главное – узнать, какая здесь глубина.

Джузеппе вошел в воду, но едва успел сделать несколько шагов, как вода уже стала доходить ему до пояса. Наконец, все трое разделись и пустились вплавь к скалам. Вода становилась все глубже и глубже, так что, проплыв тридцать или сорок ярдов, они уже не доставали жердями до дна. Потом они исследовали глубину в проходах между скалами и убедились, что и там было достаточно глубоко для прохода «Лидо».

– Я никак не рассчитывал, чтобы там было так глубоко, – сказал Франциск, когда они вернулись на берег.

– Но генуэзцы могут увидеть наши мачты над скалами; они ведь будут зорко все осматривать.

– Мачты придется снять, а если их нельзя будет снять, то придется даже срубить. Пора, однако, нам возвращаться назад, скоро стемнеет. Теперь весь вопрос в том, не отвели ли генуэзцы «Лидо» из гавани и не поставили ли его рядом со своими кораблями. Если они успели это сделать, то наш план окажется невыполнимым, но если они оставили его на том же месте, где он стоял, то мы могли бы попытаться незаметно вывести его ночью, тем более что луны теперь нет.

Поднимаясь по утесу, Франциск внезапно остановился.

– Мы ни за что не найдем опять этого места в темноте, – сказал он. – Ты, Джузеппе, останься здесь; собери побольше сухих сучьев и положи их вот на это место против выступа берега; мы зажжем фонарь, как только нам удастся вывести корабль, и тогда ты тотчас же подожги собранные сучья;

огонь твоего костра будет указывать нам, где находятся эти скалы. Ну, Маттео, надо взбираться на берег; нам нельзя терять ни одной минуты.

Молодые люди вскарабкались на верхушку утеса и потом быстрыми шагами дошли до леса.

– А мы уж стали подумывать, где это вы пропадаете? – сказал им капитан, когда они приблизились к нему.

– Мы совещались о том, как бы нам отбить «Лидо» у генуэзцев, – сказал Франциск.

Капитан недоверчиво улыбнулся.

– Не смейтесь, капитан! Мы подыскали такое место для корабля, что генуэзцы хоть целый месяц будут искать, а все-таки не найдут его.

И Франциск описал капитану расположение скал, где корабль будет совершенно скрыт из виду.

– Судя по тому, что вы говорите, это дело кажется возможным, – сказал капитан, – и я, конечно, со своей стороны, готов на все, чтобы только вырвать «Лидо» из рук генуэзцев. Я знаю наверно, что «Лидо» еще и теперь стоит на том же месте, где мы бросили якорь. Я полагаю, что они намереваются переправить его только завтра утром.

Капитан с Франциском обсудили все подробности предстоявшей им задачи, сделали нужные приготовления, и в половине одиннадцатого вечера, когда все жители города мирно спали, отряд снялся со своего бивака и не спеша направился к гавани.

Глава X

Корабль отбит у неприятеля

В то время как капитан, Франциск, Маттео и команда матросов проходили по городу, все жители спали, так что они дошли до гавани, не встретив по дороге ни одной души. Выбрав маленькую лодку, капитан и его спутники сели в нее, захватив с собой двух матросов. Нельзя было предположить, чтобы «Лидо», стоявший недалеко от генуэзских галер, строго охранялся и чтобы на нем было более двух-трех генуэзских матросов. Очертания корабля едва виднелись с берега. Когда все было готово, двое матросов сильным ударом весел оттолкнули лодку. Этого толчка было совершенно достаточно, чтобы лодка медленно поплыла вперед сама собой, пока наконец не приблизилась к кораблю. Все сняли с себя обувь и начали как можно тише взбираться на корабль. Поднявшись на палубу, они стали прислушиваться; очень скоро они услышали чьи-то голоса на другом конце корабля. Бесшумно прокрались они к тому месту, откуда слышался разговор, и увидели две фигуры, прислонившиеся к борту корабля. Один из матросов вместе с Франциском потихоньку подкрался к ближайшему из разговаривавших, а Маттео со вторым матросом приблизились к другому, между тем как капитан остался на месте с обнаженной саблей, чтобы сразить всякого, кто бы

ни появился на палубе. Генуэзцы, не оборачиваясь, продолжали разговаривать как ни в чем не бывало.

По знаку Франциска оба матроса обхватили их сзади своими железными руками; Франциск же с помощью Маттео в ту же минуту заткнул им рты, и не успели генуэзцы опомниться, как уже со связанными руками и ногами лежали на палубе. Тогда они, тихонько открыв дверь, вошли в каюту, схватили и связали двух спавших там офицеров; после этого взяли фонарь из каюты и, повернувшись к берегу, подняли его. По этому условному сигналу матросы, ждавшие там в лодках, тотчас же поспешили к кораблю. Когда на корабле собралась вся команда, начали привязывать к бокам его шлюпки на случай, если бы им пришлось спастись с корабля, и затем отрезали якорный канат. Один из матросов уже взобрался на ванты и полил маслом блоки, через которые проходили парусные канаты, чтобы заглушить шум при поднятии парусов. Хотя ветер дул такой слабый, что едва раздувал паруса, но, по счастью, он был попутный, и «Лидо» стал медленно скользить по воде. Долго все хранили молчание, пока наконец Франциск, обращаясь к капитану, шепотом сказал ему: «Несмотря на темноту, я все-таки могу различить генуэзские корабли».

– И я тоже, – отвечал капитан, – но они не могут видеть нас, так как на нас падает тень с берега.

«Лидо» подвигался вперед так медленно, что прошел почти час, прежде чем они обогнули выступ берега у залива и

могли взяться за весла.

– Всего лучше, если мы потащим корабль на буксире, – объявил капитан, – сильные взмахи весел могут быть слышны за несколько миль, в особенности в такую тихую ночь, как сегодня; двигаясь вперед в лодке, наши люди могут грести совсем бесшумно.

Тогда десять матросов сели в одну из больших лодок, им сбросили с корабля канат, и они поплыли впереди корабля, таща его за собой.

– Теперь можно спустить паруса, – сказал капитан. – Если мы до сих подвигались вперед, то, скорее, благодаря течению, нежели ветру.

Сидевшие в лодке матросы гребли изо всех сил, но буксировать тяжело нагруженное судно было очень трудно. Вдруг они увидели вспыхнувший на берегу огонь.

– Это костер Джузеппе, – сказал Франциск. – Мы двигаемся быстрее, чем нам казалось.

Людям в лодке было приказано грести прямо на огонь, и спустя некоторое время они увидели Джузеппе, подбрасывая о сучья в костер. Пламя пылало так высоко и светило так ярко, что капитану было нетрудно обогнуть выступ берега и провести корабль за скалы.

– Ну, капитан, – сказал Франциск, – нам предстоит еще много работы до утра, как же нам теперь снять мачты?

– Снять-то их нетрудно, но беда в том, что я не знаю, как мы потом их опять поставим.

– Как так? Мне казалось, что если нетрудно снять мачты, то нетрудно и поставить их опять на прежнее место.

– Да, оно так бы и было при обыкновенных условиях, – отвечал капитан, – но теперь у нас весь трюм наполнен зерном, и как только мы вынем мачты, то пространство, которое они занимали, тотчас же наполнится рассыпанным зерном, и поставить мачты опять в гнездо не удастся иначе, как освободив корабль от груза.

– Теперь я понял, капитан. Но как же помочь беде?

– Мы срубим мачты на шесть футов выше палубы, сеньор; тогда, если мы захотим опять натянуть паруса, придется поставить мачты рядом с обрубками и крепко привязать их к ним. Конечно, мачты будут на шесть футов короче, чем прежде, но это не беда.

– Тогда так и сделаем, – сказал Франциск, – и чем скорее, тем лучше.

В это время раздался сильный стук в люке в передней части корабля.

– Я совсем забыл о наших пленных, которых мы заперли внизу, – смеясь, сказал капитан.

– Что же лучше: оставить их там или вытащить сюда и связать их? – спросил Маттео.

– Лучше привести их сюда. Я думаю, их не более двадцати человек; безопаснее будет связать их и запереть в трюме.

Все матросы собрались вокруг люка, чтобы посмотреть, как будут выпускать пленных.

– Что вы тут дурачите нас? – вскричал сердито один из гонуэзцев, быстро поднимаясь на палубу. – Вы чуть нас не задушили внизу, закрыв наглухо люк. – Но он тотчас же умолк, увидев при свете фонаря толпу окружавших его вооруженных людей.

– Вы наши пленные, – объявил капитан. – Спротивляться бесполезно.

– Помогите, спасите, измена! – закричал изо всей мочи один из гонуэзцев.

– Напрасно вы зовете на помощь, – сказал капитан, – Теперь вы за несколько миль от ваших галер, и вас не услышат. Что ж, сдаетесь вы или будете сопротивляться?

Захваченным врасплох и безоружным гонуэзцам ничего не оставалось делать, как сдаться. Их связали и заперли в трюме. Затем срубили мачты и не без больших хлопот уложили их на палубе. Капитан распорядился поставить двух караульных на скалах, двух – на палубе, двух приставил к пленным, а остальным матросам приказал лечь спать. На другое утро все были в сборе на палубе и стали выжидать появления гонуэзских галер.

– Они скоро должны двинуться, – сказал капитан. – Теперь уже настолько светло, что их стража могла бы заметить исчезновение «Лидо», и они, конечно, сейчас же бросятся в погоню за нами.

– Я опасюсь только одного, – сказал Франциск, – что, потратив напрасно часа три-четыре на погоню за нами, они,

пожалуй, догадаются, что мы спрятались где-нибудь под утесами, вернутся сюда и будут обыскивать каждую бухту.

– Я опасаюсь, скорее, того, чтобы какой-нибудь крестьянин, случайно подойдя к краю утеса и увидев нас, не донес бы об этом в порт Джирдженти, – возразил капитан.

– Конечно, и это возможно, – сказал Франциск. – Лучше всего, капитан, отправить нам теперь же на берег человек пятнадцать матросов, чтобы сторожить берег. Джузеппе укажет им дорогу на утес, и пусть они там расположатся на некотором расстоянии друг от друга. Им придется лечь на землю, так как ряд часовых, стоящих наверху утеса, привлеч бы, конечно, внимание часовых на галере.

Спустя четверть часа капитан вместе с Маттео и Франциском съехали на берег и начали расставлять по местам часовых. В это время все почти в один голос вскрикнули, увидев быстро проплывшую мимо них в открытое море генуэзскую галеру.

– Генуэзцы выслали только одну галеру, – сказал Франциск. – По всей вероятности, они еще одну галеру отправили на запад, а другие пустились на поиски в море по разным направлениям. Какое счастье, что мы не пустились в открытое море; они, наверно, настигли бы нас. Что же, капитан нельзя ли нам отплыть сегодня же ночью?

– Разумеется, да, – отвечал капитан. – У нас будет все наготове, и, как только галера пройдет мимо нас, возвращаясь назад, мы двинемся.

– А что мы будем делать с нашими пленными, капитан?

– Остается только одно: взять их с собой, синьор Франциск. У меня нет, конечно, ни малейшего желания возиться с ними, но отправить их на берег до нашего отъезда невозможно, потому что они через час уже укажут место, где мы находимся, и наутро мы будем захвачены генуэзцами. Да, синьор Франциск, уж будет о чем порассказать, когда мы возвратимся домой! Мы можем похвастать тем, как нам удалось надуть целую генуэзскую флотилию и провести наш корабль мимо самого их носа!

– Теперь, ребята, – обратился капитан к команде, – готовьтесь! Как только галера скроется из виду, принимайтесь за мачты.

Вскоре мачты были поставлены рядом с их обрубками и прикреплены крепкими канатами.

– Я думаю, теперь они уж не найдут нас, – сказал капитан, – однако все-таки лучше обождать еще с четверть часа; матросы пока могут держать наготове лодки, чтобы буксировать корабль по проливу; потом можно поднять лодки на борт, а к тому времени уже стемнеет.

Матросы сели на весла, и «Лидо», несмотря на свой тяжелый груз, двинулась. Как только им удалось выбраться из своего убежища, подул легкий ветерок, и тотчас же были поставлены паруса. Матросы продолжали грести еще некоторое время, но ветер крепчал, и капитан приказал сложить весла. Матросам дали по двойной порции вина, потом был

послан для смены караул вниз, а Франциск с Маттео удалились на отдых.

К следующему утру ветер усилился, и «Лидо» поплыл с большей быстротой, так что вечером они уже миновали мыс Спартивенто. Ветер дул непрерывно до следующего утра, когда они были уже у берегов Тарентского залива. Потом опять наступило затишье, так что прошло две недели, пока они наконец увидели перед собою Венецию.

– Я очень беспокоился о вас, – сказал синьор Полани, когда Франциск явился к нему по возвращении из плавания. – Одна из наших галер привезла известие, что у берегов Сицилии крейсирует генуэзский флот, и я очень опасался, что генуэзцы, невзирая на то, что война еще не объявлена, могут все-таки захватить вас.

– Они и захватили нас, – сказал, улыбаясь, Франциск. – Они поймали нас в гавани Джирдженти, и на «Лидо» уже развевался генуэзский флаг.

– Каким же образом вы опять возвратились на «Лидо»? Трудно предположить, чтобы вам удалось уговорить генуэзцев выпустить из рук захваченную ими добычу?

– Конечно нет, – вмешался капитан. – Мы сделали лучше, синьор, мы перехватили «Лидо» и увели его из-под самого носа генуэзцев.

Тут капитан хотел приступить к подробному рассказу о случившемся, но синьор Полани пожелал, чтобы и дочери его присутствовали при этом. Все перешли в зал, и там, за

стаканом доброго кипрского вина, капитан рассказал, как им удалось перехитрить генуэзцев.

Следующее путешествие Франциску пришлось совершить в Яффу; оно обошлось без всяких приключений. По возвращении из этого путешествия он нашел Венецию в сильнейшем волнении: Генуя наконец объявила ей войну, и теперь поспешно снаряжался флот, который был бы в силах бороться с генуэзцами.

Выбор главнокомандующего флотом пал на Виктора Пизани, который был торжественно облечен этой властью в церкви Святого Марка самим дожем. Вручая адмиралу большое знамя Венеции, дож обратился к нему со следующей речью: «Вы предназначаетесь самим Богом защищать нашу Республику и отомстить врагам, дерзнувшим нанести ей оскорбление и лишившим ее того спокойствия, которым она пользовалась благодаря доблести ее предков. Вручаем вам это славное знамя, которое вы должны возратить нам незапятнанным и победоносным!»

Пизани пользовался большой любовью среди венецианцев. Он был близок с семейством Полани и часто посещал их дом. Полани неоднократно рассказывал ему о подвигах Франциска, о том, как он спас «Бонито» и как удачно вырвал из рук генуэзцев «Лидо», и Пизани так заинтересовался всем слышанным, что предложил Франциску сопутствовать ему на его галере. Сам Полани, однако, не советовал Франциску принимать это предложение.

– Если хотите последовать моему совету, то лучше не бросайте пока мирного занятия купца, тем более что вы, как англичанин, не обязаны служить нашему государству. Лет через пять-шесть, если мы снова будем воевать, тогда дело другое. Обыкновенно во время войны я предлагаю государству услуги моих галер, и в таком случае вы могли бы взять на себя командование одной из них; но если бы вы вступили теперь же на военную службу на несколько лет, то упустили бы случай основательно изучить торговое дело. В других странах избирающие для себя военную карьеру так и остаются всю жизнь военными. Но в Венеции – другое дело: здесь мы все мирные граждане и в то же время, в случае надобности, все и солдаты. Мы сражаемся за свободу государства, пока длится война, а потом опять возвращаемся к нашим мирным занятиям. Вот вам, например, Пизани – сегодня он адмирал флота, а через неделю опять простой гражданин. Поэтому, я думаю, было бы неблагоразумно с вашей стороны бросать теперь ваше занятие торговлей, чтобы перейти на военную службу.

– Я совершенно согласен с вашими доводами, синьор, – сказал Франциск, – хотя должен сознаться, что очень желал бы участвовать в славном морском сражении, которое, вероятно, скоро должно произойти.

– И быть убитым в первой же стычке, Франциск. Нет, другой, довольствуйтесь занятием торговлей, тем более что вы имели случай убедиться, что и это занятие сопряжено с при-

ключениями, которых вы так жаждете.

Франциск не мог не согласиться с Полани, хотя ему и казалось очень заманчивым участвовать в войне.

На этот раз пребывание Франциска на суше продолжалось более месяца. Однажды утром Полани позвал за Франциском. «Вам надо немедленно отправиться в гавань, – сказал он ему. – От Пизани получены известия, что он проплыл почти к самой Генуе, не встретив неприятельского флота. Он просит выслать ему несколько кораблей с оружием и съестными припасами. Корабли эти должны пройти через Мессинский пролив и держаться берегов Италии, пока не встретятся с ним. Я предложил Совету своего „Бонито“ и обещал, что он будет готов к отплытию завтра утром, если будут доставлены требуемые припасы сегодня же. Еще трое купцов предоставили свои корабли в распоряжение правительства, но эти корабли могут отплыть не ранее как через день или два. В Совете очень настаивали, чтобы „Бонито“ немедля отплыл, так как, кроме провианта, он должен везти запас разного оружия. У вас будет большая команда на корабле, так как необходимо двигаться быстро и, может быть, придется работать веслами до самой встречи с флотом Пизани; команду с „Лидо“ я переведу на „Бонито“, и тогда число людей увеличится до ста человек. Командиром „Бонито“ я назначаю капитана с „Лидо“, вы же, Франциск, будете помощником командира и моим представителем. Итак, поспешите сейчас же на корабль, чтобы к утру все было готово к отплытию. Вы

можете послать слугу к себе домой за вашими вещами. Маттео тоже отправится с вами в плавание».

Ни минуты не медля, Франциск направился на корабль. Всю ночь он был занят вплоть до самого момента отплытия. То и дело прибывали военные баржи с оружием, провиантом и иными запасами, и Франциск должен был принимать и записывать все, что доставлялось на корабль. Казалось сначала, что нет никакой возможности успеть приготовить все к отплытию в назначенный час, но все работали так дружно, что с рассветом все было в полном порядке и готово к отплытию.

Как только стало светать, явился в гавань и сам Полани, выразивший удовольствие по поводу исполненной работы, а спустя полчаса был уже поднят якорь. Все уже было готово к отплытию, когда наконец явился Маттео.

– Однако вы не очень-то спешили сюда, Маттео, – сказал Полани и стал его упрекать, что он не явился на корабль раньше, чтобы принять участие в спешной и трудной работе с нарядом в путь корабля.

Маттео был, конечно, очень смущен этим выговором, но к нему вернулось хорошее расположение духа, как только Полани покинул корабль. Он объяснил Франциску, что провел вечер очень приятно среди разговоров в кругу приятелей.

– О чем же вы так усердно разговаривали? – спросил Франциск.

– О музыке, о костюмах и, конечно, о последнем скандале

на Пьяцце.

– У каждого свой вкус, по-моему, это праздная болтовня. Ну, Маттео, теперь мне хочется немного отдохнуть, и я пойду и посплю часочек-другой.

Франциск удалился в свою каюту и едва успел лечь, как заснул так крепко, что проснулся только тогда, когда его разбудил Джузеппе, сказав, что уже полдень и обед готов.

«Бонито» шел вперед быстрым ходом. Ветер был умеренный, но большею частью попутный, а матросы усердно работали веслами непрерывно днем и ночью, сменяясь каждые два часа.

Обогнув южную часть Италии, они стали высматривать, не встретится ли им неприятельский флот, но ни одного корабля с генуэзским флагом не попадалось им на пути. Теперь они зорко сторожили галеры Пизани и к вечеру всегда становились на якорь из опасения ночью пройти мимо, не заметив их. Иногда они нагоняли по пути какую-нибудь рыбацкую лодку и старались раздобыть сведения о двух враждующих эскадрах, но ничего не могли разузнать, кроме того, что несколько дней назад виден был генуэзский флот, подвигавшийся по направлению к северу. О флоте же Пизани никто ничего не знал.

Глава XI

Сражение под Антием

– Теперь мы приближаемся к Антию и вступаем, так сказать, в генуэзские воды, – объявил капитан. – Если мы не встретим теперь Пизани, то очутимся в самом неприятном положении, так как легко можем попасться в руки одного из генуэзских крейсеров.

– Да, вы правы, капитан, – согласился Франциск, – но нам даны очень определенные приказания, чтобы мы плыли к северу, пока не встретимся с Пизани. Если же мы, доплыв почти до самой Генуи, не встретим его, то обязаны пуститься в обратный путь.

– Все это прекрасно, но генуэзцы не подпустят нас так близко к их берегу. Они нас увидят с гор и тотчас же пустятся в погоню. Я думаю, лучше всего стать нам сегодня ночью на якорь под прикрытием берега. Если я не ошибаюсь, завтра утром будет шторм. Мне не нравится вид облаков, так что лучше отложить решение о наших дальнейших действиях до завтра.

Наутро, как предсказал капитан, подул сильный ветер, поднялось волнение на море, и они решили плыть, держась близ защищенного от ветра берега. В это время показался какой-то флот, двигавшийся на далеком расстоянии от них.

– По местам! – скомандовал капитан.

– Может быть, это флот Пизани, – сказал Франциск.

– Конечно, возможно, – согласился капитан, – но все-таки нам не следует останавливаться и подвергать себя риску, прежде чем мы не удостоверимся, чей это флот.

Минут десять спустя на «Бонито» раздались радостные возгласы, так как оказалось, что видневшиеся вдали корабли были венецианские.

– Смотрите, – вскричал Франциск, – генуэзцы уже тоже заметили корабли Пизани и теперь спешат поставить паруса, чтобы идти навстречу ему или чтобы скрыться от него. Сколько, по-вашему, кораблей у Пизани, капитан?

– Кажется, только девять, – отвечал капитан, – как раз столько же, сколько и у генуэзцев.

– Тогда генуэзцы, конечно, решатся напасть на них, – сказал Маттео. – Но зачем они в таком случае направляются в море, вместо того чтобы ожидать приближения Пизани?

– Главнокомандующий, очевидно, не желает, чтобы его атаковали в то время, когда его суда стоят на якоре, – отвечал капитан. – Нет, он совершенно прав, выступая в море. Я полагаю, что генуэзцы рассчитывают на то, что мы не решимся напасть на них в такую бурю, но Пизани не посмотрю ни на что, будь хоть самый ужаснейший шторм.

– Чего бы я ни дал, чтобы в эту минуту быть на одной из наших военных галер, – сказал Маттео.

– Разве мы не могли бы пробраться к нашим галерам, ка-

питан? – спросил Франциск. – Конечно, не с целью принять участие в сражении, так как у нас всего сотня людей, а на галере их должно быть втрое больше. А все-таки мы были бы вблизи своих, и нам удалось бы видеть сражение, а может быть, даже подать помощь потерпевшим.

– Что же, я могу на это согласиться, – отвечал капитан, – если вы возьмете на себя ответственность за последствия, но помните, синьор Франциск, что если наши потерпите поражение, то «Бонито» легко может попасть в руки неприятеля.

– Мне кажется маловероятным, чтобы неприятель при равных силах одолел Пизани, – заметил Франциск. – Но даже в случае победы генуэзцев у них будет много других, более важных дел, чем гнаться за таким небольшим кораблем, как наш.

Как только враждующие эскадры приблизились друг к другу, каждый из кораблей, наметив себе противника, вступил с ним в бой. Это сражение велось совершенно иначе, чем обычные морские сражения тех времен, когда сражающиеся всегда старались сцепиться врукопашную с врагом и, одолев его, ворваться на борт его судна. При свирепствовавшей буре такой прием не мог удасться, так как корабли разбились бы вдребезги, если бы они рискнули ринуться друг на друга. Целые тучи метательных снарядов летели с одного корабля на другой; громадные машины выбрасывали тяжелые, большие камни, и треск метательных снарядов, врезававшихся глубоко в борта кораблей, смешивался с дикими

криками воюющих, с ревом волн и завыванием ветра.

Уже пало немало людей с обеих сторон, но победа все еще не клонилась в чью-либо сторону. Наконец мачта одной из венецианских галер, сбитая тяжелым камнем, пущенным генуэзцами, с треском повалилась набок. Галера сразу выбыла из строя сражающихся, а противник, держась вблизи, осыпал ее тучей метательных снарядов, в то время как волны, накренив галеру набок, смывали с палубы ее команду в бушующее море. Видя полную беспомощность галеры, противник оставил ее в покое и набросился на отличавшуюся от прочих судов своим флагом на вершине мачты галеру Пизани, которая в это время отбивалась от отчаянного натиска неприятеля. Тут с двух сторон посыпались снаряды на адмиральский корабль, и когда неприятельские галеры убедились в том, что команда Пизани уже значительно ослабела, они приготовились сделать на него окончательное нападение. Если бы им удалось захватить еще и самого Пизани, то победа была бы, несомненно, на стороне генуэзцев. Отчаянные крики ярости и негодования раздались с корабля «Бонито», когда команда увидела, что одна из венецианских галер была уже обессилена неприятелем, но негодование их дошло до крайнего предела при виде неравной борьбы между Пизани и генуэзцами.

– Мы должны немедленно плыть на помощь адмиралу. Если захватят его судно, то сражение проиграно! – воскликнул капитан. – Пусть лучше погибнет «Бонито», лишь бы только во что бы то ни стало спасти Пизани!

И он тотчас же отдал приказание рубить канаты и ставить паруса. Команде роздали оружие, и все приготовились принять участие в бою. Генуэзские галеры уже забросили крючья и зацепили с двух боков галеру Пизани. Генуэзцы с торжествующими криками бросились на ее палубу, но здесь их встретил сам адмирал с оружием в руках и оставшиеся в живых матросы.

В самый разгар битвы подоспел «Бонито». Увидев развевавшийся на ней венецианский флаг, часть генуэзцев оставила в покое галеру Пизани и набросилась на нового противника, на которого стали градом сыпаться неприятельские стрелы; одна из них смертельно ранила капитана; кроме него, было убито неприятельскими стрелами еще десять или двенадцать матросов.

– Держитесь! – скомандовал Франциск. – Бросайте ваши луки, беритесь за секиры и следуйте за мной!

Лишь только «Бонито» подошел близко к одной из генуэзских галер, Франциск вскочил на ее палубу. Рядом с ним был Маттео, а за ними Джузеппе и вся команда. Они бросились на стрелков, скоро одолели их и стали перебираться уже на палубу корабля Пизани; там они напали врасплох в тыл генуэзцев, которые в пылу сражения не заметили ни приближения «Бонито», ни появления его команды на корабле.

Пробиваясь через ряды неприятеля, Франциск наконец присоединился к команде Пизани, которая, видимо, уже начинала падать духом, но теперь, с прибытием неожиданного

подкрепления, с ожесточением опять ринулась на генуэзцев.

Генуэзцы сражались с отчаянной храбростью, поощряемые примером своего командира, но с прибытием свежих венецианских сил их уверенность в победе поколебалась, и постепенно они были оттеснены нападающими. Уже через короткое время победа оказалась на стороне венецианцев. Многие генуэзцы бросили свое оружие, а их адмирал, видя бесполезность дальнейшего сопротивления, сдался.

Едва только окончилось сражение, как Пизани, обернувшись к Франциску, который все время сражался рядом с ним, сказал:

– Благодарю вас от своего имени и от имени Республики. Откуда и как вы попали сюда – я не знаю. Само Небо послало вас, чтобы оказать нам помощь как раз в ту минуту, когда, казалось, все уже было потеряно. Кто вы такой? Лицо ваше как будто мне знакомо.

– Я Франциск Гаммонд. Я имел честь встречаться с вами в доме синьора Полани.

– Да, конечно, теперь я припоминаю, – сказал Пизани. – Но как же вы очутились здесь?

Франциск рассказал Пизани о данном ему поручении и представил адмиралу Маттео.

– Как же, я помню и вас, – сказал адмирал, протягивая ему руку. – Я с вами часто встречался в доме вашего отца. Однако, господа, надо приниматься за дело и разнять галеры, а то они разобьют друг друга вдребезги, а потом надо спешить

подать помощь нашим раненым товарищам.

И адмирал повернулся к тому месту, где происходило сражение. Но сражение было уже почти окончено. Увидев венецианские флаги, развевающиеся на мачтах адмиральского корабля и других галер, генуэзцы впали в уныние. Пять генуэзских кораблей тотчас же подняли паруса и поспешили удалиться, а другие два корабля, окруженные венецианскими галерами, стали спускать свои флаги. Сражение было жестокое, и на четырех захваченных галерах оставалось в живых не более восьмисот человек.

Всю ночь команда занималась оказанием помощи раненым, и только к утру, изнемогая от усталости, матросы улеглись спать. После полудня Пизани приказал капитанам всех галер собраться на его корабле и здесь, в присутствии всех собравшихся, он выразил Франциску благодарность от имени Республики за помощь, которую тот оказал им в самую критическую минуту.

Затем Пизани повел Франциска в свою каюту.

– Завтра утром я отправлю команду забрать с вашего корабля привезенные вами запасы, а вам я поручаю четыреста человек пленных, которых вы отвезете в Венецию. Остальных четыреста пленных я отправлю в Кандию.

На следующий день корабль перегрузили, перевели туда пленных, и «Бонито» пустился в обратное плавание в Венецию.

Как только синьор Полани узнал о приближении «Бони-

то», он тотчас же отправился в гавань встретить корабль, об участии которого сильно беспокоился, так как в Венеции более десяти дней не было никаких известий ни о нем, ни о Пизани.

– Что с вами случилось, Франциск? – обратился к нему Полани, когда лодка его причалила к кораблю. – Отчего это весь бок вашего корабля так исцарапан и потерт, точно вы терлись о скалу?

– Нет, синьор Полани, мы терлись не об скалу, а о генуэзскую галеру.

– Как так? – удивился Полани. – Впрочем, об этом поговорим после, а прежде всего скажите, какие у вас новости о нашем флоте?

Франциск вкратце передал ему о столкновении с генуэзским флотом и о смерти капитана «Бонито».

– Садитесь в мою гондолу и поедem сейчас же в город, – сказал Полани. – Я очень опечален смертью капитана и моих матросов; вы мне потом расскажете все подробно, а теперь нам надо спешить в Совет, чтобы передать донесения Пизани.

По дороге Франциск подробно рассказал Полани про ход сражения и участие, которое он принимал в этом сражении.

– Вы поступили прекрасно! – воскликнул Полани. – Итак, капитан и двадцать семь человек моих матросов убиты! Горячая же, должно быть, схватка была у вас! Ну а Маттео, что с ним, скажите? – вдруг спросил Полани. – Надеюсь, он не

убит?

– Он цел и невредим. Он храбро сражался; адмирал на другой день после сражения предложил ему место на своей галере, и Маттео, конечно, принял это предложение.

– А как поживают ваши дочери, синьор? Надеюсь, что они здоровы? – спросил Франциск.

– Три дня назад они отплыли на Корфу, где пробудут некоторое время, а на будущей неделе я сам собираюсь поехать к ним.

Они приближались теперь к Пьяцетте, и Полани всем своим знакомым, встречавшимся им на пути в гондолах, громко сообщал новость, что Пизани одержал блестящую победу и забрал в плен генуэзского адмирала с его четырьмя галерами. Встречные гондолы толпились около лодки Полани, и сидевшие в них расспрашивали о подробностях сражения. Новость эта с быстротой молнии передавалась от одного к другому, и когда гондола Полани причалила к ступеням Пьяцетты, то Полани и Франциск были окружены целой толпой народа, так что они с трудом могли пробраться к дверям герцогского дворца. Полани тотчас же провел Франциска к дожу; Франциск подробно рассказал ему о всех событиях. Немедленно велено было созвать всех членов Совета, чтобы в их присутствии прочитать донесение Пизани. Изложив в своем отчете ход сражения и результаты его, адмирал в заключение сообщал о помощи, оказанной Франциском Гаммондом.

Когда чтение отчета было окончено, дож первый обратился с речью к Франциску.

– Вы оказали неоценимую услугу Республике, господин Гаммонд. То, что сообщает адмирал, синьоры, – обратился дож к членам Совета, – является для меня совершенною новостью, так как сам господин Гаммонд, передавая мне о сражении, вовсе умолчал о том участии, которое он принимал в этом деле. Адмирал упоминает, что о всех подробностях мы можем узнать от вас, господин Гаммонд, и мы с благодарностью выслушаем теперь ваше сообщение, в котором вы, конечно, не скроете ни малейшей подробности.

Согласно этому приказанию Франциск приступил к подробному описанию всех событий и с большой похвалой отозвался о храбрых действиях своей команды, участвовавшей в сражении с генуэзцами. Когда он кончил, дож сказал:

– Благодарим вас за ваш подробный отчет, господин Гаммонд, и за ту великую услугу, которую вы оказали правительству. Я буду просить вас удалиться теперь, так как мы должны приступить к совещанию по поводу привезенных вами известий.

Прежде всего Совет занялся обсуждением вопроса о наградах, причем было решено выдать в награду каждому матросу на «Бонито» по пяти дукатов, вдов же убитых государство должно было взять под свое покровительство. Затем были решены еще другие вопросы. Когда же наконец дошла очередь до вопроса о вознаграждении Франциска, то члены

обратились к Полани, прося его выразить свое мнение о том, каким наиболее целесообразным образом вознаградить молодого человека за оказанные им услуги.

– Прежде всего, синьоры, я должен объяснить вам, что я смотрю на него как на своего приемного сына и как на будущего участника в моих торговых делах; ввиду этого, синьоры, я полагаю, что он в денежной награде не нуждается. Если же вы желаете знать мое мнение, то я считаю, что вы удостоите его наивысшей и наиболее желательной для него награды, если даруете ему права, присвоенные свободному гражданину Венеции, и включите его имя в списки граждан Республики, не требуя от него при этом отречения от его отчизны.

– Это действительно будет исключительная награда, – сказал дож, – но и заслуги синьора Гаммонда столь же велики и исключительны. Он спас Венецию от тяжелой гибели. Попрошу вас, синьор, удалиться на некоторое время из зала, и после непродолжительного совещания мы вам объявим наше решение по этому вопросу.

Глава XII

Во власти Мочениго

Прошло не менее часа, прежде чем Полани снова призвали в заседание Совета. Он сразу заметил по возбужденным и недовольным лицам некоторых членов Совета, что прения были бурные. Это его несколько не удивило, так как он был уверен, что друзья и приверженцы Руджиеро Мочениго сильно восстанут против его предложения. Дожд объявил следующее решение: «Совет благодарит вас, синьор Полани, за сделанное вами предложение, и большинством голосов решил удостоить синьора Франциска Гаммонда великой чести – дарования ему звания гражданина Венеции, не требуя от него присяги в верности Республике. Так как подобной чести до сих пор удостоивались только высокопоставленные лица, то это решение Венеции должно служить доказательством особенной признательности, которую Республика питает к человеку, оказавшему ей великую услугу. Решение Совета будет обнародовано завтра». Синьор Полани удалился, вполне довольный решением Совета.

Франциск, со своей стороны, был тоже чрезвычайно обрадован оказанной ему честью и едва мог поверить, что удостоился звания гражданина Республики.

Решение Совета, а также и донесение Пизани об одержан-

ной победе были обнародованы на другой же день, и восторгам народа, узнавшего о победе, не было пределов.

Вся Венеция пришла в волнение. Дома расцвелись флагами, и в церквах шел непрерывный торжественный звон. Толпа народа осаждала дворец синьора Полани и восторженно приветствовала Франциска, показавшегося по ее требованию на балконе.

Франциска, однако, смущали все эти чествования, и он уже на третий день сказал синьору Полани:

– Если вы имеете в виду, синьор, отправить в плавание какое-нибудь судно в скором времени, то я охотно уехал бы отсюда. Вот уже два дня, как я не имею ни минуты покоя. Право, меня заставят, кажется, пожалеть о том, что я оказал помощь адмиралу.

Полани улыбнулся.

– А я, – сказал он, – получил приглашение для вас на сегодняшней вечер у Пизани, уже не говоря о множестве других приглашений на всю будущую неделю.

– Если у вас нет корабля, на котором я мог бы уехать, то мне остается только одно: нанять рыбачью лодку, двоих матросов и с ними удалиться отсюда хоть недельки на две; к концу этого срока венецианцы, наверное, отвлекутся каким-либо новым событием.

– Если уж вы непременно хотите уехать, Франциск, то я могу снарядить вас в путь хоть завтра же утром. Я имел в виду послать отсюда небольшое судно с поручением к моему

агенту на Корфу, а кстати также отправить и письма моим дочерям. Они очень обрадуются вашему приезду; я же, со своей стороны, буду доволен тем, что вы будете находиться при них до моего приезда туда. Маленький корабль, который я намерен отправить, отличается быстрым ходом, и вы доедете туда в двое суток.

Франциск охотно принял предложение синьора Полани и на следующее же утро отплыл из Венеции. Когда корабль находился на полпути к Корфу, на море показалась мачта приближавшегося к ним корабля, и капитан признал в нем один из кораблей Полани. Когда суда поравнялись друг с другом, капитан встречного судна узнал Франциска и остановился.

– Откуда вы? – спросил Франциск.

– С Корфу, вчера выехал оттуда. Я видел там какое-то неизвестное судно без всякого флага, судя по его наружному виду, это мавританский корабль.

– Но мы в самых мирных отношениях с маврами, – заметил Франциск.

– Это совершенно верно, синьор, и я только передаю вам то, о чем говорят на Корфу, – отвечал капитан. – Нужно сказать, что этот корабль действительно менее внушает подозрение, так как он несколько раз пытался приблизиться к берегу. Странно, кроме того, еще и то, что два корабля, вышедшие уже некоторое время назад с Кипра, до сих пор во все не прибыли на Корфу, и говорят, что еще несколько кораблей, ожидавшиеся там же, сильно запоздали. Я не могу

утверждать, что эти сведения имеют какое-либо отношение к таинственной галере, но все жители Корфу видят в этом какую-то связь, и мне вручили письма губернатора острова к венецианскому Совету с просьбой немедленно выслать им два или три военных корабля.

– Тут действительно что-то неладно, – отвечал Франциск, – но все-таки я не допускаю, чтобы мавританские пираты решились появиться в венецианских владениях.

– Возможно, однако, синьор, что, узнав о войне между Венецией и Генуей и предположив, что венецианские правительственные галеры все взяты в состав военных флотилий, пираты вздумали воспользоваться этим удобным для них случаем, чтобы попытаться ограбить какое-нибудь торговое судно.

– Но они должны же помнить, что рано или поздно Венеция рассчитается с ними, – возразил Франциск, – и потребует громадное вознаграждение в возмещение тех убытков, которые могут понести ее торговые суда. Однако, капитан, не буду вас задерживать. Передайте синьору Полани о вашей встрече с нами.

На другое утро Франциск был разбужен громко раздававшейся на палубе командой капитана. Еще полусонный и не понимая причины поднятой капитаном тревоги, Франциск поспешил из своей каюты на палубу. Утро только что еще занялось, и небо на восточном горизонте разгоралось.

– Смотрите вот туда, синьор, – сказал капитан, указывая

на юг. – Что бы это могло значить?

На расстоянии двух миль от них стояли на близком расстоянии друг от друга два корабля. Один из этих кораблей был, несомненно, торговым судном, а другой оказался длинной галерой, не похожей по своему виду ни на венецианские, ни на генуэзские суда.

– Наверное, это и есть то судно, о котором говорил капитан. Не может быть ни малейшего сомнения в том, что оно пришло сюда с африканских берегов, но египетский ли это корабль или мавританский – трудно определить.

– Мне кажется, что оно взяло в плен тот корабль, который идет рядом с ним. Вероятно, оно совершило на него нападение вчера поздно вечером и всю ночь занималось грабежом. Можно надеяться, что галера теперь еще так увлечена своим делом, что не обратит на нас внимания.

– Мне сдается, что корабль как будто очень низко сидит в воде, – заметил капитан.

– Да, очень низко и даже как будто ниже, чем несколько минут тому назад.

– Это верно. Корабль, сидел гораздо выше в воде, чем рядом стоящая галера, а теперь оказывается, что уже галера стоит гораздо выше, – заметил один из матросов.

– Смотрите, смотрите, – вскричал капитан, – на галере взяли за весла, и она поворачивает в нашу сторону. Вероятно, завидев нас, они хотят пуститься за нами вдогонку! Приналягте на весла, ребята! Если они нас захватят, то быть

нам или убитыми, или рабами.

Внезапное восклицание одного из матросов заставило капитана быстро взглянуть опять на галеру: она стояла на прежнем месте, но торговый корабль исчез – его затопили пираты.

– Возьмитесь за руль, синьор, – сказал капитан. – Вся команда должна сесть на весла!

Благодаря усилиям двадцати гребцов корабль быстро стал подвигаться вперед, удаляясь от галеры. Прошло около четверти часа, в течение которого никто не проронил ни слова – все работали изо всех сил.

Франциск время от времени оглядывался назад и замечал, что расстояние между ними и галерой постепенно все более и более сокращалось.

– Она, кажется, догоняет нас, – заметил он.

– Да, догоняет, – отвечал капитан, – хотя и не особенно быстро. Гребите, ребята, не падайте духом! Возможно, что они, увидев, как быстро мы подвигаемся вперед, откажутся от погони и махнут на нас рукой.

– Джакопо, – обратился Франциск к старику моряку, который уже, видимо, начал выбиваться из сил, – брось весла и иди сюда к рулю, я заменю тебя.

Прошло около часа, и галера уже была от них на расстоянии всего четверти мили.

– Ничего не поделаешь, надо остановиться, – объявил наконец капитан. – Ясно, что нам не уйти от них, и чем дальше

будет продолжаться эта погоня, тем больше только они рас-
свирепеют. Как полагаете вы, синьор Франциск?

– Я вполне согласен с вами, капитан, – отвечал Фран-
циск. – Мы сделали все, что только от нас зависело.

Матросы перестали грести, весла неподвижно опустились
в воду, и несколько минут спустя длинная галера настигла
их.

– Задали же вы нам работу, негодяи! – сердито вскричал
кто-то с галеры, когда она поравнялась с бортом их кораб-
ля. – Если у вас ничего не найдется хорошего, чтобы вознагра-
дить нас за эту погоню, то тем хуже для вас! Кто вы такие
и что это за корабль?

– Корабль «Наксос» принадлежит синьору Полани из Ве-
неции; мы держим путь на Корфу и везем с собою письма от
нашего патрона к его агенту. С нами нет никакого груза.

– Ваши письма, может быть, стоят дороже всякого груза.
Ступайте к нам на палубу, и мы посмотрим, какие новости
достопочтенный синьор Полани сообщает своему агенту. Ну
двигайтесь живее, не то вам плохо будет...

Соппротивление было бесполезно; капитан, Франциск и
вся команда перешли на галеру.

– Осмотреть хорошенько их судно, – приказал капитан га-
леры одному из своих матросов. – Заберите там, что найдет-
ся получше, а потом пробейте дыру в дне, да и дело с кон-
цом!

Вступив на палубу галеры, Франциск окинул взглядом ко-

манду. Она состояла не из генуэзцев, как он ожидал, а из шайки людей, набранных в различных портах Средиземного моря, что было заметно по их одежде. Тут были греки, обитатели Смирны, испанцы, но преобладали мавры; их было чуть не более половины всей команды. Затем Франциск перевел глаза на капитана, занятого перелистыванием бумаг, врученных ему капитаном «Наксоса», и невольно вздрогнул от ужаса: перед ним стоял Руджиеро Мочениго. Франциск понял, что ему угрожает смертельная опасность!

Пробежав бумаги, адресованные синьором Полани своему агенту, Руджиеро вскрыл письмо к Марии, но, едва пробежав несколько строк, бросил быстрый взгляд на Франциска и затем приблизился к нему.

– Так вот как, синьор Гаммонд, – со злорадством произнес он. – Почтенный Полани посылает вас на Корфу в качестве охранителя своих дочерей? Вот уж никак не ожидал, когда сегодня утром пустился вдогонку за вашим несчастным суденышком, что нападку на такую добычу, которая для меня дороже самого ценного груза! По вашей милости я теперь изгнанник, вместо того чтобы быть всеми уважаемым зятем богача Полани! Вашим проклятым вмешательством вы навлекли на меня все беды, но, благодарение Небу, час моей мести настал! Ведите всех пленных вниз, – приказал он своим людям, – а этого молодца вы закуете в самые тяжелые оковы, какие только у нас найдутся, и прикрепите их железными скобками к полу. – Не полагаете ли вы, – обратится он на-

смешливо к Франциску, — что я вас велю повесить или бросить в море? Нет, не льстите себя надеждой, что вас ожидает такая легкая смерть: вы должны искупить свею вину предомною в тысячу раз худшими мучениями, прежде чем наступит ваш конец!

Франциск ни разу не прервал Руджиеро; он все время стоял как вкопанный со спокойным и почти презрительным выражением лица; все нервы и мускулы его были крайне напряжены, и он выжидал только удобной минуты, чтобы броситься на своего врага.

Подоспевшие матросы схватили Франциска и его товарищей и спустили их в трюм, который уже и без того был переполнен забранными ими раньше пленными.

Франциску надели тяжелые цепи и укрепили их так близко к полу, что он не мог встать на ноги и принужден был лежать или сидеть.

Капитан «Наксоса» подошел к Франциску, чтобы узнать у него, кто был капитан захватившей их галеры и что за причина такой ужасной ненависти, которую этот человек, очевидно, питает к молодому человеку.

Франциск рассказал ему подробно обо всем, прося запомнить имя Руджиеро и передать его всем подчиненным на тот случай, если кому-либо из них удастся спастись из рук врага и добраться до Венеции, то, чтобы они сообщили там, что Мочениго сделался предводителем пиратов и союзником мавров.

Их разговор был прерван шумом на палубе, где о чем-то жаростно спорили; потом послышалось бряцание оружия, затем грузное падение тела и, наконец, опять все затихло.

– Трудно предположить, чтобы к нам мог подоспеть на вырубку один из наших кораблей, – сказал капитан, – так как я не видел ни одного паруса, когда мы были на нашем корабле; я нарочно оглядывался кругом, когда мы покидали корабль. Любопытно было бы узнать, что там такое произошло?

Дни шли за днями. Временами до слуха пленных доносился шум от движения весел, но большею частью судно шло под парусами. Матросы приносили им пищу и воду утром и вечером. Франциск часто заводил разговоры с другими пленными о возможности нападения на команду галеры и попытке ее захватить, но у них было отобрано оружие, а на галере, по-видимому, находилось не менее ста пятидесяти человек команды. Большинство пленных притом были до такой степени удручены своей тяжелой судьбой и неизвестностью относительно ожидающей их участи, что совершенно пали духом и потеряли всякую энергию; оставалось, следовательно, одно – терпеливо выждать конца путешествия.

Однажды утром они услышали, что на палубе началась какая-то суета, очевидно, спускали якоря. Потом открыли люк и вывели пленных на палубу. Два пирата, явившиеся с молотками в руках, освободили Франциска из его мучительного положения. Выйдя на палубу, Франциск был сначала так ослеплен светом после долгого заточения в полутемном трю-

ме, что только спустя некоторое время мог разглядеть, что корабль бросил якорь в заливе; на берегу виднелись дома, по виду которых он догадался, что они находятся у берегов Африки или у одного из островов близ Африканского материка. Пленных велено было спустить в шлюпки под надзором матросов. Сначала Руджиеро не было видно на палубе, но в то время, когда наступила очередь Франциска садиться в лодку, он вышел из своей каюты. Одна его рука была на перевязи, а голова была забинтована.

– Следите зорко за этим пленным, – приказал он своим матросам. – Ни под каким видом не снимайте с него оков и приставьте к нему надежную стражу. Скорее я готов лишиться всей захваченной нами добычи, чем допустить, чтобы он вырвался из моих рук!

Когда лодка причалила и пленные высадились на берег, с них сняли оковы и отвели в какие-то хижины, стоявшие в стороне от деревни.

Франциска заперли в тесном помещении вместе с пятью товарищами. Наутро этих последних вывели, а молодой человек оставался один в течение целого дня. Вечером товарищи вернулись и сказали ему, что всех пленных заставили перетаскивать добычу, которой был переполнен корабль, в большой деревянный амбар.

– У них немалая нажива, – сказал один из пленных, оказавшийся капитаном затопленного пиратами корабля. – Я полагаю, что они выбрали себе лучшие партии грузов с доб-

рой дюжины кораблей. Я узнал сегодня, – продолжал он, – о причине ссоры, происшедшей на днях на палубе галеры. Оказывается, что Руджиеро Мочениго настаивал на том, чтобы причалить к острову Корфу, прежде нежели приплыть сюда; он намеревался увезти с Корфу каких-то двух женщин, но команда, опасаясь преследования и нападения венецианской галеры, настаивала на том, чтобы сначала довести на место груз и спрятать его. Руджиеро вышел из себя и уже обнажил меч, но в конце концов принужден был подчиниться требованию большинства команды. Руджиеро был ранен во время стычки и с тех пор лежал в своей каюте. Но он только на время отложил свой замысел и предполагает тотчас же, как они продадут свою добычу и своих пленных, то есть всех нас, отправиться на Корфу и привести в исполнение свой злой умысел. Я узнал также, что мы теперь находимся на острове близ Туниса.

Прошло два дня, и пленных опять вывели из места их заточения; они узнали от стражи, что прибыли купцы, которых ожидали для покупки награбленных товаров. Джузеппе, проявлявший все время необычайную стойкость, пока находился вместе с Франциском, вдруг точно обезумел от отчаяния, когда узнал, что ему придется расстаться с ним. Он кинулся на землю, плакал и рвал на себе волосы; он умолял стражу не разлучать его с его господином, уверяя, что готов разделить участь Франциска, как бы она ни была тяжка; он грозил, что непременно покончит с собою, если его разлучат

с Франциском. Страже пришлось бы увести его силой, если бы Франциск не уговорил его покориться своей участи, обещая, что если только ему самому удастся вырваться из рук врагов, то он не успокоится до тех пор, пока не разыщет и не освободит и его.

На конец пленных увели, и Франциск, оставшись один, начал размышлять о том, как ему освободиться от своих оков. Он придумывал всевозможные средства для побега. Прежде всего он пробовал расшатать железные прутья у окна, но убедился, что выломать их не было никакой возможности, так как они были очень крепко вделаны в каменную стену, но, впрочем, если бы даже ему удалось выбраться из окна, то тяжесть его цепей все равно лишила бы его возможности бежать. Он был скован двумя длинными цепями; одна цепь была прикреплена к правой руке и затем проведена к левой ноге; другая – к левой руке и правой ноге. Он не мог даже стоять выпрямившись, и все движения его были донельзя стеснены. Известия, переданные ему пленным капитаном, приводили его в отчаяние; он теперь не столько думал уже о своей собственной участи, сколько об участи молодых девушек, которые, наверное, не подозревали об угрожавшей им опасности.

С первого же дня заточения Франциск пытался высвободить руку из железного наручника, но скоро убедился, что это было невозможно; кольцо обхватывало руку так плотно, что даже врезалось в тело. Оставалось только одно сред-

ство – распилить цепь, а для этого нужен был какой-нибудь инструмент.

Вдруг его осенила мысль: сторож, приносивший ему пищу, был родом сицилиец, любивший поболтать. У его пояса, кроме большого ножа, всегда находился небольшой кинжал, и Франциску пришло на ум завладеть этим оружием.

Когда сторож, по обыкновению, вошел к нему и запер за собою дверь, Франциск, ожидавший его прихода, подполз близко к окну и сделал вид, что высматривает что-то, происходящее снаружи.

– Кто эта девица? – спросил он у сторожа. – Какая красавица! Ты ее не знаешь? Вот там, смотри скорее, а то она скроется за деревьями!..

Сторож бросился к окну и просунул лицо между железными прутьями; в этот момент Франциск без всякого труда выхватил у сторожа кинжал и опустил его в карман своих шаровар.

– Ну что, прозевал? – спокойно сказал он. – Она частенько тут проходит.

– Никого тут не увидишь, в этом проклятом месте, – возразил сторож.

Когда затем сторож удалился, Франциск мог на свободе рассмотреть свою добычу. Кинжал был стальной и очень хорошо наточен. Довольный своей добычей, Франциск поспешил его спрятать в землю, служившую полом его помещения. Не прошло и часа, как внезапно открылась дверь и по-

явился сторож. Было уже темно, и Франциск сидел спокойно в своем углу.

– Неси огонь, Томасо, – крикнул сторож своему товарищу. – Здесь так темно, что ничего не увидишь.

Явился другой сторож с факелом в руках, и оба принялись обшаривать все кругом.

– Что вы ищете? – спросил Франциск.

– Я где-то обронил свой кинжал, – отвечал сторож. – Понять не могу, как он мог выпасть из ножен.

– А когда же ты его видел в последний раз?

– В самый обед. Я подумал, что не уронил ли его здесь; кинжал не такая игрушка, чтобы его оставлять в руках у пленника.

– Я так крепко скован, – возразил Франциск, – что кинжал в моих руках не может быть опасным оружием.

– Так-то так, – отвечал сторож, – разве одно только, что могли бы заколоться кинжалом.

– Пожалуй, мне не ухитрится сделать и это.

– И то правда. Скажу одно, что хоть не наше дело осуждать приказания нашего капитана, а все-таки невольно пожалеешь о таком молодце, как вы, когда видишь, как вас тут держат на цепи, точно лютого зверя! Если бы ему удалось сцапать самого Пизани – дело другое! Но жаль смотреть на вас. А хуже всего еще то, что нам придется тут стеречь вас до возвращения капитана, а он уезжает недели на три или на месяц – кто его знает!

– Что ты все болтаешь, Филиппо, – проворчал его товарищ. – Держи язык за зубами. Идем же! Что ты всю ночь будешь здесь торчать, что ли? Нет твоего кинжала, да и все тут.

Как только они ушли, Франциск тотчас вырыл свой кинжал, будучи уверен, что его больше не потревожат в этот вечер. Он при первой же попытке убедился в том, что его железные наручники довольно легко поддавались острому кинжалу. Поминутно он тщательно осматривал клинок, боясь, чтобы лезвие не испортилось, но он был хорошо закален, так что Франциск стал действовать с большей уверенностью, подстрекаемый надеждой, что при терпеливой работе ему удастся наконец распилить железо наручников и высвободить свои руки.

Через некоторое время он принялся за ножные кандалы; но они были гораздо толще и железо на них было тверже, чем на наручниках. Становилось, однако, так темно, что поневоле пришлось бросить работу, и Франциск, тщательно спрятав кинжал, с облегченным сердцем лег спать.

Глава XIII

Нападение пиратов

На следующий день, едва начало светать, как Франциск снова принялся за свою работу. Его предположения вполне оправдались: достаточно было трех-четырех часов работы, чтобы освободиться от наручников, но оковы, охватывавшие его ноги, не поддавались никаким усилиям, и тогда он прекратил дальнейшие попытки из опасения иступить клинок. Более часа придумывал он различные средства помочь беде, и наконец ему пришла в голову мысль, что если тереть железо о камень, то оно будет стачиваться. Он тотчас же принялся осматривать стены своего подвала, и оказалось, что они были сложены из больших каменных глыб.

Тогда Франциск, смочив часть стены водой из своей кружки, приподнял одно звено своей цепи и начал тереть его об угол торчавшего из стены камня. Спустя некоторое время он с радостью заметил на железе блестящую полосу и убедился, что камнем, во всяком случае, можно было распилить железо.

Тщетно, однако, старался он согнуть ногу так, чтобы можно было тереть железные кандалы об стену; необходимо было во что бы то ни стало добыть осколок камня; долгое время он взрывал своим кинжалом землю, но все его усилия были

бесплодны.

Проработав до полудня, он дал себе отдых, предварительно сровняв землю, чтобы уничтожить следы своих напрасных поисков.

После завтрака он снова усердно принялся за поиски и наконец у самой двери нашел то, чего искал. Там оказались куски камня. Он набрал несколько таких обломков, выбирая из них такие, у которых поверхность была более плоская, смочил один из них водой и приступил к работе. Весь день работал он почти без перерыва, обернув камень тряпкой, чтобы заглушить шум от трения. Пальцы его наконец онемели от работы, а дело все-таки подвигалось вперед очень медленно. Когда сторож принес ему обед, он спросил у него, скоро ли отплывет галера.

– Она должна была уйти сегодня, – отвечал сторож, – но наш капитан все еще не может поправиться от лихорадки.

Франциск не решался продолжать работу среди ночной тишины из опасения, чтобы не услышали шум от трения, но проработал еще несколько часов кинжалом над наручниками. На другое утро он снова принялся за заклепки на ножных кандалах. К ночи они уже были стерты так тонко, что небольшого усилия достаточно было, чтобы переломить их надвое. Прежде чем он лег спать, наручники его были тоже почти перепилены.

Он узнал от стражи на следующее утро, что капитану стало лучше и что он уже отдал приказание готовиться к отплы-

тию на рассвете следующего дня.

Около полудня к Франциску явились двое сторожей и повели его к дому, где остановился Руджиеро Мочениго. Когда Франциск вошел в комнату, Руджиеро, лежавший на диване, обратился к нему со словами:

– Я послал за вами, чтобы вы не подумали, что я забыл о вас. Я принужден был отсрочить свою месть, но черед для нее еще настанет. Я теперь отправляюсь за дочерьми Полани. До меня дошел слух о том, что вы, отстранив меня, втерлись в их дом и стали там самым близким человеком, что сам Полани относится к вам как к члену их семьи и что дочери его очень благоволят к вам. Теперь я решил привезти сюда дочерей Полани, и когда Мария сделается моей женой, тогда я покажу ей, как я обхожусь с теми, кто становится мне поперек дороги. Это послужит хорошим уроком не только для вас, но и для нее. Скажу вам, что вы тысячу раз будете молить о своей смерти, прежде нежели я ее дарую вам.

– Я всегда считал вас за отъявленного негодяя, Руджиеро Мочениго, – спокойно отвечал Франциск, – но все-таки никак не мог допустить, что человек, в котором течет благородная кровь венецианского гражданина, унизится до того, чтобы сделаться тираном и разбойником. Вы властны, конечно, увезти Марию Полани, но никогда вам не удастся женитьбой на ней воспользоваться хотя бы частицей ее отцовского наследства; я знаю, что она скорее вонзит себе нож в сердце, чем отдастся во власть такому презренному человеку, как

вы!

Ружиеро схватился было за лежавший около него кинжал, но бросил его опять на прежнее место.

– Дуралей, – презрительно сказал он, – неужели ты не сообразил, что я увезу обеих сестер и что Мария укротит свой гордый нрав, когда узнает, что, лишив себя жизни, она только заставит меня сделать своей женой ее сестру!

В устах Франциска прозвучал торжествующий смех негодя, и он, забыв о своих оковах, хотел уже броситься на Руджиеро, чтобы задушить его, но, обессиленный тяжестью своих цепей, упал на пол.

– Стража! – вскрикнул Руджиеро. – Убрать этого мерзавца! Зорко наблюдайте за ним; помните, что вы отвечаете за него своей жизнью.

Руджиеро нетерпеливо махнул рукой, и Франциска увели в прежнее место заточения.

– Только одно и удерживает меня здесь, что я не получил еще до сих пор своей доли захваченной добычи, – проворчал Филиппо дорогой, – а то, кажись, дня не стал бы я служить этому человеку. Когда вернется галера и мы все получим наши доли да ту сумму, которую он обещает, если удастся его замысел, то только он меня и видел! Довольно с меня! Уже и без того обидно, что приходится якшаться с этими проклятыми маврами.

Лишь только Франциск остался один, он тотчас же приступил к осмотру своих кандалов. Достаточно было бы

небольшого усилия, чтобы они тотчас же разомкнулись. Франциск, однако, решил подождать до вечера, прежде чем окончательно освободится от оков, так как сторожа легко могли бы заметить, что он снял свои оковы; во всяком случае, он не решился бы выйти из места своего заточения до наступления ночи.

Филиппо на этот раз принес ему обед позже обыкновенного.

– Все ли готово к отплытию корабля? – спросил Франциск, когда Филиппо вошел к нему.

– Да! Команда уже вся в сборе, капитана подвезут к кораблю часам к девяти вечера. Подул попутный ветер, и они скоро уже пустятся в путь.

Франциск обождал наступления сумерек; тогда он просунул конец кинжала под тонкое проточенное место наручника, и достаточно было сильного и ловкого нажатия, чтобы левый наручник раскрылся: рука его была свободна! Еще несколько минут работы, и ножные кандалы тоже лежали на земле. Он поднял цепи, и они громко загремели. В одну минуту сторож уже был у двери.

– Что вы тут затеваете? – спросил Филиппо, быстро входя в комнату.

Франциск уже стоял у самой двери, и, едва сторож успел войти, он сразу бросился на него, сбил его с ног, уперся коленями в его грудь и поднес острие кинжала к самому его горлу.

– Только пикни, – прошептал Франциск, – и я всажу тебе кинжал прямо в горло.

Филиппо чувствовал прикосновение кинжала к своему горлу и лежал не шелохнувшись.

– Я не хочу лишать тебя жизни, Филиппо, – продолжал Франциск. – Ты был добр ко мне, и я желал бы тебя пощадить; подыми руки над своей головой и соедини их так, чтобы я мог их связать, тогда я позволю тебе встать на ноги.

Филиппо молча исполнил требование Франциска и позволил ему крепко связать его руки заранее приготовленной веревкой из скрученного полотна. Только после этого Франциск позволил ему встать на ноги.

– Ну, теперь, Филиппо, я должен тебе заткнуть рот, – объявил Франциск, – затем я привяжу твои руки к высокой балке, чтобы ты не мог развязать их зубами, и в таком положении я оставляю тебя здесь до утренней смены.

– Лучше уж покончите со мной разом, синьор, – взмолился Филиппо. – Мой товарищ рассвирепеет, когда узнает, что вы бежали отсюда, ведь ему тоже уж не уйти от гнева нашего капитана. Тут еще останутся несколько человек из команды, и они меня будут держать под стражей до возвращения капитана, а он уж не пощадит нас. Нет, лучше уж убейте меня сразу!

– Но как же мне быть, Филиппо? Должен же я прежде всего подумать о своем собственном спасении. Придумай, как мне поступить с тобой, и я постараюсь исполнить твое же-

вание.

– Я готов поклясться, синьор, что не выдам вас. Дайте мне только уйти отсюда, я отправлюсь прямо на берег и успею отплыть далеко, прежде чем кто-либо узнает о вашем побеге.

– Ну, слушай, Филиппо, так и быть, я доверяюсь твоей честности; клянись мне тем, что для тебя дороже всего на свете, что ты не выдашь меня.

– Вы можете проследить за мною, синьор; не развязывайте моих рук до тех пор, пока мы не дойдем до берега, и вонзите в меня ваш кинжал, если я попытаюсь поднять тревогу.

– Нет, Филиппо, уж доверять, так доверять вполне! Поклянись же, что ты не изменишь мне!

Филиппо поклялся страшной клятвой, что честно исполнит все как обещал, и тогда Франциск тотчас же освободил его.

– Итак, Филиппо, – сказал он, – придется тебе лишиться обещанной доли добычи – ведь ты принужден будешь немедленно удалиться отсюда; советую тебе, когда ты доберешься до Туниса, тотчас сесть на первый отплывающий корабль. Если же ты когда-нибудь будешь в Венеции, то разыщи меня, и я обещаю вознаградить тебя за все, что ты потерял по моей вине. Но прежде чем мы расстанемся, надо мне поменяться с тобой платьем. В Тунисе тебе дадут за мое платье хорошую цену; придется тебе также поделиться со мною и деньгами, ведь не могу же я уйти отсюда без гроша в кармане.

– Благодарю вас, синьор, – отвечал Филиппо. – Я не знаю,

что у вас на уме, но советую вам, уходите отсюда до рассвета! Тут подымут на ноги весь остров и вас скоро разыщут.

– Благодарю тебя за совет, Филиппо, будь уверен, что на рассвете меня здесь уже не будет, но у меня есть неотложное дело, и я не могу идти с тобою.

– Да сохранят вас святые угодники и окажут вам помощь!

Обменявшись одеждой и разделив поровну шесть дука-тов, оказавшихся у Филиппо, они оба вышли из места заточения, и Филиппо запер дверь снаружи.

– Как ты полагаешь, Филиппо, – спросил Франциск, – должны ли мы опасаться скорого возвращения твоего товарища? Если он придет сюда и не застанет тебя, прежде чем отчалит корабль, то за нами пустится в погоню вся команда.

– Едва ли он скоро придет сюда, синьор, но осторожность никогда не мешает, и поэтому я останусь здесь у входа до смены. Он должен прийти сюда к двенадцати часам ночи и в темноте не заметит моей одежды; до шести часов утра он будет тут спокойно караулить, а к тому времени, когда я должен буду его сменить, я успею уже удрать с острова.

Франциск простился с Филиппо и дошел беспрепятственно до берега; там он увидел маленькую рыбацью лодку.

– Эй вы, ребята! – крикнул он рыбакам. – Подвезите меня к тому кораблю; он скоро отплывает, и мне давно следовало быть на месте, но я, признаться, выпил немножко и проспал. Беретесь ли вы незаметно доставить меня туда, чтобы я мог потихоньку прокрасться на борт? За ваши труды я вам обе-

щаю целый дукат.

– Это мы смастерим, – отвечал один из рыбаков. – Мы только что оттуда, мы там продали весь наш сегодняшний улов. Там идет страшная суматоха: они скупают рыбу у рыбаков. Прыгайте в лодку, мы вас живо доставим туда!

У корабля действительно была такая суетня, что Франциску легко удалось, затерявшись в толпе, незаметно проскользнуть в трюм и спрятаться в самом отдаленном углу среди больших бочек, наполненных водой и вином. Устроившись там, он вздохнул свободнее и возблагодарил Бога за свое освобождение.

Время для него тянулось бесконечно долго, но наконец он услышал скрип канатов и топот ног матросов и догадался, что корабль снялся с якоря. Тогда Франциск улегся как можно удобнее и скоро погрузился в крепкий сон.

Проснувшись на другое утро, он убедился, что люк не был плотно закрыт, так как люди часто спускались туда за водой и провизией. Франциск мог бы без труда утолить свой голод и жажду, так много было всяких фруктов и хлеба в трюме, но днем он боялся шевельнуться в своей засаде и только к вечеру решился встать, чтобы расправить затекшие члены; он забрал себе один из хлебов, запасся водою и, плотно закусив, опять улегся спать в своем углу.

Так прошло шесть томительных дней. Изредка Франциск выходил на палубу подышать свежим воздухом, будучи в полной уверенности, что в темноте его не заметят. На седь-

мой день пути он узнал из разговоров матросов, что они приближаются к Корфу; уже видна была земля, и часа через два они должны были пристать к берегу.

Было отдано приказание готовить к спуску шлюпки, и команда должна была держать наготове оружие. Люди знали отлично, что главная цель экспедиции состояла в том, чтобы увезти двух молодых девушек, но вместе с тем команде разрешается, кстати, грабить, что бы только ни попало под руку. Остров был населен богатыми венецианскими негодьями, и было чем поживиться. За исключением нескольких человек, оставленных на судне, вся команда должна была сойти на берег.

Вокруг капитана, уже оправившегося от болезни, собралась отборная партия команды; остальные должны были разделиться на отряды и, рассеявшись по острову, нападать на встречавшиеся по пути жилища обывателей и предавать все огню и грабежу. Этим разгромом Руджиеро надеялся нагнать такую панику на жителей, чтобы никто из них не решился заступиться за молодых девушек; к рассвету следующего дня все должны были собраться на пристани у корабля.

Франциск наметил среди сложенного в трюме оружия большой кинжал и меч, которыми он вооружился, и, выждав минуту, когда все двинулись вверх, он смешался с толпой людей, занятых спуском лодок, и вместе с ними высадился на берег.

Команда начала строиться под предводительством офице-

ров, и Франциск воспользовался этой минутой, чтобы незаметно отделиться от нее. Не зная дороги и боясь быть замеченным, он скрылся за береговыми утесами и оттуда крадучись последовал за командой. Дорогой Франциск тщательно обдумал план, которому он будет следовать по прибытии на Корфу; не зная, однако, местности, ему оставалось одно – добыть себе проводника, который провел бы его на виллу Полани, и добраться до нее еще до прихода туда банды Мочениго. Так как команда должна была разделиться на партии, то трудно было, следуя за ними, догадаться, которая из них идет по направлению к дому Полани, а терять время было опасно. Он решил поэтому пропустить мимо себя отряды и затем бегом пуститься боковой дорогой. Пробежав около мили, он остановился у хижины, в которой виднелся свет, постучал в дверь и обратился к обитателям хижины с просьбой дать ему проводника до виллы Полани.

Ему объяснили, что до виллы будет еще около трех миль.

– Я заплачу дукат тому, кто сейчас же проводит меня туда, – заявил Франциск.

Хозяин хижины недоверчиво посмотрел на него, и надо сознаться, что Франциск, невымытый, в своей грубой одежде, мало внушал к себе доверия.

– Смотрите, – сказал Франциск, вынимая дукат из кармана, – вот деньги; я готов вам сейчас же отдать их, только надо торопиться.

– Идет! – отвечал хозяин хижины. – Руффо, – обратился

он к своему сыну, – ступай сейчас же с синьором!

Франциск ни словом не обмолвился крестьянам о пиратах; он знал, что одно упоминание о разбойниках наведет на них страх и ему трудно будет добыть себе проводника.

Пройдя с Франциском несколько сот шагов, мальчик круто свернул по боковой тропинке в совершенно противоположную сторону от дороги, по которой они шли, и Франциск понял, что он сделал большой крюк перед тем, как подошел к хижине, и что банда пиратов должна была значительно опередить его, но он не падал духом и молча бежал вперед по тому направлению, на которое указывал его проводник.

Франциск молчал всю дорогу. Только один раз он обратился к мальчику с вопросом: «Далеко ли еще до виллы Полани?» – и получил в ответ: «Еще только шагов двести, синьор».

– Смотрите, у них все освещено, – сказал мальчик немного погодя, – они еще не спят, вот и вход к ним, синьор.

Очувтившись перед домом, Франциск стал громко стучать в дверь рукояткой своего меча. Кто-то показался у окна верхнего этажа.

– Кто там стучится так громко в такой поздний час? – крикнули ему из окна.

– Это я, Франциск Гаммонд! Открывайте сию же минуту дверь, синьоринам угрожает опасность! Ваша жизнь висит на волоске!

Слуга узнал голос Франциска и поспешил вниз, чтобы от-

крыть двери.

– Где синьорины? – вскричал Франциск, вбегая в освещенный зал. – Сейчас же ведите меня к ним!

Дверь отворилась, и на ее пороге показался сам синьор Полани с обеими дочерьми; они только что хотели ложиться спать, но были встревожены шумом. Полани уже успел вооружиться и приготовился защищать своих дочерей, когда узнал голос Франциска.

– Не теряйте ни минуты, – вскричал Франциск, – Вы должны тотчас бежать отсюда! За мною следом идет сюда Руджиеро Мочениго с целой шайкой пиратов.

Молодые девушки вскрикнули от ужаса, а отец их обратился к Франциску с вопросом:

– Нельзя ли нам защищаться в нашем доме, Франциск? У меня здесь восемь слуг, и мы можем продержаться до прибытия подкрепления.

– У Руджиеро более ста человек в шайке, а в случае надобности их наберется и гораздо больше, остается только одно – бежать отсюда! Ради бога, синьор, не медлите ни минуты дольше!

– Идемте! – сказал Полани своим дочерям. – И вы, – обратился он к собравшимся около него слугам, – следуйте за нами! Соппротивление бесполезно; защищая мой дом, вы будете только рисковать своей жизнью. Дай мне твою руку, Мария. Франциск возьмет под свою охрану Джулию. Когда вы все выйдете отсюда, – приказал Полани слугам, – то запрети-

те главный вход и задвиньте засовы; пока они успеют вломиться сюда и убедятся, что мы скрылись, мы выиграем еще несколько минут.

– По какой же дороге направляются сюда эти мерзавцы, Франциск?

Молодой человек указал на дорогу, по которой он сам прошел к вилле, и все бросились в противоположную сторону.

Не прошло и пяти минут, как громкий стук в двери виллы нарушил ночную тишину.

В это время Полани с семейством уже выходили с противоположной стороны из сада виллы. Негоциант хотел было умерить шаг, полагая, что они уже вне опасности, но Франциск настоял на том, чтобы они торопились скорее вперед.

Один из слуг оглянулся назад и воскликнул:

– Они подожгли дом! Я вижу пламя в окнах.

– Я этого ожидал, – спокойно отвечал Полани. – Руджиро поджег дом со злости, что ему не удалась его попытка застигнуть нас врасплох.

– Недалеко отсюда роща, синьор, – сказал один из слуг. – Там нам было бы всего удобнее скрыться от погони.

Углубившись в рощу, они умерили свои шаги и поднялись на возвышение, с которого видны были окрестности.

Вилла Полани представляла из себя уже одно сплошное море пламени, и слуги, глядя на пожарище, пришли в неопи-санную ярость.

– Не горюйте, – успокаивал их Полани, – дом можно выстроить вновь, и все вы будете вознаграждены за понесенные вами потери. Теперь, Франциск, объясните нам, как случилось, что вы пришли к нам на выручку?

– Прежде чем я начну свой рассказ, синьор, прошу вас ответить на весьма важный вопрос: скажите мне, не стоят ли здесь в гавани какие-либо военные суда и далеко ли отсюда до гавани?

– Гавань отсюда в шести милях; она находится с этой стороны острова, и мы все время шли по направлению к ней, после того как покинули нашу виллу. Смотрите туда, – оборвал он свою речь. – Пламя подымается еще в трех-четыре разных местах; шайки Руджиеро не теряют напрасно времени.

– Но вы мне не ответили про галеры, – прервал его Франциск.

– Да, сюда были посланы из Венеции три судна, тотчас после того, как туда дошел слух о том, что мавританские пираты крейсируют в этих водах и что они уже захватили несколько судов. По прибытии в Венецию капитан встреченного вами корабля сказал мне, что он предупредил вас о разбоях пиратов. Спустя некоторое время после его приезда прибыло еще другое судно с письмами от моего здешнего агента, который, однако, ни слова не упоминал о вашем прибытии сюда. Это меня так сильно обеспокоило, что я поспешил приехать на одной из военных галер, посланных сюда

по требованию здешнего губернатора.

– В таком случае, синьор, – заявил Франциск, – нам нельзя медлить ни одной минуты. Нужно уведомить губернатора о том, что пираты причалили сюда и производят тут грабеж. Если губернатор тотчас же вышлет галеры, то можно будет отрезать отступление этим грабителям.

– Пойдемте сейчас же к губернатору, – решил Полани. – Мои дочери могут следовать за нами не спеша, под охраной наших слуг.

– Но неужели, отец, – вскричала Мария, – вы захотите увезти Франциска, прежде чем мы услышим от него подробный рассказ о том, как ему удалось спасти нас из рук Руджиеро? Разве нельзя послать к губернатору одного из наших слуг?

– Нет, милая моя; возможно, что губернатор уже лег спать, и тогда к нему не допустят никого из слуг; мне надо доложить ему обо всем лично. Мы не можем быть спокойны, пока этот негодяй на свободе. Франциск расскажет вам все завтра. Что же касается нашей признательности, то он сам понимает, как глубоко мы благодарны ему за то, что он вырвал тебя из рук твоего преследователя. А теперь двинемся в путь, Франциск. Мы возьмем с собой в качестве проводника одного из наших слуг; остальные слуги останутся тут с моими дочерьми и проведут их на виллу нашего знакомого Карло Маффене; она должна быть здесь поблизости. Надо надеяться, что пираты не проникнут туда, так как, наверное, будут

держаться поблизости своего корабля, чтобы еще до рассвета перетащить туда награбленную добычу и отплыть подальше от преследований.

Глава XIV

Конец похождениям предателя

Синьор Полани пользовался таким уважением в доме губернатора, что, несмотря на ночное время, ему тотчас же поспешили доложить о прибытии позднего посетителя. Узнав от Полани о нападении пиратов на остров, губернатор немедленно распорядился выслать гонца к начальнику галер с приказанием готовиться к погоне за пиратами. Затем он отдал приказание звонить в большой колокол – сигнал, призывающий жителей к оружию; одному из офицеров было велено выступить во главе собравшихся граждан и напасть на пиратов, чтобы приостановить их грабеж; кроме того, был послан вооруженный отряд с носилками для дочерей Полани, чтобы доставить их в губернаторский дворец. Через короткое время около двухсот вооруженных граждан уже были готовы к выступлению против пиратов. Отдав свои распоряжения начальствующим лицам, губернатор, в сопровождении Полани и Франциска, сам отплыл к галерам. Там они нашли уже все в полном порядке; оставалось только поставить паруса и выйти в море, воспользовавшись попутным ветром. Не прошло и нескольких минут, как галеры снялись с якоря и удалились от места своей стоянки. Франциска подробно расспрашивали о месте, где причалил корабль пиратов, но он мог только

сказать, что корабль пристал к берегу на расстоянии четырех миль от виллы Полани; точно же указать местность он положительно не мог вследствие того, что вышел на палубу из места своего заточения, когда было уже совсем темно.

После общего совещания было решено двинуться к предполагаемому месту стоянки корабля и преградить ему путь к отступлению в море.

Около трех часов утра губернатор поплыл на одной из галер вдоль берега, остальные же две галеры плыли за ним в некотором расстоянии друг от друга, зорко наблюдая кругом, чтобы не упустить из виду корабль пиратов.

Галера двигалась вдоль берега. В нескольких местах были видны огромные пожарища, которые, отражаясь на небосклоне, освещали окружающий мрак. По приказанию капитана на галере соблюдалось общее молчание, но глаза всех были зорко устремлены в окружающее пространство в надежде увидеть корабль пиратов. Вскоре послышались крики и бряцание оружия с берега на некотором расстоянии от галеры.

– Должно быть, это наш отряд, выступивший из города, настиг пиратов, и их шайка отступает к кораблю, – сказал губернатор.

– В таком случае, – заметил капитан, – их корабль должен находиться где-нибудь поблизости. На востоке уже брезжит свет, и мы скоро увидим очертания корабля, если только он стоит там на якоре.

Когда они обогнули выступавший берег, перед ними ясно обрисовался корабль пиратов. Крики с берега между тем становились яснее, и не могло быть сомнения в том, что там происходила отчаянная схватка.

– От берега отплывает лодка, – объявил один из матросов.

– На весла! – скомандовал капитан. – Корабль от нас на расстоянии не более полумили, и едва ли он успеет уйти от нас.

Матросы приналегли на весла.

Вид горевших домов возбуждал их негодование до крайней степени, и все до одного рвались навстречу пиратам, чтобы наказать их за дерзость.

Пираты на трех лодках спешили к своему кораблю; они уже заметили губернаторскую галеру, и Франциск явственно слышал, как там отдавалась команда скорее садиться на корабль. Подъехав к кораблю, пираты быстро стали взбираться на борт, и команда уже готовилась взяться за весла, когда на них налетела венецианская галера. Она стала бок о бок с кораблем, и матросы бросились с оружием в руках на палубу неприятельского судна. Пираты знали, что им пощады не будет, и с мужеством отчаяния бросились навстречу нападавшим. Впереди всех был Руджиеро Мочениго, который предпочел бы умереть, чем перенести позор быть привезенным в Венецию как пират и изменник отечества. Он вступил в отчаянную рукопашную схватку с командиром венецианской галеры, которая кончилась тем, что Руджиеро вонзил своему

противнику кинжал в горло; венецианцы, уступившие было первому натиску пиратов, бросились с новой силой на палубу корабля. Полани, сгорая от нетерпения сразить человека, от которого он перенес столько оскорблений, находился впереди других; рядом с ним был Франциск.

– Руджиеро Мочениго, – вскричал Полани, – изменник, негодяй, берегись, настал твой смертный час!

Руджиеро был поражен, услышав свое имя, так как на корабле никто из людей даже не знал его имени и все звали его просто капитаном. Узнав Полани, он ринулся к нему навстречу.

– Еще увидим, – вскричал он, – чей смертный час настал, твой или мой!

Противники яростно схватились друг с другом. Полани был еще бодр и силен, но на стороне его соперника была молодость и ловкость. Казалось, однако, что Полани одержит верх и оттеснит своего врага, как вдруг нога его поскользнулась на обгаренной кровью палубе, и он упал: еще минута, и шпага Руджиеро пронзила бы его насквозь, если бы Франциск, зорко следивший за поединком, не отразил удара шпаги Руджиеро.

– На этот раз мои руки не в цепях, Руджиеро! – вскричал он.

Руджиеро, очутившись лицом к лицу со своим заклятым врагом, которого он оставил закованным в цепях, за несколько сот миль отсюда, невольно отшатнулся, но в ту же мину-

ту с криком ринулся на Франциска. На этот раз, однако, ему пришлось иметь дело с противником, равным ему по силе и ловкости. Несколько мгновений оставалось неизвестным, кто выйдет победителем, как вдруг Руджиеро пошатнулся и упал, пораженный в лоб метко пущенной одним из венецианцев стрелой.

Лишившись своего предводителя, пираты упали духом; они продолжали еще отчаянно сражаться, но уже только ради защиты своей собственной жизни, и не прошло и пяти минут после гибели Руджиеро, как последний из пиратов пал под кинжалами венецианцев, которые всегда в подобных случаях действовали без всякой пощады.

Когда подошли другие две галеры, все было уже кончено; приступили к уходу за ранеными; убитых пиратов выбросили за борт, а тела павших венецианцев, и в том числе командира галеры, положили на палубе, чтобы похоронить их на берегу.

К девяти часам эскадра уже приблизилась к гавани, ведя с собой захваченную галеру пиратов. Как только распространилась весть об их приближении, по всему городу раздался звон колоколов; из окон домов выставили флаги, и народ гурьбой высыпал на набережную приветствовать победителей.

Франциск по просьбе Полани поспешил в губернаторский дворец, чтобы успокоить синьорин и рассказать обо всем случившемся. Оказалось, что они уже знали о захвате гале-

ры, но очень волновались, не зная, все ли обошлось благополучно с их отцом и Франциском; поэтому Мария и Джулия, встретившие молодого человека тревожным вопросом: «А где же наш отец?» – были чрезвычайно обрадованы, услышав от Франциска, что оба они здоровы и невредимы. Франциск рассказал о смерти Мочениго, и Мария не могла не выразить радости, что наконец-то она избавилась от своего преследователя.

Их разговор был прерван приходом синьора Полани, который дополнил рассказ Франциска подробностями о том, как молодой человек спас жизнь его от смертельного удара Мочениго. Молодые девушки слушали рассказ отца с нескрываемым волнением и просили Франциска приступить наконец к подробному рассказу о том, как ему удалось вырваться из заточения и вовремя предупредить их о нападении пиратов.

– Я не знаю отец, чем мы можем отблагодарить Франциска? – воскликнула Мария, когда молодой человек окончил свой рассказ. – Остается, кажется, одно – пожелать, чтобы он сам попал в какую-нибудь беду и дал бы Джулии и мне случай выручить его из нее; но в том-то и дело, что он сам без посторонней помощи выпутывается из опасностей и приключений раньше, чем его друзья даже проведают о них. Это становится просто обидно, наконец.

Франциск от души рассмеялся.

– Не беспокойся, Мария, – вмешался в разговор синьор Полани, – может быть, еще настанет наша очередь, а покуда

Франциск удовлетворяется тем, что позволит нам оставаться в долгу перед ним. Перейдем, однако, к делу: завтра утром мы с вами пустимся в путь в Венецию; губернатор посылает туда одну из своих галер, мы на ней и поплывем.

На следующий день семья Полани и Франциск уехали в Венецию, где вскоре затем в их доме начались приготовления к свадьбе Марии с Руфино Джустиниани. Свадьбу отпраздновали несколько недель спустя, и Франциск, несмотря на его нерасположение ко всяким светским развлечениям, должен был уступить желанию молодых девушек и их отца и присутствовать на семейном торжестве. Молодому человеку пришлось прожить некоторое время в Венеции в бездействии вследствие осложнившихся внешних обстоятельств. Генуэзский флот все еще господствовал на Адриатическом море, и Пизани никак не удавалось после битвы под Антием заставить неприятеля удалиться. Последствием этого был застой в торговых делах Республики, так как купцы не рисковали посылать свои корабли в плавание. Франциску поэтому пришлось поневоле оставаться в Венеции, но синьор Полани, видя его нетерпение пуститься опять в плавание, предложил ему поступить на одну из военных галер, которая должна была отплыть в скором времени для подкрепления флота Пизани; тем более что, по словам Полани, сам Пизани выразил в письме к нему желание иметь Франциска у себя на службе. На это предложение синьора Полани Франциск отвечал, что был бы очень рад приняться за какое-либо дело,

в особенности касающееся морской службы, но что сам же Полани отсоветовал ему поступать на военную службу ввиду того, что ему предстоит посвятить себя торговой деятельности.

– Действительно, в то время, когда я это вам говорил, – возразил Полани, – я держался этого мнения, но при теперешних обстоятельствах, когда в нашей торговле царит такой застой, я советовал бы вам не терять даром времени и послужить на пользу Республике.

– В таком случае, с вашего разрешения, синьор, я при-
му это предложение, – отвечал Франциск, – Разумеется, я предпочел бы поступить на службу в качестве офицера, но в крайнем случае готов послужить и просто добровольцем.

– Об этом вам нечего беспокоиться, Франциск, с моей ре-
комендацией и при той известности, которой вы уже пользуетесь в Венеции, вы можете быть уверены, что получите назначение.

Действительно, через день после этого разговора Полани показал Франциску данный Сенатом приказ о назначении его помощником командира на судно «Плутон». Тут же он сообщил ему, что Маттео тоже поедет на одном корабле с ним. Это известие чрезвычайно обрадовало Франциска; но вместе с тем он вспомнил о своем преданном Джузеппе, своем неизменном спутнике, и пожалел об его отсутствии.

– Я уже разослал приказание своим агентам в Тунисе, – сказал ему в ответ на это Полани, – чтобы они, не жалея рас-

ходов, употребили все меры для отыскания следов проданных в рабство людей, находившихся на службе на «Наксосе». Найти Джузеппе нелегко, так как одновременно с взятыми в плен с «Наксоса» было продано много других пленных, покупщики же их нисколько не заботятся о сохранении за купленными рабами их имен. Я уполномочил моих агентов скупать всех бывших служащих на «Наксосе», и таким образом мы, вероятно, нападём на след Джузеппе. Очень возможно, что вы по возвращении в Венецию найдете его там.

Маттео был чрезвычайно доволен тем, что он едет под начальством Франциска.

– Я, разумеется, предпочел бы ехать с тобой в качестве такого же волонтера, как и ты, – возразил на это Франциск. – Мне просто даже смешно, что меня назначают помощником командира, тогда как ты, мой товарищ, не имеешь никакого назначения.

– Это меня нисколько не огорчает и не удивляет, – отвечал Маттео, – ведь у меня нет никакой опытности в морской службе, а ты в течение последних двух лет прошел через разные испытания и каждый раз благополучно выпутывался из них благодаря твоей находчивости и энергии.

Глава XV

Сражение у Полы⁴

Эскадра, состоявшая из четырех галер, отплыла к острову Кипр, где она соединилась с флотом Пизани. Он чрезвычайно радушно встретил Франциска и в присутствии своих офицеров высказал свою радость по поводу того, что Республика наконец награждает людей достойных, а не покровительствует, как прежде, только людям, имеющим большие связи или влиятельных родных.

Около двух месяцев флот Пизани крейсировал у берегов Греции, Истрии и Далмации в надежде встретить генуэзский флот. В ноябре, когда они находились у берегов Истрии, наступила необычайно суровая зима, и начались сильные морозы; тогда Пизани обратился к своему правительству с просьбой о разрешении возвратиться его флоту для зимовки в Венецию. Ему, однако, отказали в этой просьбе из опасения, что генуэзцы, узнав о возвращении венецианского флота, воспользуются этим и завладеют одним из островов, принадлежащих Венеции, и, сверх того, будут подстрекать жителей Истрии и Далмации, всегда склонных к возмущению, к восстанию против Венеции. Холода в эту зиму стояли необычайные, так что с наступлением весны 1379 года

---

⁴ Очень древний город на Адриатическом море.

из девятнадцати галер Пизани только шесть галер в полном составе команды оказались пригодными к плаванию; остальные все сильно пострадали от свирепствовавших зимой бурь; много матросов умерло, а еще большее число их было отправлено по болезни домой. С наступлением более теплого времени к Пизани подошло из Венеции подкрепление из двенадцати судов, большинство которых было снаряжено на средства личных друзей Пизани, а два судна – на средства синьора Полани. С приходом этого подкрепления Пизани опять пустился в море на поиски генуэзского генерала Дориа и его флота.

Три месяца Пизани тщетно разыскивал генуэзский флот. Он проплыл мимо берегов Апулии и уже подходил к гавани Пола, сопровождаемый большим числом купеческих кораблей, нагруженных зерном, когда наконец показался уходивший из этой гавани генуэзский флот, состоявший из двадцати пяти судов. Но как раз в это время Пизани меньше всего стремился вступить в бой. Часть его эскадры под командой Зено находилась в отсутствии, так что Пизани, несмотря на полученное им подкрепление, имел в своем распоряжении только двадцать одно судно. Но адмирал, однако, был не властен поступать так, как ему подсказывали его личные соображения. У венецианцев в те времена существовал вредный по своим последствиям обычай, принятый позднее и Францией, назначать при каждом начальнике военных сил, как морских, так и сухопутных, особых гражданских упол-

номоченных, проведиторов, как их называли тогда в Венеции, которым давалась власть контролировать распоряжения командиров. Таким образом, когда Пизани созвал военный совет, на котором объяснил, по каким именно причинам он желал бы до возвращения Зено держаться оборонительной тактики, тогда выступили проведиторы, которые не только единогласно высказались за безотлагательное нападение на неприятеля, но даже с некоторым презрением стали подсмеиваться над осторожностью Пизани, намекая при этом на его трусость. Пизани в порыве негодования уже обнажил свою саблю, готовый броситься на проведиторов, но, по счастью, его удержали.

Совет тем не менее все-таки решил вступить в бой, и Пизани, повинувшись долгу службы, вынужден был привести в исполнение это решение. Поднявшись на палубу своей галеры, он обратился к командам окружавших его судов и громким голосом стал говорить:

– Не забывайте, друзья, что враг, с которым вам предстоит сразиться, уже однажды был вами со славой побежден. Пусть не страшит вас слава Лукиано Дориа; судьбу сражения решат не слава командиров, а сердца и руки венецианцев. Все, чтущие Святого Марка, – за мной!

В ответ на эти слова раздались громкие возгласы команды, и, как только командиры вернулись на свои галеры, весь флот двинулся навстречу неприятелю. Сражение было отчаянное, каждая галера, наметив себе одну из вражеских галер,

яростно напала на нее. Капитан «Плутона» погиб еще при самом начале сражения, и Франциск заступил на его место. Его галера сцепилась с одним из самых больших генуэзских судов.

Команда этого судна была значительно сильнее по своей численности, так что, как Франциск и Маттео ни старались словом и примером ободрять своих людей, им все-таки не удавалось осилить неприятельские ряды.

Вдруг генуэзцы быстро сняли абордажные крюки, которыми они цеплялись за «Плутона», поставили паруса и стали удаляться от галеры. Франциск удивленно осмотрелся крутом, желая узнать причину такого внезапного маневра, и только теперь заметил, что все генуэзские суда обратились в бегство, а за ними гнались в недалеком от них расстоянии венецианские суда.

Быстро подняв паруса, «Плутон» поспешил присоединиться к своим галерам. Но оказалось, что это бегство было только уловкой со стороны генуэзцев, хотевших этим маневром ввести в заблуждение венецианцев.

Отойдя не более двух миль, генуэзцы круто повернули свои галеры и яростно напали на суда, которые плыли без всякого порядка.

Много венецианских судов удалось им захватить прежде, чем могли подоспеть на помощь остальные суда. Пизани храбро сражался до тех пор, пока наконец не убедился, что все их усилия тщетны; тогда он дал сигнал галерам прекра-

тить сражение, а сам со своими шестью судами с успехом пробился сквозь ряды неприятельских судов.

Все остальные суда были захвачены в плен генуэзцами. От семисот до восьмисот венецианцев погибли в этом сражении; две тысячи четыреста человек попали в плен, двенадцать командиров были убиты, а пятеро попали в плен. Со своей стороны, и генуэзцы понесли чувствительные потери, сам Дориа пал, сраженный ударом копья, нанесенным ему командиром одной из галер.

«Плутон» долгое время храбро отбивался от натиска трех генуэзских галер и не раз пытался ускользнуть с места битвы, но генуэзцы крепко вцепились в него, так что Франциск, видя совершенную бесполезность дальнейшего сопротивления, отдал приказ своей теперь уже совсем малочисленной команде сложить оружие и сдался.

– Злополучный сегодня день для венецианцев! – воскликнул Маттео, после того как обезоруженная неприятелем команда была отведена в нижнее отделение корабля.

– Я слышал из разговоров генуэзцев, будто только шесть наших галер спаслись, все же остальные взяты в плен. Остается только одно утешение для нас, что мы сдались последними.

– Постой, Маттео, надо мне прежде перевязать твои раны; у тебя в двух или трех местах сочится кровь.

– А у тебя-то сколько ран! Позволь мне сначала взять на себя роль лекаря.

– Нет, нет, очередь капитана всегда последняя, делай то, что тебе приказывают. Теперь, господа, – обратился Франциск к офицерам, – каждый из нас должен подать помощь нашим раненым. В числе их есть такие, которые могут истечь кровью, если мы не поспешим перевязать им раны.

К счастью, в трюме корабля, куда поместили пленных, стояло несколько бочек с водой, в которой они так нуждались для промывки ран и для утоления жажды несчастных раненых, на которых генуэзцы не обращали ни малейшего внимания.

Только на следующее утро был отдан приказ, чтобы пленные вышли на палубу. Много раненых за ночь умерло, а некоторые были так слабы, что не могли подняться наверх. Генуэзцы переписали имена всех своих пленных и были немало удивлены, узнав о летах юного командира «Плутона».

– Я был сначала помощником командира, – отвечал Франциск на вопросы генуэзских офицеров. – Командиром судна был Карл Боттини, убитый еще в самом начале сражения.

– Странно все-таки, что такого молодого человека могли назначить даже вторым командиром. Вы, вероятно, из очень знатного семейства, если вас определили на такую должность, на которую обыкновенно назначают людей гораздо старше вас годами?

– Я вовсе не знатного рода, – отвечал Франциск, – мое имя Франциск Гаммонд, и я родом англичанин.

– Уж не служите ли вы наемником? – строго спросил генуэзский капитан.

– О нет, я гражданин Венеции, и мое имя внесено в книги Республики, это вам подтвердят и мои сотоварищи.

– Я очень рад, если это так, – сказал генуэзец, – потому что Пьетро Дориа, заступивший теперь место командира после смерти своего брата, отдал строгий приказ, чтобы наемники, если таковые окажутся среди пленных, были немедленно преданы казни.

– Это бесчеловечное приказание, – смело отвечал Франциск. – Наемник, взятый в плен в открытом бою, должен содержаться до выкупа или до обмена пленных наравне со всеми другими пленными.

Генуэзские офицеры сами считали такую зверскую расправу не только неблагоразумной, но прямо позорной мерой, и поэтому смелые слова не вызвали с их стороны никакого возражения, и они только своим строгим видом показали ему, что он не имеет права отзываться дерзко об их начальниках. После переписи пленных офицеров поместили в трюме, в передней части галеры, а команду в трюме у кормы. Некоторое время спустя по движению судна пленные догадались, что на нем были подняты паруса.

– Итак, нас везут в генуэзскую тюрьму, Франциск, – сказал Маттео, вздыхая. – Раньше нам удавалось благополучно избежать ее, а на этот раз нам уж не уйти от судьбы!

– На спасение, конечно, нам трудно надеяться, Маттео,

но нельзя предсказать заранее, что нет никакой возможности вырваться из рук наших победителей. Уж чего хуже казалось, когда я попался в лапы Руджиеро Мочениго, а все-таки я ухитрился бежать; тогда я был совершенно один и под строгим надзором, а теперь нас здесь почти двести человек, правда, таких же пленных, как и мы с тобой, но на помощь которых мы смело можем рассчитывать. Теперь, конечно, еще слишком рано придумывать какие-либо планы для нашего спасения, но я терять надежды не намерен. Однако у меня так сильно болит голова от нанесенных мне ударов, и я чувствую такую ужасную слабость от потери крови, что, право, ни о чем не в состоянии думать.

– Мои раны тоже побаливают, – заявил Маттео, – и, кроме того, я страшно голоден; ведь хлеб, который нам дали угром, собаки не стали бы есть.

– Лучше всего, Маттео, соснуть часок-другой. Прошлую ночь я глаз не смыкал от боли, а теперь, кажется, я мог бы заснуть.

Несмотря на боль от ран, Франциск, убаюкиваемый мерными покачиваниями судна, скоро крепко заснул и проспал до тех пор, пока наконец его не разбудил упавший на его лицо луч света из открытого люка.

– Вот вам завтрак, – послышался чей-то голос сверху, и на веревке была спущена корзина с хлебом и ведром воды.

– Что же, приступим, господа, к дележу этого роскошного завтрака, который так милостиво нам сюда спустили, – шут-

ливо сказал Франциск.

Находившиеся вместе с ними пленные молодые люди, служившие, как и Маттео, в качестве волонтеров, приободрились и пришли в веселое настроение от шуток Франциска.

– Теперь, господа, я предложил бы устроить нам военный совет. Первый вопрос, который я хочу предложить на ваше обсуждение, заключается в том, каким путем лучше всего мы могли бы вновь завладеть «Плутоном».

Вместо ответа на заданный вопрос молодые люди разразились дружным смехом, приняв сначала предложение Франциска за шутку, так как они считали освобождение «Плутона» делом совершенно несбыточным.

– Вы напрасно думаете, что я шучу, – объяснил Франциск, когда умолк смех. – Я говорю совершенно серьезно. Я полагаю, что нас, венецианцев, здесь, на судне, гораздо больше, чем генуэзцев. Они пострадали в стычке не менее нас, и раненых и убитых у них, по крайней мере, столько же, сколько и у нас. Очень вероятно, что «Плутон» охраняется не более чем какими-нибудь пятьюдесятью людьми, нас же здесь, по крайней мере, втрое больше.

– Все, что вы сказали, совершенно справедливо, – возразил Паоло Паруччи, единственный оставшийся в живых офицер «Плутона», – но имейте в виду, что если у них всего, предположим, пятьдесят человек команды, зато эти люди все при оружии, нас же всех, хотя, может быть, и втрое больше, но мы безоружны и вдобавок заперты в трюме, а осталь-

ная наша команда совершенно отделена от нас, так что мы лишены возможности общаться с ними.

Слушатели, очевидно, вполне согласились с возражениями своего офицера, и среди молодежи раздался одобрительный шепот.

– Я очень хорошо понимаю, что это дело нелегкое, – спокойно отвечал Франциск, – но я утверждаю, что наши силы все-таки настолько велики, что мы были бы в состоянии завладеть судном, если бы, конечно, представился удобный случай. Теперь, господа, я хочу обратиться к вам с вопросом: нет ли у кого-нибудь из вас кинжала или ножа, уцелевшего от обыска генуэзцев?

Общее молчание было ответом на предложенный вопрос.

– Я и то боялся, что ничего не скрылось от бдительных генуэзцев, отобравших у нас все наше оружие. Что ж, за неимением каких-либо орудий придется нам довольствоваться тем, что попадется под руку. Как раз я вижу там железные скобы, вбитые в стену; попробуем, нельзя ли их как-нибудь извлечь из бревен.

Скобы оказались, однако, вбитыми так крепко, что, несмотря на все усилия, их никак нельзя было вырвать.

– А не могут ли пригодиться железные обручи на ведрах? – спросил Маттео.

– Конечно, могут, если только удастся их снять, Маттео, – сказал Франциск.

Не прошло и нескольких минут, как обручи были уже сня-

ты.

– Разумеется, кинжалов они заменить не могут, но при умелом обращении с ними они послужат нам вместо пилы, – объявил Франциск. – Отломи-ка кусок обруча в фут длины и выпрями его, а потом оторви кусок от твоей фуфайки и оберни им один конец, чтобы его можно было держать в руках. Вот теперь попробуй пилить им край этого бревна.

– А в самом деле можно пилить! – вскричал Маттео. – Только уж очень медленно.

– Скажи еще спасибо за то, что они хоть сколько-нибудь действуют, – довольным тоном заметил Франциск. – Спешить нам некуда, у нас, по крайней мере, еще целая неделя впереди. Давайте, господа, наломаем еще несколько таких брусков из железных обручей, только надо с ними обращаться очень бережно, потому что их немало поломается у нас.

– Ну а дальше что же? – нетерпеливо спросили молодые люди.

– Нам надо прежде всего просверлить стену, отделяющую нас от команды, но для того, чтобы пустить в дело наши пилы, надо сначала отыскать какое-либо отверстие в перегородке.

Было слишком темно для того, чтобы глазом отыскать какое-нибудь отверстие в стене, и все начали его искать ощупью, водя рукой по перегородке; все поиски, однако, оказались тщетными; им не удалось открыть хотя бы самой маленькой дырочки.

– Ну что делать, – сказал Франциск, – остается только одно: вытащить все-таки несколько этих железных скобок из бревен. Всех нас двенадцать человек, так что мы возьмемся по четыре человека на каждую скобку и будем попеременно работать над ней. Помните только одно, что тут нужно терпение, а не сила.

Все тотчас же приступили к работе, и хотя вначале дело, подвигалось очень туго и два или три железных бруска были сломаны после чрезмерных усилий работавших, но потом дело пошло быстрее.

«Плутон» строился очень спешно и при его постройке не делали строгого выбора материала, так что немудрено, что в нем попадалось много сырых бревен. Оказалось, что бревно, над которым они трудились, сравнительно легко поддавалось их усилиям.

Целый день почти непрерывно шла работа, и после долгих усилий наконец труды увенчались успехом: вынули уже три скобы и тотчас же стали их оттачивать.

– А недурное это все-таки оружие! – сказал Маттео.

– Нам эти скобы послужат лучше всякого оружия, Маттео; но нам надо, по крайней мере, эти три штуки, и потому я предложил бы продолжать работу.

– Я готов всю ночь работать, – заявил Маттео. – Вначале я несколько сомневался, что мы добьемся толку, ну а теперь, когда удалось раздобыть еще три железных штуки, я готов работать сколько угодно.

Несмотря на то что все работали очень усердно, дело продвигалось медленно, так как приходилось часто делать перерывы, чтобы отдохнуть.

– А что, нельзя ли нам отдохнуть полчаса, Франциск? У меня руки совсем онемели, – сказал Маттео.

– Если хочешь, можешь отдохнуть даже целый час, Маттео. Скоро нам пришлют нашу еду, и после мы можем опять приняться за работу.

Маттео не преминул воспользоваться советом Франциска, а сам он, захватив с собой железо, пошел опять к перегородке. Он перешупал все доски от нижней до самой верхней.

– Ну что, каковы дела? – спросил Маттео Франциска.

– Очень хороши: оказывается, что доски у потолка и у пола приколочены к бревнам гвоздями не с нашей, а с другой стороны.

– Что же из этого?

– А вот что: так как доски приколочены с той стороны, то достаточно пяти минут работы, чтобы отодрать доску. Стоит только наши инструменты острым концом просунуть между бревнами и досками и действовать ими как рычагом.

Молодые люди шумно вскочили со своих мест, позабыв усталость.

– Тише! – сказал Франциск. – Не забывайте, что рядом кто-нибудь может случайно услышать нас. Прежде чем начать отдирать доску, надо проделать дыру, через которую мы могли бы подсмотреть, что делается за перегородкой. Во вся-

ком случае, лучше всего обождать, пока нам не пришлют нашу еду.

Глава XVI

Освобождение «Плутона» из неприятельских рук

Как только был спущен завтрак и закрылся вход в трюм, тотчас же двое пленных, взяв по бруску железа, начали сверлить дыру в перегородке. Работа продвигалась очень медленно, и только спустя часа четыре один из молодых людей, приложив глаз к просверленному отверстию, объявил, что виднеется маленький просвет, через некоторое время им удалось увеличить отверстие настолько, что через него можно было рассмотреть все помещение центрального трюма.

Там было сравнительно светло, так как люки были открыты, и молодые люди ясно могли видеть двух матросов, открывавших бочку с какими-то припасами.

– Я думаю, лучше обождать, пока стемнеет, – сказал Франциск. – Самое удобное время начать работу перед наступлением ночи, когда команда освободится от дел и наверху поднимется шум; люди начнут ходить по палубе, разговаривать, петь и этим заглушат шум нашей работы.

После тщательного осмотра выбрали наконец одну доску, над которой решили начать работу. В ожидании ночи некоторые из молодых людей прилегли уснуть, в то время как другие стали беседовать друг с другом.

– Ну, пора теперь начинать, – объявил наконец Франциск. – Вы, Паоло Паруччи, возьмете один брусок, я вооружусь другим, а Маттео – третьим.

Просунуть железные бруски между досками и бревнами оказалось вовсе не так легко, и прошло много времени, прежде чем им удалось справиться с этим делом.

– Готово ли у вас? – спросил Франциск наконец.

– Ого! Доска уже поддалась немного, – сказал он через некоторое время. – Оставьте ваши инструменты на тех же местах где они теперь находятся, а я попробую свое железо просунуть дальше.

После нескольких усилий гвозди поддались на целых два вершка, а затем доска уже совсем была вынута и положена на пол. Один из молодых людей хотел было пролезть в отверстие, но Франциск объявил, что придется сначала вынуть еще одну доску. Когда сняли и вторую доску, тогда приступили к обсуждению вопроса: что им делать дальше? И было решено немедленно устроить сообщение с их пленными товарищами, от которых они были отделены центральным отделением, служившим для склада оружия и припасов. Для этой цели они разделились на партии: Франциск в сопровождении четырех товарищей осторожно прокрался к складу оружия, который он разглядел раньше в отверстие, и здесь не без труда нашел среди разного оружия кинжал; затем ошупью, ступая как можно осторожнее, он добрался наконец до груды мешков, сложенных у противоположной стены один

поверх другого почти до самого потолка трюма.

– Осторожно, не наскочите в темноте на бревна, – предупредил их Франциск. – Малейший шум может выдать нас. Теперь вы стойте смирно, пока я найду место, откуда можно начать работу в стене, отделяющей нас от наших матросов.

Франциск кинжалом просверлил дыру и, приложив ухо к отверстию, стал прислушиваться, но из трюма не было слышно ни звука, и тогда он крикнул в отверстие:

– Что вы, спите тут, что ли, все? – И опять стал прислушиваться.

Ответа, однако, не последовало, и тогда Франциск опять закричал:

– Боцман Ринальдо здесь?

– Здесь, – ответил чей-то голос. – Кто там спрашивает меня? Никак это голос господина Гаммонда?

– Да, это я. Мы вынули две доски из перегородки и пробираемся к вам с того конца судна; теперь и вам нужно сделать то же. Мы передадим вам в отверстие несколько кинжалов. Вам придется тоже вынуть с вашей стороны две доски из стены, чтобы можно было пролезть.

Затем Франциск дал подробные указания, как им придется пробивать себе путь, и прибавил, что к утру другого дня у них все уже должно быть готово, а что затем они должны не трогаться с места и ждать дальнейших приказаний.

Он сказал им, что все отобранное у них оружие свалено рядом с ними в кладовой с провизией и что, когда настанет

время, они без труда одолеют генуэзцев и, может быть, благополучно возвратятся на «Плутоне» в Венецию.

Чувство восторга охватило бедных матросов, запертых в тесном помещении, и они с трудом могли удержаться, чтобы не выразить громко свою радость при одной мысли об освобождении из плена.

Убедившись в том, что матросы поняли его объяснения и выполняют работу согласно его приказанию, Франциск отошел от отверстия и стал пробираться обратно к складу оружия, где ощупью нашел два тонких коротких копья, которые он, одно за другим, просунул через отверстие к матросам.

– Ну, мы свою задачу выполнили, – сказал он своим помощникам. – Теперь дело за нашими товарищами, а им будет уже нетрудно просверлить и расширить отверстие.

Вернувшись к остальным товарищам, Франциск распорядился, чтобы они, расширив отверстие, передали матросам пять кинжалов из склада и забрали с их помощью еще несколько кинжалов на всякий случай.

Когда в трюм стали проникать утренние лучи, проснулся Маттео и был очень поражен, увидев, что все товарищи его еще спали. Он тотчас же разбудил Франциска и спросил его:

– Что же это значит, Франциск? Верно, что-нибудь неладное случилось? Отчего вы нас не разбудили ночью?

– Все идет отлично, Маттео. А не будили мы вас оттого, что для вас там не было работы. Мы уже передали матросам ножи и копья, и теперь они там работают над отверстиями в

досках; потом мы соединимся с ними в следующем трюме и нападём на генуэзцев, когда представится удобный случай.

– А долго ли придется матросам работать, чтобы прорезать отверстие в стене?

– Я думаю, теперь у них уже почти все готово, Маттео, а если нет, то сегодня они, наверное, окончат свою работу.

– Мы скоро, значит, освободимся! – воскликнул радостно Маттео.

– Это еще неизвестно. Нам необходимо выждать, пока представится удобный случай завладеть нашим судном, не дав генуэзцам возможности поднять тревогу и всполошить другие корабли, которые, вероятно, следуют за нами. А теперь я хочу еще заснуть часок-другой. Между прочим, Маттео, заткни ты чем-нибудь отверстие, которое мы просверлили, а то генуэзцы могут увидеть через него свет и явятся сюда узнать, что у нас творится.

В этот день пленные молодые люди были в таком тревожном состоянии, какого еще не испытывали с того дня, когда были взяты в плен. Тогда они были угнетены до того, что не в состоянии были даже разговаривать друг с другом. Одно сознание, что их флот потерпел поражение, что Венеции грозила опасность и, наконец, угрожавшая им самим участь быть заточенными в генуэзские тюрьмы, все это должно было действовать на них удручающим образом.

Позднее же, когда в них стала зарождаться надежда на освобождение, они заметно воспрянули духом. А теперь, ко-

гда многие из них убедились, что не все еще потеряно и есть надежда на освобождение, им казалось, что они не в состоянии оставаться дольше в бездействии в своем заточении. Некоторые даже стали убеждать и упрашивать Франциска совершить попытку к освобождению в эту же ночь, но Франциск не соглашался, настаивая по-прежнему на том, что надо выждать удобного случая.

– А если такого случая вовсе не представится? – возразил один из молодых людей.

– Возможно, что и так, – согласился Франциск, – но нам нисколько не повредит, если мы подождем еще немного, так как сделать попытку мы всегда успеем. Хотя есть много вероятий, что наше нападение увенчается успехом, но все-таки неблагоприятно было бы рисковать. Вы знаете, что днем люк всегда открыт, и если бы нам удалось соединиться с нашей командой и незаметно пробраться на палубу, то, наверное, мы застали бы там всех генуэзцев в полном сборе готовых дать нам отпор; возможно в таком случае, что они и осилили бы нас. Ночью же, как вы знаете, люк всегда заперт и выбраться нам на палубу нет никакой возможности.

– Но если мы не можем напасть днем из опасения поднять тревогу, синьор Гаммонд, а ночью и подавно, то что же остается нам в таком случае делать?

– Вот этот-то вопрос и надо обсудить, – отвечал Франциск. – Я вот что придумал: надо прорезать отверстие в палубе, чтобы пробраться туда незаметно из нашего ли трюма

или из соседнего. Работа эта вовсе не трудная; трудно только сделать ее так, чтобы нас не застали врасплох. К счастью, мы хорошо знаем расположение кают над нами, так что можем начать в таком месте, где труднее всего было бы обнаружить нашу работу. Я уже хорошо обдумал это дело и решил, что лучше всего начать работу под капитанской каютой.

– Но она, наверное, занята кем-нибудь, – заметил Паруччи.

– Да, несомненно, но, несмотря на это, все-таки удобнее приступить к работе именно под ней. Вы, Паруччи, знаете, конечно, что Карло Боттини устроил в своей каюте низенькое широкое сиденье вдоль стен своей каюты; он называл это своим диваном. Если я не ошибаюсь, диван этот отстоял приблизительно на фут от пола и был около четырех футов ширины. Вот я и полагал бы прорезать две доски под этим сиденьем, так, чтобы никто в каюте и не заметил этого. Придется работать, конечно, с большой осторожностью. Выберите кинжалы поострее; только старайтесь как можно меньше шуметь и не отламывать кусков дерева, а прорезать доски так, чтобы они еле-еле держались, пока мы не приступим к нашей попытке прорваться в каюту.

Маттео вдвоем с другим молодым человеком приступили к работе и только к вечеру следующего дня им удалось сделать то, что требовалось.

На другое утро пленные заметили, что был спущен якорь и корабль простоял два дня неизвестно в какой гавани; впро-

чем, они догадывались, что находятся или у берегов Сицилии, или же на юге Италии. Спустя несколько часов после поднятия парусов они по движению судна поняли, что ветер крепчает; волны с такой силой и таким шумом ударячи о корабль, что внизу пленные с трудом могли переговариваться друг с другом. Они сильно приободрились, когда судно ускорило ход, так как теперь удобный случай, которого они с нетерпением ожидали, давался им, так сказать, прямо в руки. При таком сильном ветре суда будут, конечно, держаться в отдалении друг от друга во избежание столкновения, и всякие крики будут заглушены шумом ветра и бушующих волн.

Как только стемнело и люк среднего трюма был закрыт, молодые люди тотчас же отняли доски, прислоненные к стене, и Франциск со своими товарищами принялись перекладывать мешки в отдаленный угол, так что сделанное матросами отверстие совершенно освободилось. Наконец Франциск проник через проход к матросам.

– Все готово, ребята! – объявил он, войдя к команде. – Ты, Ринальдо, наблюдай за тем, чтобы люди проходили поодиночке. При выходе каждому будет дано в руки оружие и указано место, на котором он должен стоять в ожидании дальнейших приказаний. Не забудь, что необходимо соблюдать строжайшую тишину, чтобы не обратить на себя внимания генуэзцев; иначе – все пропало.

Когда все матросы были вооружены и готовы к нападению, Франциск вошел в отделение, в котором Маттео со сво-

ими товарищами были заняты отрезанием досок под диваном верхней каюты. Он вошел как раз в то время, когда работа их была окончена, и они без больших усилий уже успели снять две отрезанных доски. Двое молодых людей приподняли на руках Франциска настолько, что он мог просунуть голову через сделанное отверстие и оглядеть каюту, в которой, как оказалось, никого не было. Франциск подал условный знак, и его приподняли еще выше, так что половина его туловища просунулась в отверстие; затем он пролез в каюту, подполз под диван и лежал там неподвижно, пока Паруччи и Маттео тоже влезли наверх. Вслед за ними появились и остальные, так что в каюте собралось уже около пятидесяти вооруженных людей, теснившихся друг к другу в маленьком помещении.

– Ну, теперь нас здесь набралось достаточно, чтобы напасть на генуэзцев, приняв в соображение, что они не вооружены и не подготовлены к встрече с нами. Мы выступим сначала поодиночке, – распорядился Франциск, – пока не поднимется тревога, и тогда все должны разом ринуться на наших врагов. Бейте всех прямо рукоятками ваших сабель; нет надобности прибегать к кровопролитию, но помните, что у генуэзцев за поясом всегда имеются ножи, и берегитесь, чтобы не попасться врасплох.

Сказав это, Франциск открыл дверь и, пройдя коридор, пробрался через наружную дверь прямо на середину палубы. Ветер дул хотя сильный, но не такой порывистый, как это им

казалось, когда они находились в трюме. Ночь была очень темная, но глаза Франциска, привыкшие к темноте благодаря долгому пребыванию в трюме, легко отличали почти каждый предмет на палубе. Тут было всего несколько матросов, большинство же команды находилось в своих помещениях. Офицеры стояли на задней части палубы, облокотившись о борт судна. Тихо следом один за другим постепенно пробралось на палубу до тридцати человек пленных. Вдруг один из генуэзских офицеров обернулся и при слабом свете фонаря заметил движение какой-то темной массы людей. Он принял их за своих матросов и крикнул:

– Что вы там делаете? Зачем вы собрались на палубе без приказа?

– Ступайте, Паруччи, – шепотом сказал Франциск, – с вашими людьми вперед; сбейте с ног находящихся на палубе, а потом ворвитесь в помещение матросов и постарайтесь справиться с ними, прежде чем они успеют схватиться за оружие. Я соберу остальных людей и с ними нападу на офицеров.

С этими словами Франциск бросился к дверям каюты и приказал людям следовать за ним, но когда все люди выпали на палубу, то офицер, все еще полагавший, что его команда затеяла бунт, крикнул:

– Что у вас там такое? Чего вы разбегались там?

Франциск вбежал по лесенке на корму, сопровождаемый своими людьми, и прежде чем офицер успел сообразить, что означало это внезапное нападение, и обнажить свою саблю,

он уже был сбит с ног. Капитан и три офицера, стоявшие у руля, обнажили сабли и хотели броситься вперед, но Франциск громко крикнул им:

– Бросьте оружие! Сдавайтесь! Сопротивление бесполезно!

Увидев перед собой группу вооруженных людей, офицеры окаменели от изумления и молча опустили свое оружие. Франциск приказал отвести офицеров в капитанскую каюту и приставить к дверям караул, а сам с другими матросами поспешил на помощь Паруччи. Но там уже все было кончено. Генуэзцы, застигнутые врасплох, сразу же сдались, как только ворвались к ним вооруженные матросы. Судно снова было в руках венецианцев.

– Ринальдо, пошли человека наверх, чтобы он потушил огонь в фонаре. А теперь надо незаметно проскользнуть мимо генуэзских судов.

– Я сейчас насчитал там шестнадцать фонарей, – сказал Маттео.

– Это, вероятно, четырнадцать галер, которые вместе с нами были взяты в плен, а два огня на галерах, которые стерегут их.

Затем Франциск отдал приказание, чтобы люди приготовились к бою, и не прошло пяти минут, как Паруччи доложил, что все готово.

– Синьор Паруччи, отделите пятьдесят человек команды. Я хочу подвести наше судно к ближайшему от нас кораблю

и отбить его у генуэзцев; они не заметят нас, пока мы не подойдем совсем близко к ним. Очень вероятно, что там на каждой галере, как и на «Плутоне», не более пятидесяти человек команды, и мы осилим их прежде, чем они соберутся дать нам отпор. Надо полагать, что в трюмах у них тоже содержатся наши пленные. Тотчас после того, как мы завладеем кораблем, я возвращусь сюда, а вас оставлю с вашей командой на отбитом корабле. Когда вы разместите там взятых в плен генуэзцев, сейчас же освободите из трюма всех наших пленных. Я буду держаться вблизи вас, чтобы мы могли переговариваться с вами, и вы мне сообщите, сколько найдете наших пленных.

Постепенно двигаясь вперед, «Плутон» уже совсем приблизился к кораблю, о котором шла речь, и наконец стал рядом с ним. Только тогда было замечено его появление и послышался с корабля оклик «Куда вы едете? Убирайтесь отсюда, а то пробьете бока корабля. Отчего у вас не зажжен фонарь?»

Франциск дал какой-то невнятный ответ, а минутой спустя «Плутон» уже стоял у левого борта корабля. Сразу несколько рук ухватились за снасти и сцепили корабли абордажными крюками. Затем Франциск вместе со своей командой перелез за борт и вскочил на палубу корабля. Дело обошлось почти без боя. Генуэзцы были так поражены внезапным появлением вооруженных людей на палубе их корабля, что, будучи совершенно безоружными и вовсе не подготовленными

к бою, в смятении отступили, а некоторые беспрекословно сдались, и спустя несколько минут корабль уже находился во власти венецианцев.

– Теперь скорее назад на «Плутон», – скомандовал Франциск, – а то корабли пробьют друг другу бока. Вы, Паруччи, останьтесь пока здесь.

Быстро сняли абордажные крюки, и «Плутон» отчалил от своей добычи. Вскоре, однако, Ринальдо доложил, что на «Плуtone» от полученных им повреждений открылась течь.

– Пошлите сейчас же вниз плотника, Ринальдо, и нескольких матросов законопатить получше пробоины с внутренней стороны и заставьте команду сейчас же выкачивать воду.

«Плутон» все время держался поблизости захваченного им судна, и Паруччи в скором времени крикнул, что он освободил двести человек пленных венецианцев.

– Сейчас же раздайте им оружие! – закричал ему в ответ Франциск. – Потушите ваши огни и, ни минуты не медля, сразу нападайте на корабль, на котором виднеется свет с правого борта вашего корабля; я заберу его с собой в порт. Как только вы завладеете этим кораблем, сейчас же спустите паруса на обоих кораблях; оставьте только один маленький передний парус.

«Плутон» отошел от взятого в добычу корабля и направил ход к другому, ближайшему кораблю, которым удалось завладеть так же легко, как и первым, но на этот раз у «Плу-

тона» сорвало ванты-путины⁵, и грот-мачта⁶ с треском свалилась набок.

На этом корабле оказалось всего сто пленных венецианцев. Они были вне себя от удивления и восторга, когда узнали, что корабль опять в руках венецианцев. Франциск приказал им, чтобы они в течение ночи держались как можно ближе к его судну, так как возможно, что потребуется их помощь. Некоторое время буря все более и более усиливалась. Когда Франциск со своими судами удалился настолько, что огни гонуэзских галер исчезли из виду, он велел поднять фонарь для того, чтобы дать сигнал другим его кораблям.

С наступлением утра буря совсем утихла, и Франциск тотчас же велел команде поднять мачту и приладить ее на место. Задача эта была далеко не из легких, так как огромные волны сильно качали судно. К полудню, однако, мачта была установлена и можно было ставить паруса.

К этому времени Паруччи успел нагнать их с захваченным им кораблем.

На грот-мачте «Плутона» взвился флаг с изображением льва Святого Марка и, как только еще несколько таких же флагов были подняты и на других судах, крики восторга команды слились в одно общее ликование.

---

⁵ Смоляные канаты, держащие мачту с боков.

⁶ Средняя мачта.

Глава XVII

Неблагодарная республика

– Вот чудесно, Франциск, – воскликнул Маттео, – что нам удалось отбить у генуэзцев наши суда.

– Это, конечно, прекрасно, но могло бы быть и еще лучше, – возразил Франциск. – Не будь такой бури, мы могли бы забрать и все наши суда; правда, что при таких неблагоприятных условиях мы все-таки сделали все, что только можно было сделать.

– Еще бы! – отвечал Маттео. – Мне никогда не пришло бы в голову, что нам удастся вырвать у генуэзцев «Плутона». Мне казалось, когда ты начал об этом говорить, что ты сошел с ума и бредишь о чем-то несбыточном.

– Стыдно было бы нам, располагая двумя с лишком неделями времени и отрядом в сто пятьдесят человек, оставаться в плену под охраной всего каких-нибудь пятидесяти воинов. Теперь, Маттео, подай Паруччи сигнал, чтобы он приблизился к нам. Возможно, что мы опять столкнемся с генуэзцами, а так как у Паруччи теперь до двухсот человек на судне, то он может с нами поделиться своими людьми.

Паруччи исполнил это требование; четыре судна поставили паруса и поплыли по направлению к югу.

– Желал бы я сегодня утром видеть выражение лица у

адмирала генуэзской эскадры, – начал Маттео, – когда он вдруг узнал, что у него за ночь исчезли целых четыре корабля. Удивляюсь, право, отчего он не распорядился, по крайней мере, послать свои галеры в погоню за нами?

– Может быть, он и сделал это, – возразил Франциск, – но к утру мы уже успели уйти от него на сто миль, и погоня за нами задержала бы его здесь слишком долгое время.

На обратном пути в Венецию они не встретили больше ни одного вражеского судна. Франциск удержал за собой главное начальствование над маленькой эскадрой, так как капитаны судов и другие высших чинов офицеры остались в плену на другой галере.

Четыре отбитых у генуэзцев судна беспрепятственно вошли с развевавшимися на их мачтах венецианскими флагами в канал Лидо.

Как только они стали на якорь, сейчас же распространилась весть о прибытии четырех галер Пизани, благополучно отбитых у генуэзцев, и жители Венеции пришли в неописуемый восторг.

Множество маленьких лодок окружили прибывших, и торжествующие крики собравшихся приветствовали благополучное возвращение кораблей. На палубах уже теснился народ, разыскивая среди прибывших своих родных и друзей. Свой восторг при встрече с близкими и свою печаль о погибших они выражали с горячностью, присущей только жителям юга.

Одним из первых, поспешивших навстречу прибывшим, был, конечно, Полани; он знал, что среди вошедших в гавань судов находился также «Плутон».

– Каким чудом вы-то возвратились сюда, Франциск? – спросил он, радушно приветствуя молодого человека.

– Чуда тут, положим, никакого нет, синьор Полани. Генуэзцы вообразили, что пятьдесят человек могут устеречь сто пятьдесят венецианцев, ну а мы их проучили – вот и все!

– Вовсе не мы, – вмешался Маттео, здороваясь с Полани. – Мы и по сей час лежали бы в трюме, если бы нас не выручил Франциск. Все это было делом его рук.

– Я, конечно, так и полагал, что вы рано или поздно вырветесь из плена у генуэзцев. Расскажите же, как все это случилось.

– Если вы не откажетесь подвезти меня в вашей гондоле до Пьяццы, то дорогой я вам расскажу обо всем, – сказал Франциск. – Как это ни кажется странным, но в настоящую минуту я состою главным командиром прибывшей эскадры и поэтому обязан, как командир, явиться в Совет, чтобы дать ему обо всем отчет.

– А как адмирал? Благополучно ли он возвратился и не пострадал ли сам? – продолжал Франциск. – Мы видели, как он на своей галере вместе с пятью другими галерами пробился через строй генуэзских кораблей и благополучно от них скрылся, но остался ли он сам невредим – этого мы не знаем.

– Он благополучно вернулся в Венецию, – сказал Пола-

ни. – Но вы, зная хорошо венецианцев, не будете очень удивлены, если я вам сообщу, что он приговорен к шестимесячному тюремному заключению за то, что проиграл сражение.

– Это возмутительно! – в негодовании воскликнул Франциск. – Он был против того, чтобы сражаться, и вступил в бой только уступая настояниям проведиторов. Это вопиющая несправедливость.

– Да, это очень грустная история, – сказал Полани. – Насколько Пизани популярен в народе, настолько же он мало пользуется любовью венецианских вельмож. Они просто завидуют его славе. Сначала даже хотели приговорить его к лишению жизни, так что он, можно сказать, еще счастливо отделался тюрьмой. Впрочем, его пребывание в тюрьме не может долго продлиться, так как со дня на день ожидают появления сюда генуэзского флота, и тогда, конечно, Пизани пойдет навстречу ему. Когда Венеции будет грозить опасность, тогда сам народ потребует его освобождения.

Тотчас по получении радостного известия о возвращении судов, в Совет стали собираться его члены, и, когда доложили о приходе Франциска, он без замедления был приглашен в зал. Вместе с ним вошел туда и Полани.

– Кажется, мы имели случай видеть этого молодого человека раньше, – сказал один из членов Совета.

– Да, синьор, вы совершенно правы. Вы, конечно, припомните, как он отличился в сражении под Антием и какую честь Совет оказал ему, даровав ему права гражданина Венеции, –

отвечал на это Полани.

– Да, мы хорошо помним это, – отвечали некоторые из членов Совета.

– Привез ли он с собой отчет командира эскадры для передачи нам? И почему не явился сюда сам командир?

– Он стоит перед вами, синьор, – заявил Полани, – Франциск Гаммонд является перед вами в качестве командира четырех прибывших кораблей и занимает этот пост не только по своим выдающимся способностям, но и потому, что только благодаря его отваге венецианцам удалось вновь завладеть нашими судами, вырвав их из рук генуэзцев. Теперь, синьоры, молодой Гаммонд сам даст вам подробный отчет обо всем случившемся.

Франциск коротко, но деловито объяснил, как ему удалось освободить корабли из рук генуэзцев.

Один из членов Совета, замещавший дожа, обратился с благодарственной речью к Франциску и в заключение сказал:

– Услуги, оказанные вами государству, столь велики, что трудно их оценить по достоинству. Мы в скором времени обсудим вопрос о том, каким образом выказать нашу признательность за ваши выдающиеся заслуги, пока же мы утверждаем вас в занимаемой вами должности командира прибывшей с вами эскадры.

Франциск поблагодарил президента за оказанную ему честь, но отклонил от себя командование эскадрой, заявив, что не желает покидать службу у Полани.

Из Совета Франциск отправился в палаццо Полани, где его с нетерпением ожидали Мария, ее супруг и Джулия. Около Франциска собрались все его преданные друзья и, перебывая один другого, осаждали его вопросами, желая из его собственных уст узнать подробности радостного события.

– Вероятно, вы очень порадуетесь, – перебил оживленные разговоры присутствовавших синьор Полани, – когда узнаете, что мне удалось наконец разыскать вашего бывшего слугу Джузеппе. Он два дня назад прибыл сюда; наверное, он где-нибудь теперь внизу и ждет не дождется, чтобы повидаться с вами.

– Я сейчас же пойду к нему, – сказал Франциску. – Вы меня очень обрадовали этой новостью! – И он стремительно выбежал из комнаты.

Спустя два дня жителям Венеции было объявлено, что Совет, в воздаяние великих заслуг перед государством гражданина Венеции Франциска Гаммонда, постановил выдавать ему пожизненную ренту в триста дукатов ежегодно.

– В деньгах вы, конечно, не нуждаетесь, – сказал Полани Франциску, узнав об этом постановлении Совета, – так как я решил сделать вас пайщиком в моих делах. Не благодарите меня, потому что я все-таки остаюсь вашим неоплаченным должником. А так как деньги вам не нужны теперь, то пожертвуйте их в пользу бедных; этим вы приобретете еще большую популярность в Венеции.

– Я очень счастлив, что буду в состоянии сделать доброе

дело, – радостно сказал Франциск, – хотя, кажется, популярность в Венеции очень непрочна. Мы видим это на бедном Пизани, которого еще недавно народ встречал восторженными криками и которого тем не менее популярность не спасла от немилости и тюрьмы.

– От тюрьмы она его не спасла, это правда, но зато, наверно, спасла его от смертного приговора. Верьте моему слову, что его непременно казнили бы, если бы не боялись этим разгневать народ. Популярность – великая сила; пользуясь ею, можно направить народ на великие деяния, в особенности в таком городе, как Венеция, где люди так склонны к личной вражде и тайной мести.

К счастью для Венеции, генуэзцы после своей победы у Пола, ограничились только завоеванием мелких венецианских владений, а не напали на самую Венецию. Но около конца июля 1379 года появилось 17 генуэзских кораблей у Палестрины, генуэзцы подожгли стоявшее там купеческое судне, затем они направились далее, в Далмацию.

Неделю спустя показались близ Венеции еще шесть генуэзских галер. Тогда адмирал Джустиниани, теперь уже назначенный главным начальником венецианских морских сил, отплыл с таким же числом судов из Лидо, чтобы сразиться с врагом. На пути они увидели в воде какой-то темный предмет, и когда приблизились к нему, то оказалось, что то был человек. Его тотчас же взяли на корабль, и тогда разъяснилось, что это был венецианец, бывший в плену у генуэзцев.

Ему удалось бежать, и он решил плыть до берега, чтобы известить своих соотечественников, что соединенный генуэзский флот в числе семидесяти четырех судов, под командой Пьетро Дориа, приближается к Венеции. Генуэзцы, выслав вперед только шесть своих кораблей, употребили хитрость, чтобы ввести в заблуждение венецианцев и заставить их начать сражение. Как только Джустиниани узнал об этом, он тотчас же повернул свои корабли обратно к Венеции и едва успел подплыть к гавани, как вдали уже показался соединенный генуэзский флот. Венецианцы благодаря полученному ими вовремя предостережению выиграли время, чтобы приступить к необходимым приготовлениям для встречи врага; таким образом, когда генуэзцы приблизились, то, к своему удивлению, нашли каналы Лидо и Маламокко уже загроможденными потопленными кораблями, частоколами и цепями, так что проникнуть до самой Венеции не было возможности. Тогда они стали удаляться, не теряя, однако, надежды отыскать другой путь, по которому они могли бы подступить к Венеции и завладеть ею. Если бы венецианцы прибегли к такому же средству для заграждения всех других каналов Венеции, какие употребили для заграждения каналов Лидо и Маламокко, то, конечно, она могла бы противостоять всяким попыткам завладеть ею. Но, к несчастью, канал у Брандоло не был загражден. Его хотели оставить свободным до последней минуты, чтобы окончательно не запереть выхода торговым судам. Внезапное появление Дориа у Брандоло

расстроило все планы венецианцев, и генуэзский флот без труда проник в канал. Малая Чиоггия – часть города, отделявшаяся от самого города Чиоггия, лежащего на расстоянии двадцати миль от Венеции, каналом Святой Екатерины, без труда была занята генуэзцами. Зато мост, построенный через канал, был сильно укреплен бастионами и редутами, и здесь именно некий Пьетро Эмо с отрядом в три тысячи пятьсот человек оказал храброе сопротивление генуэзцам.

Венецианцы выставили здесь свои орудия, и двенадцатого августа генуэзцы открыли сражение. Венецианцы стойко выдерживали нападение врага, и три дня длилась ожесточенная битва. Все, казалось, клонилось в пользу венецианцев; генуэзцы понесли большие потери и не могли причинить особенного вреда тяжелым орудиям, стоявшим при входе на мост. Население Венеции находилось все эти дни в большом волнении, не теряя, однако, надежды отстоять Чиоггию; но если бы эта надежда не оправдалась, то ужасные последствия, которые повлекло бы за собою ее падение, были слишком очевидны для всех. В таком случае генуэзский флот легко мог из Чиоггии двинуться по Большому каналу вплоть до самой Венеции, своими же легкими галерами враги запрудили бы лагуны и отрезали бы всякое сообщение Венеции с материком и этим обрекли бы город на голод.

Полани не предвидел хорошего исхода из критического положения, в котором они находились.

Множество драгоценностей он велел зарыть в подвалы

под своим дворцом, много вещей было перенесено на один из его кораблей, стоявший в гавани наготове к отплытию; на этом же корабле должны были уехать Мария и Джулия, по желанию самого Полани, под защитой мужа его старшей дочери, в случае, если бы генуэзцам удалось завладеть городом.

Сам Полани отправился вместе с Франциском в Чиоггию, чтобы удостовериться лично, в каком положении находилось дело.

Франциск часто посещал гавань, чтобы присматривать за кораблями Полани, и там, беседуя с матросами, не раз высказывал, что если генуэзцы и падуанцы осмеливаются осаждать Чиоггию, то только потому, что очень хорошо знают, что Пизани больше не командует флотом.

– Я считаю, что бедствие, которое претерпевает в настоящее время Венеция, ниспослано на ее обитателей в наказание за неблагодарность по отношению к храброму адмиралу, – часто повторял он. – Я уверен, что победа склонится на нашу сторону только тогда, когда Пизани опять станет во главе флота. Джустиниани, несомненно, человек способный, но разве можно сравнить его с Пизани? Я готов биться об заклад, что будь командиром Пизани, вся Венеция как один человек поднялась бы, чтобы защищаться от врага, как защищаются рои пчел, когда нападают на их улей. Какие у нас сделаны приготовления? Разве затопленные корабли и прочие запруды могут предохранить Чиоггию от нападения врага? Генуэзцы в своих узких быстроходных лодках все-таки

могут проникнуть в наши каналы, а потом, завладев нашими островами, доберутся и до самой Венеции. Разве все эти суда стояли бы в бездействии, если бы распоряжался Пизани? Передайте вашим товарищам, скажите матросам в гавани, скажите всем и везде, что народ требует освобождения из тюрьмы Пизани и назначения его вновь на прежнюю должность начальника флота, иначе Венеции угрожает гибель.

Глава XVIII

Освобождение Пизани

Однажды утром семья Полани сидела за завтраком, как вдруг Мария вскочила со своего места и вскричала:

– Тише! Слушайте! Слушайте!

Все стали прислушиваться и вскоре действительно услышали какой-то отдаленный торжественный звон колокола.

– Это колокол Кампанильи, – воскликнул Полани, – призывающий всех граждан взяться за оружие! Должно быть, получены какие-либо важные известия.

Он поспешно схватил оружие и направился к площади Святого Марка. Франциск, надев панцирь и стальной шлем, последовал за Полани. На площади перед дворцом теснилась густая толпа; взоры всех собравшихся были устремлены на дворец, как бы ожидая оттуда объяснения этого внезапного призыва к оружию. Все стояли с серьезными и мрачными лицами.

Наконец на балконе дворца появился дож в сопровождении членов Совета. Глубокое молчание сразу воцарилось в толпе, колокольный звон умолк, и все затаили дыхание. К перилам балкона приблизился один из членов Совета и обратился к толпе, так как дож, вследствие своих преклонных лет, не был в состоянии говорить так громко, чтобы его мог-

ла слышать толпа.

– Граждане Республики! – начал он, – Имейте мужество выслушать печальную весть, которую я должен вам сообщить: Чиоггия пала!

Толпа разразилась криками ярости и скорби, но оратор поднял руку, и все умолкли.

– Это очень грустная весть, но пока нет основания впасть в отчаяние, – продолжал он, – Если только Венеция верит в свои силы, как это было до сих пор, то не сомневайтесь в том, что и на этот раз мы отстраним эту грозу, как удавалось нам отстранять многие другие. Чиоггия пала вопреки всем нашим надеждам! Но мы с гордостью можем сказать, что ее падение нельзя приписывать недостатку мужества нашего храброго войска. Нет! Падение Чиоггии зависело от совершенно непредвиденной случайности. Огонь охватил один из генуэзских кораблей, наши же войска подумали, что горит городской мост. Генуэзцы, с целью произвести смятение, подняли крики: «Пожар, пожар, мост горит!» – и в это время стали наступать, так что наши войска принуждены были отступить в сильном беспорядке. У моста Эмо со своими храбрецами пытался оказать сопротивление, но был оттеснен неприятелем. У него уже не было времени, чтобы собрать свои войска; неприятель наступал сильнее, и, наконец, генуэзцы, смешавшись с венецианцами, ворвались в город. Вот как была завоевана Чиоггия. У нас убито до восьмисот шестидесяти человек, а четыре тысячи взяты в плен.

Громкие крики отчаяния раздались среди толпы; у многих были родные и друзья в числе сражавшихся, и для них это известие было тяжелым ударом. Теперь враге была открыта дорога в Венецию. Уже через несколько часов вражеские суда могли появиться в каналах Венеции. Члены Совета употребляли все усилия, чтобы не дать распространиться унынию среди народа. Дожд лично принял выборных от граждан и своим спокойным видом и уверенностью в том, что удастся отстоять Венецию, много способствовал успокоению первых порывов отчаяния, овладевшего народом. Несколько часов спустя в городе стало известно, что к владетелю Падуи и к Дориа отправлены послы с предложением условий мира.

На другое утро был получен ответ на предложенные условия мира. Князь Падуанский отвечал, что он не отказывается принять предложенные условия, но что окончательное решение вопроса о мире зависит от его союзников. Дориа же, с своей стороны, рассчитывая, что он неминуемо завладеет Венецией, решительно отказывался вступать в какие-либо переговоры о мире.

– Нет, господа венецианцы, – воскликнул он язвительно, – не дожидаться вам мира ни от Падуи, ни от нас. Что касается пленных, – продолжал он, указав на нескольких высокопоставленных генуэзцев, находившихся в плену у венецианцев и которых они теперь привели с собой, желая умиловить генуэзцев, – то можете увести их обратно, они мне не нужны. Через несколько дней я сам явлюсь к вам и освобожу из

ваших тюрем и их, и всех забранных вами пленных.

По получении этого ответа раздались снова удары колокола Кампанильи, призывавшие народ собраться ко дворцу.

Один из членов Совета, Пьетро Мочениго, сообщил от имени: дожа о неминуемой опасности, угрожающей Венеции, и заявил, что после такого наглого ответа Дориа остается возложить все надежды единственно только на собственные силы и что всякий, кто хочет защищать отечество и свой очаг, должен тотчас же встать под знамена. В ответ раздались громкие крики:

– К оружию! Вперед, на бой! Лучше умереть на поле битвы, чем сделаться рабом ненавистного врага!

Все способные носить оружие были призваны под знамена. У государства не хватало средств на предстоявшие военные расходы, и пришлось обложить население новыми налогами, но, кроме того, еще была открыта добровольная подписка, давшая громадную сумму в 6 294 040 лир. Надо было назначить главнокомандующего, и на этот пост правительство избрало Таддео Джустиниани.

Для укрепления города поспешно возводились валы и оборонительные стены. С целью заградить проход неприятельским судам у Сан-Николо построили две деревянные башни. Народ был готов на всякие жертвы и беспрекословно подчинялся всем распоряжениям. Граждане усердно обучались владеть оружием и усиленно работали над возведением укреплений; но с того момента, как распространилось изве-

стие о назначении главнокомандующим Джустиниани, народ стал как будто пасмурнее и обнаруживал недовольство. Хотя венецианцы, в сущности, не питали никаких неприязненных чувств к Джустиниани, представителю одного из самых знатных венецианских семейств, но тем не менее каждый прекрасно сознавал, что при таком отчаянном положении Венеции во главе обороны должен был бы находиться более опытный человек. Матросы в гавани первые начали называть имя Пизани. Мало-помалу имя его стали произносить все чаще и чаще, пока наконец не настал день, когда собравшаяся на Пьяцетте толпа с угрожающими криками стала прямо требовать освобождения из-под ареста Пизани. Волнение приняло наконец такие размеры, что пришлось поспешно созвать Совет, который после долгих и горячих препирательств уступил в конце концов желанию народа.

Был уже поздний вечер, когда посланные Советом сенаторы, сопровождаемые волнующейся толпой, приближались к тюрьме, чтобы объявить Пизани, что он освобожден и что его ожидают дож и члены Совета.

Пизани выслушал это известие совершенно спокойно и ответил, что предпочел бы провести ночь в своем заточении, чтобы обсудить вопрос о защите Венеции и явиться в Совет только на другое утро.

Рано утром на следующий день снова толпились посланные и народ у ворот тюрьмы. Наконец ворота открылись, и из них вышел Пизани с тем же спокойным и ясным выраже-

нием, которое всегда привыкли видеть на его лице.

Громкие крики: «Да здравствует Пизани! Да здравствует Святой Марк!» – приветствовали его появление; несколько матросов подняли его на плечи и торжественно понесли ко дворцу. На лестнице он был встречен дожем и членами Совета. По выходе из Совета его приветствовали громкие крики ликующей толпы, которая на руках понесла своего любимца к его дому в Сан-Фантино.

В скором времени среди народа распространилось известие, что Пизани назначается губернатором Лидо, а главнокомандующим остается все-таки Джустиниани. Известие это привело народ в ярость. Шестьсот человек выборных бросились к Совету и от имени пятидесяти тысяч венецианцев заявили, что ни один из них не ступит ногой на галеру, прежде чем Пизани не сделают главнокомандующим всеми морскими и сухопутными силами страны. Опасаясь нового взрыва народного негодования, Совет Десяти сдался на это требование.

К счастью для венецианцев, враги их не воспользовались четырьмя днями, протекшими со дня завоевания Чиоггии до назначения Пизани главнокомандующим вследствие разногласий, возникших между Дориа и Каррара – властителем Падуи. Дориа хотел приступить к осаде Венеции и принудить ее голодом к сдаче, Каррара же настаивал на том, чтобы внезапно напасть на город.

Спустя несколько часов после освобождения Пизани к

нему явился синьор Полани вместе с Франциском.

– Добро пожаловать, друзья мои, – встретил их адмирал. – Ну вот, пришлось и мне побывать в тюрьме. Но это уже дело прошлое, а теперь надо думать о будущем.

– Я пришел к вам, адмирал, чтобы отдать в ваше распоряжение все мои корабли для защиты города, – сказал Полани.

– Благодарю вас, друг мой. Конечно, они очень пригодятся нам. Вы, синьор Гаммонд, на днях будете мною назначены на пост командира галеры. Я не смотрю ни на возраст, ни на чины; я забочусь лишь о том, чтобы лучшие люди занимали лучшие места.

– Я, конечно, предпочел бы занять место личного адъютанта при вас, адмирал, – сказал Франциск. – Я еще слишком молод, чтобы занимать ответственную должность командира.

– Что ж, устроим так, если вы этого непременно хотите. Приходите ко мне завтра утром, и мы с вами обсудим это дело, а теперь у меня нет времени.

Пизани прежде всего позаботился о том, чтобы по возможности наилучшим образом защитить город от нападения врагов. В три дня он снарядил двадцать шесть галер. Все население проявило необычайную деятельность: мужчины работали изо всех сил; женщины приносили свои драгоценные украшения, чтобы обменять их на деньги; все как будто старались превзойти друг друга.

Снарядив корабли, Пизани счел необходимым тщательно

ознакомиться с оборонительными мерами, предпринятыми до него Джустиниани. Обе деревянные башни он признал совершенно бесполезными, так как неприятель легко мог разрушить их, и распорядился на их месте построить две каменные башни. Когда Джустиниани узнал об этом, он пришел в ярость и вместе с своими приверженцами начал подстрекать рабочих, чтобы они противились распоряжениям Пизани и даже прекратили работу. Как только Пизани узнал об этом, он немедленно поспешил к месту постройки. Он не стал тратить время на уговоры, а схватил в руки лопатку и, положив первый камень на место, вскричал:

– Кто чтит Святого Марка, тот последует моему примеру!

Слова эти магически подействовали на толпу, рабочие беспрекословно взялись опять за работу и даже окружающие их посторонние люди стали помогать таскать камни. Все проявляли такое необычайное усердие, что спустя четыре дня обе башни уже были готовы. Вместо того чтобы подвергнуть Джустиниани наказанию за его поступок, Пизани назначил его командиром трех больших кораблей.

Положение адъютанта, которое занимал Франциск, доставляло ему немало работы вследствие непосредственной его близости к такому деятельному адмиралу. Беспреданно приходилось ему спешить из одного места в другое, чтобы следить за ходом производившихся работ и давать об этом отчеты Пизани. Работы производились непрерывно днем и ночью, и сам Пизани и Франциск в течение целой недели не

знали ни сна, ни отдыха.

Упустив восемь дней драгоценного времени, неприятель двадцать четвертого августа наконец выступил вперед. Часть генуэзского флота направилась к Сан-Николо, падуанцы же – к Сан-Спирито и Санта-Марии. Но венецианцы, вполне подготовленные к нападению, дали сильный отпор неприятелю. Дориа был в полной уверенности, что ему удастся под покровом ночи подвигаться вперед, оставаясь не замеченным венецианцами, и был в высшей степени разочарован, когда они отразили его нападение. Каррара тоже был вне себя от гнева и, со своей стороны, тотчас же отозвал свои войска. Дориа оставался до начала октября у стен Венеции, но когда наконец убедился, что она была настолько хорошо защищена, что о взятии ее приступом нечего было и думать, он сосредоточил свой флот у Чиоггии, рассчитывая, что в конце концов Венеция все-таки падет жертвой голода.

Действительно, в Венеции царил страшная нужда. Всякое сообщение с материком было совершенно отрезано. Только однажды удалось одному кораблю со съестными припасами проскользнуть мимо генуэзских галер, но что значил груз одного корабля, когда в продовольствии нуждалось все население города? Богатые люди делали, со своей стороны, все, что могли, чтобы сколько-нибудь уменьшить страшную нужду народа.

Ослабевшим и полуголодным венецианцам было не под силу бороться со своими противниками, ни в чем не терпев-

шими недостатка; тем не менее, однако, венецианцы еще не потеряли надежды на отвоевание Чиоггии, они ждали на подмогу Зено, о скором прибытии которого получили тайные сведения.

До сих пор Зено победоносно подвигался вперед и уже находился у берегов Кандии. Ему был послан приказ, чтобы он поспешил для защиты Венеции от угрожавшего ей неприятеля.

Тем временем правительство снова обратилось с воззванием ко всем гражданам, чтобы собрать возможно большую сумму денег, и благодаря готовности каждого жертвовать всем своим достоянием, лишь бы только отстоять отечество, собрали такую громадную сумму денег, что уже к декабрю были вполне снаряжены шестьдесят кораблей, четыреста лодок различного рода и тридцать четыре военных галеры. Сам дож, несмотря на свой преклонный возраст, объявил, что он принимает на себя общее командование всеми военными силами, а Пизани назначает своим адъютантом и адмиралом.

В это время Франциску редко приходилось посещать семейство Полани, так как служебные обязанности удерживали его около Пизани. Мария возвратилась в дом своего отца, так как ее муж должен был находиться на своем служебном посту. Она поражала всех своим спокойствием и хорошим расположением духа. Вместе со своей сестрой она в редкие посещения Франциска развлекала молодого человека и поддерживала в своем отце бодрость духа среди общего уныния.

Большинство кораблей Полани находилось на службе у правительства, а некоторые более мелкие суда постоянно крейсировали взад и вперед между берегами Далмации и Венеции, пытаясь провозить провиант через линию геновских судов.

Во дворце Полани сохранялась быстроходная гондола Франциска. Теперь он ее разыскал, привел в порядок и в сопровождении Джузеппе или других искусных гребцов часто ездил на ней по каналам Венеции, развозя по самым отдаленным постам приказы своего адмирала, причем нередко случалось, что неприятель гнался за ним по пятам, но он всегда счастливо ускользал от него. Однажды вечером Пизани призвал к себе Франциска и сказал ему:

– Ваша лодочка уже не раз сослужила мне службу, и вот сегодня ночью вам предстоит новая работа: отправляйтесь на своей гондоле и разузнайте, не переменял ли противник места стоянки своего флота. В особенности мне желательно знать, как велики силы неприятеля у каналов Чиоггия и Брандоло и у Ломбардского залива.

Франциск поспешил сделать необходимые приготовления для поездки.

– Джузеппе, – сказал он, – подыщи мне на сегодняшнюю ночь гондольера родом из Чиоггии, который знал бы ее вдоль и поперек. Нужен человек смысленный и храбрый.

– У меня такой человек есть на примете, синьор.

– Хорошо, тогда приведи его сюда, да найди мне еще двух

или трех старых матросов родом из Чиоггии.

– Правда ли, что наш флот завтра снимается с якоря, Франциск? – спросила Мария, когда молодой человек явился к Полани. – Об этом везде говорят.

– Да, совершенно верно!

– А когда же вы возвратитесь?

– Это трудно сказать, – отвечал улыбаясь Франциск. – Может быть, через несколько дней, а может быть, и через несколько месяцев.

– Разве предполагается совершить нападение на генуэзцев?

– Нет, если только можно избежать этого. Они гораздо сильнее нас.

– Так зачем же вы отправляетесь в море?

– Мы хотим их поймать там в ловушку.

– Перестаньте шутить, Франциск. Как это вы поймаете в ловушку генуэзские галеры!

– Пизани хочет запереть все проходы вокруг Чиоггии, так что генуэзцы не только будут лишены возможности напасть на нас, но окажутся запертыми со всех сторон, и тогда мы поступим с ними так, как они поступили с нами.

– Превосходно, чудесно! – вскричала Мария. – Ваш Пизани великий человек.

– Да, но я еще не уверен в успехе этого предприятия; впрочем, другого исхода нет, и поневоле приходится испытать это средство.

Полани сильно призадумался, когда узнал о поручении, которое было возложено на Франциска; Джулия вся побледнела, а Мария с раздражением сказала:

– Неужели вам всегда надо пускаться навстречу опасности, Франциск? Вы не венецианец и вовсе не обязаны рисковать своей жизнью для Венеции.

– Я и не напрашивался на это поручение, – возразил Франциск. – Мне оно было дано адмиралом, и если бы я даже и захотел отказаться от исполнения его, то не имел бы права этого сделать. Адмирал знает, что моя гондола самая быстрая из всех здешних и ни одной гонуэзской весельной лодке не угнаться за ней.

Спустя полчаса явился Джузеппе с гондольером, о котором он говорил, и двумя старыми рыбаками из Чиоггии, которые подробно описали Франциску всю местность, и при помощи справок по находившейся у Полани карте Франциск в короткое время прекрасно ознакомился с тем местом, куда ему предстояло ехать. Он сговорился с гондольером насчет ночной поездки, отпустил рыбаков и приказал Джузеппе освободить лодку от излишнего балласта, чтобы сделать ее насколько возможно легкой на ходу.

Глава XIX

Осада Чиоггии

Только уже под вечер Франциск вместе с Джузеппе и Филиппо, гондольером из Чиоггии, сел в свою гондолу, и спустя полтора часа после того они высадились в Палестрине. Там Франциска знали как адъютанта Пизани, и, лишь только стемнело, Руфино Джустиниани, занимавший там должность командира, приказал перенести на руках легкую гондолу, но желанию Франциска, через остров к Маламоккскому каналу. Тем временем Франциск, сидя в палатке Руфино, передал ему обо всем происходившем в Венеции и сказал, что завтра утром весь флот снимется с якоря.

– Значит, слухи, ходившие среди народа, оказываются справедливыми! – заметил Руфино. – Но о чем же думает адмирал? Неужели он хочет отважиться напасть на Дориа, имея под своим начальством только что набранные и ничему не обученные команды и войско, составленное из разных бродяг? Неужели он рассчитывает на успех при таких условиях?

– Намерения и планы адмирала составляют глубокую тайну, – возразил Франциск, – и в эту тайну посвящены только сам дож и члены Совета Десяти.

– А вам она известна? – спросил улыбаясь Руфино.

– Да, но я обязан свято хранить эту тайну, и ни за что не решусь открыть ее вам.

– Вы правы, Франциск, но, хотя вы умалчиваете о вашей тайне, я уверен, что моя жена и ее сестрица Джулия Полани кое-что знают о ней, – отвечал Руфино.

Франциск в ответ только улыбнулся.

– Они обе смотрят на меня как на родного брата, и я не скрою, что им кое-что известно.

– Да это и весьма понятно, – сказал Руфино. – А! Вот и Маттео. Он расставлял ночные караулы.

В течение уже нескольких недель обоим друзьям не удалось беседовать друг с другом, хотя они встречались каждый раз, когда Франциск приезжал на остров по своим служебным обязанностям.

– Я сейчас видел, как пронесли мимо твою гондолу, – начал Маттео, войдя в палатку. – Сначала я не мог понять, что бы это значило, но когда увидел Джузеппе, то мне все стало ясно. Ты, собственно, зачем явился сюда? Вероятно, поразведать насчет генуэзцев?

– Да, хочу постараться кое-что разузнать.

– А ведь это блестящая мысль перенести лодку через остров, чтобы попасть в канал Маламокко!

Разговор их был прерван появлением в палатке солдата, доложившего, что гондола спущена на воду, и Франциск поспешил распрощаться.

– Гребите не торопясь и старайтесь как можно меньше шу-

мать, – приказал он, усевшись в гондолу.

Легкая лодка бесшумно скользила по воде. Они пересекли главный канал и теперь плыли по одному из многочисленных боковых каналов; в недалеком расстоянии от них уже виднелось в воде отражение огней Чиоггии. Они приостановились и стали прислушиваться, а затем осторожно направились к более глубокому каналу, где против Чиоггии стояли неприятельские корабли. До их слуха уже доносились людские голоса и глухие звуки шагов генуэзских матросов, ходивших взад и вперед по кораблю.

– Это сторожевые галеры, – сказал Франциск. – Я думаю, что мы проберемся по мелководью, лишь бы нам не наскочить на цепь, преграждающую вход в канал.

– Мы-то проскочим, – отвечал Филиппо, – но тяжелые суда, разумеется, там не пройдут! А уж в случае чего мы можем пройти вброд, а гондолу перенесем через цепь.

Дело обошлось, однако, лучше, чем они ожидали; правда, лодка не раз задевала о дно, но все-таки они двигались вперед.

– Теперь мы опять в глубоком месте, синьор; цепь, протянутая через канал, осталась позади. До города всего каких-нибудь сто футов.

– Значит, мы будем проезжать сейчас мимо генуэзских галер. Гребите медленнее, – сказал Франциск, – и по временам всплескивайте веслами, чтобы они нас приняли за мирных рыбаков и не подумали, что мы пробираемся в канал тайком.

Споро они увидели перед собой темную массу кораблей с целым лесом высившихся мачт.

В каютах виднелись огни, в тишине ясно раздавались говор, смех и пение матросов.

– Много наловили сегодня? – спросил один из генуэзских матросов, когда лодка Франциска близко проплывала мимо галеры.

– Нет, сегодня неважный улов, – отвечал Джузеппе. – Ваши корабли да стрельба распугали всю рыбу.

Когда они миновали последний корабль, Филиппо обратился к Франциску:

– Позвольте мне высадиться здесь на берег, синьор. Здесь неподалеку живут знакомые, я живо добегу до них и поразую, нет ли каких-нибудь новостей!

– Мысль недурная, Филиппо. Ступай скорее. Мы подождем тебя здесь.

Через двадцать минут гондольер уже возвратился к ним.

– Я видел нескольких знакомых, и все они сказали, что генуэзцы и не думают трогаться с места и никто не помышляет даже, чтобы венецианцы решились выступить в море и напасть на них. Я, конечно, держал язык за зубами.

– Прекрасно, Филиппо, – сказал Франциск. – А теперь мы посмотрим, не стоят ли корабли у входов в каналы.

Несколько пылающих огней указывали на то, что на суше были солдаты, но никаких кораблей близ берега они не видели. После краткого совещания они решили объехать острова

и через третий проход, который им предстояло исследовать, пройти между Палестриной и Брандоло.

Лишь только они достигли канала, навстречу им показалась большая весельная лодка и послышался оклик.

– Стой! Весла долой! Чего вы тут шныряете по ночам? Кто вы такие?

– Рыбаки, – отвечал Филиппо, не поднимая весел.

– Стой, говорю вам! – вскричал сердито офицер. – Тут и днем не позволяется проезжать по каналу, а ночью и подавно. Слышите вы?

Гондольеры продолжали все-таки грести, пока наконец значительно перегнали лодку.

– Смотрите, там еще две лодки впереди нас, синьор, – сказал Джузеппе. – Они хотят преградить нам путь. Я думаю, мы не попадем к Палестрине.

– Тогда направляйте лодку на Брандоло.

Гондола изменила направление, а стоявшие впереди генуэзские галеры тотчас направились к ней; но, несмотря на большое число весел, все-таки им не удалось угнаться за гондолой, и уже через пять минут галеры начали отставать.

– Ну, теперь мы выбрались из канала, – сказал Филиппо. – Тут скоро будет так мелко, что им не пройти здесь.

Чуть позже они услышали какой-то треск и догадались, что одна из гнавшихся за ними галер села на мель.

После нескольких ударов весел гондола уткнулась в берег у Брандоло.

– Это ты, Франциск? – спросил ожидавший их Маттео.

– Если у тебя здесь есть солдаты, то ты можешь пустить их в дело, – сказал Франциск. – Очень близко отсюда застряла на мели генуэзская галера с пятнадцатью гребцами. Им придется немало повозиться, чтобы сдвинуть ее с места. Тсс... тише! Слышишь, как они шумят?

– Да, слышу. Ну, братцы, вперед! Ночь холодная, вода, я думаю, не теплее, но хорошая стычка согреет нам кровь.

Маттео, сопровождаемый командой в сорок человек, прыгнул в воду и пошел вброд по направлению к месту, откуда слышался шум. Не прошло и нескольких минут, как Франциск услышал крики и бряцание оружия, но это длилось недолго, и вскоре Маттео вернулся со своей командой и захваченными им пленными.

– Как?! Неужели ты ждал меня здесь, Франциск?

– Мне некуда было спешить, Маттео. Кроме того, мне нужна моя лодка, а гондольерам моим было бы тяжело тащить ее.

– Сейчас я тебе дам сколько угодно солдат. Вот, сержант, раздайте эти дукаты команде и дайте им по стакану вина. А вода изрядно-таки холодна, – обратился он к Франциску. – Пойдем в палатку к брату и там выпьем по стакану горячего вина. Я не вижу никакой необходимости возвращаться тебе до завтрашнего утра.

– Особенной необходимости, может быть, и нет, но меня ждет Пизани. Полани и его дочери тоже будут беспокоиться

обо мне.

Спустя полчаса явился посланный доложить, что гондола перенесена через остров и спущена на воду. Услышав это, Франциск отправился в обратный путь.

– А я уже начал беспокоиться о вас, – встретил его Пизани, быстро идя ему навстречу. – По моим расчетам, вы должны были вернуться еще час назад. Ну, какие у вас новости?

Франциск рассказал все, что ему удалось узнать.

– Прекрасные новости, друг мой, – сказал Пизани. – Больше я не буду расспрашивать вас ни о чем; уже три часа ночи, а в пять мне надо приниматься за дело. Ложитесь вы теперь спать. Завтра утром вы мне расскажете все подробнее.

Франциск сел в свою гондолу, поджидавшую его у ступеней дома Пизани, и направился к Полани. В передней его палатце слуга быстро вскочил при входе Франциска и сказал ему:

– Мне велено тотчас же доложить господам о вашем возвращении.

– Передайте им, что я вернулся благополучно и просил не беспокоить их и не будить.

В это время, однако, Полани, услышавший о возвращении Франциска, поспешно спускался с лестницы навстречу ему.

– Благодарение Небу, что я вижу вас здоровым и невредимым. Ну, как у вас дела?

– Дела идут превосходно. Я побывал в Чиоггии и у входов в каналы и убедился, что там суда преспокойно стоят на

своих якорях и никто даже и не догадывается о предстоящем выступлении нашего флота, так что мы можем вполне надеяться на успех.

– Это все прекрасно, но пока я радуюсь тому, что вы вернулись благополучно домой. Пора вам отдохнуть.

Когда наутро Франциск спустился вниз, Полани встретил его словами:

– Знаете ли вы, Франциск, что вся Венеция находится в сильном волнении? Дож объявил, что к двенадцати часам все уже должны быть на своих местах на галерах.

– Тогда и мне надо поторопиться, – сказал Франциск, – уже десять часов.

– Действительно, надо готовиться к выступлению, но времени еще достаточно, так как Пизани под секретом сообщил мне, что он намерен выступить не раньше вечера, когда уже стемнеет.

Действительно, пробило уже восемь часов вечера, прежде чем суда снялись с якоря. Дож, Пизани и другие начальники присутствовали на вечернем богослужении в соборе Святого Марка, и затем все направились к своим галерам.

Ночь была удивительно светлая и тихая, дул легкий попутный ветер, и все жители Венеции собрались, чтобы присутствовать при отплытии флота. Когда флот проходил по каналу Лидо, внезапно спустился сильный туман, который привел в отчаяние Пизани, и он, бегая по палубе, громко кричал:

– Этот туман нас погубит, наверняка погубит!

По счастью, туман понемногу рассеялся, и спустя часа два они уже вышли из каналов в море. Тогда Пизани, приказав стать на якорь до наступления утра, высадил на берег у Брандоло отряд из пяти тысяч солдат, который легко одолел находившийся там небольшой генуэзский гарнизон. Это послужило сигналом к началу сражения. Генуэзцы двинулись навстречу венецианцам с такими превосходными по своей численности силами, каких нельзя было ожидать, так что они совсем оттеснили венецианцев, которые в беспорядке бросились к лодкам, потеряв до шестисот человек убитыми и пленными.

Пизани отчасти предугадывал возможность такой неудачи и все-таки не терял из виду свой главный план. В то время как происходило сражение на суше, отряд венецианских матросов успел выдвинуть поперек канала судно, нагруженное камнями, и как только генуэзцы оттеснили венецианцев, они тотчас же бросились к этому кораблю и подожгли его. Этим генуэзцы, однако, только облегчили выполнение задуманного Пизани плана, так как корабль, после того как сгорел, затонул вместе с своим тяжелым грузом.

Вскоре затем к этому месту направился со своими нагруженными громадными камнями судами Барбериго, один из венецианских командиров; он затопил свой груз на том же месте, где подожженный генуэзцами корабль перекрыл канал.

Генуэзцы все это время упорно обстреливали неприятельские галеры, причем нанесли венецианским судам значительные повреждения.

Но венецианцы стойко продолжали свое дело.

Когда груда затопленных камней стала настолько высока, что матросы могли стоять на ней, они продолжали закладку камней и, наконец, скрепили эту каменную запруду железными цепями. Работа эта была очень тяжелая, тем более что холод стоял жестокий, люди плохо питались, и большинство из них было вовсе непривычно к таким тяжелым работам. К тому же приходилось работать все время под градом неприятельских стрел. После тяжкого напряжения сил в течение двух дней и двух ночей люди наконец так устали, что больше были не в силах работать. Пизани, работавший наравне с другими, находясь всегда в местах самой большой опасности, старался ободрять своих подчиненных, внушая им, какое великое значение их работа имеет для спасения отечества, и просил дожа поклясться перед ними, что тот не вернется в Венецию, прежде чем не будет отбита у врагов Чиоггия.

Старец дож произнес требуемую клятву, и благодаря этому на короткое время утих ропот недовольных.

В ночь на двадцать четвертое декабря вход в канал Чиоггия был совершенно перекрыт камнями. В тот же день Корбаро, командиру отряда галер у Брандоло, удалось затопить в этом канале два старые, негодные к плаванию кораб-

ля.

Дориа, до сих пор не придававший важного значения тому, что предпринимали венецианцы, только теперь сообразил, в чем состояли планы Пизани, и послал четырнадцать своих галер с целью истребить отряд Корбаро, состоявший всего из четырех галер, но благодаря спешившему к нему на помощь Пизани со своими десятью галерами Корбаро мог спокойно кончить дело блокирования канала Брандоло.

На следующий день такие же работы были окончены на Ломбардском канале, и, таким образом, Пизани удалось в четыре дня выполнить намеченный им план и совершенно отрезать от моря генуэзские галеры.

Грандиозный замысел этот не обошелся, конечно, без тяжелых жертв. Солдатам выдавался только половинный паек, что при таком жестоком холоде было для них чувствительным лишением, так как им приходилось работать постоянно в воде и притом ни днем, ни ночью не имея покоя от нападений неприятеля.

На южном берегу Брандоло были построены укрепления против монастыря, который Дориа обратил теперь в крепость.

Это новое укрепление было названо Лови, и здесь установили самые тяжелые орудия из венецианского арсенала. Одно из них заряжалось камнями весом в полтораста фунтов. Но в те времена артиллерийское искусство было еще так мало развито, что требовалось около суток, чтобы зарядить эту

пушку.

К 29 декабря венецианцы совсем выбились из сил; даже сам Пизани начал сомневаться в том, что задуманный им план осады неприятеля может быть доведен до благополучного конца, так как его войско, истощенное холодом, голодом и постоянным напряжением, в котором их держал неприятель, не в состоянии было дольше бороться с врагом, силы которого по численности значительно превосходили силы венецианцев. Тем не менее, однако, Пизани всячески старался поднять упавший дух войска, и ему удалось повлиять на него своим личным примером, но солдаты требовали от него ручательства в том, что если к новому году не явится на помощь флот Зено, то осада будет прекращена. Пизани согласился дать это обещание, и борьба продолжалась.

День тридцатого декабря прошел так же, как и все предшествовавшие дни; были, правда, незначительные стычки между враждующими, но до настоящего сражения дело не доходило, так как генуэзцы от своих пленных узнали, что уже через несколько дней венецианцы будут вынуждены признать свое дело проигранным.

О помощи Зено перестали даже говорить. Уже несколько месяцев о нем в Венецию не доходило никаких известий; можно ли было предполагать, что он явится на выручку именно теперь, в этот последний час?

На рассвете 31 декабря матросы влезли на мачты и зорко осматривали море в надежде увидеть столь нетерпеливо

ожидаемые ими суда Зено. Но нет: на море нигде ничего не было видно! Венецианцы имели жалкий вид; они были совершенно изнурены голодом, изнемогали от холода и других лишений. Самые мужественные из них и те начали впадать в уныние и отчаяние.

Завтра они должны уже были возвратиться домой. Если суждено им умереть, то лучше умереть в Венеции, вблизи своих близких. И когда наступила ночь, они, голодные и озябшие, ложась спать, благодарили Бога, что это была последняя ночь их страданий.

Все, что бы ни случилось с ними, казалось, будет все-таки лучше того, что они теперь претерпевали.

Наступало утро 1 января, матросы опять уже были на мачтах, и вот с первым проблеском рассвета раздались от одной мачты к другой крики: «Паруса! Виднеются паруса!»

Крик этот был услышан на берегу, и Пизани с Франциском, вскочив в лодку, подъехали к адмиральской галере и быстро взобрались на мачту.

– Да, корабли! – сказал Пизани и через некоторое время прибавил: – Их всего пятнадцать. Что это за корабли? Дай только Господь, чтобы это был Зено!

Такой же вопрос задавал себе каждый и на кораблях, и на суше, так как всем было известно, что генуэзцы тоже ожидали подкреплений.

– Ветер дует так слабо, что они едва двигаются вперед, – сказал Пизани, – Отправьте к ним сейчас же несколько лег-

ких лодок разведать, кто они! Лишь бы только нам скорее узнать, на что мы можем надеяться! Если это Зено, то Венеция спасена! Если же это генуэзцы, то предлагаю всем, кто пожелает, следовать за мной и умереть в бою с оружием в руках!

Несколько минут спустя легкие венецианские лодки отплыли к кораблям, которые были на таком далеком расстоянии, что нельзя было различить ни их снастей, ни флага. Так как посланные к кораблям лодки могли вернуться не скоро, то Пизани отправился опять на берег и здесь, обходя вместе с дожем войска, ободрял их и уговаривал быть стойкими, а главное – не поддаваться чувству страха, если бы оказалось, что приближавшиеся корабли были неприятельские.

До отплытия лодок было условлено, что как только посланные убедятся, что корабли принадлежат Зено, то они выбросят белые флаги, если же окажется, что это неприятельские суда, то они вовсе не выкинут флага.

Час спустя лодки возвращались уже назад.

– Отправьтесь на галеру, Франциск, – распорядился Пизани. – Я должен остаться здесь, чтобы поддержать мужество среди войска, если вести окажутся дурными. Встаньте на корму галеры, и, как только вы вполне убедитесь, что на лодках белые флаги, сейчас же прикажите поднять на главной мачте флаг с изображением льва Святого Марка; это будет служить для нас знаком, что к нам идут корабли Зено; если же окажется, что это неприятельские суда, то велите под-

нять синий флаг.

Глава XX

Торжество Венеции

Франциск осторожно причалил к галере и, взойдя на палубу, приготовил флаги.

– Ну что, разве еще ничего не видно? – спросил он у матросов, наблюдавших с верхушек мачт.

– Покамест ничего, синьор, – отвечал один из матросов с передней мачты.

Другой молчал, но не прошло и нескольких минут, как он вскричал:

– Они еще далеко, но все-таки мне кажется, по крайней мере, у двоих из них развевается что-то белое!

Радостное восклицание людей, находившихся на палубе, было ответом на это известие, сообщенное Джакопо Зиппо, славившимся своей дальнотзорностью.

– Смирно! – скомандовал Франциск. – Не кричите и не махайте шляпами прежде, чем мы не убедимся вполне, что идут наши суда. Подумайте, с какой тревогой следят за нами с берега и каково будет отчаяние всех, если мы их введем в заблуждение нашей поспешностью.

Прошло минут десять томительного ожидания, как вдруг Джакопо быстро спустился вниз с мачты и, обнажив голову, вскричал:

– Благодарение Господу, синьор! Теперь я могу сказать наверняка, что на кораблях развеваются белые флаги.

– Благодарение Господу! – повторил и Франциск дрожащим от волнения голосом. – Теперь, братцы, поднимайте нашего «льва».

Флаг прикрепили к подъемной веревке, и Франциск торжественно стал поднимать его. Едва флаг поднялся выше вант, стоявший на берегу Пизани вскричал что было мочи: «Это флот Зено!»

Воздух огласился восторженными кликами, раздававшимися то с берега, то с корабля, и воцарилось общее ликование. Многие бросались на колени и возносили благодарственные молитвы Богу за ниспосланную помощь в такое время, когда все, казалось, уже погибло; другие стояли со сложенными на груди руками, устремляя к небу наполненные слезами глаза. Матросы бросались друг другу в объятия, смеялись, плакали от радости, бросали в воздух свои шапки; всех охватил неудержимый восторг.

Зено, вовсе даже не подозревавший о том безвыходном положении, в каком находились его соотечественники, не спеша направлялся было к Венеции, но на пути туда был остановлен одной из лодок и направился к Брандоло, где стал на якорь вблизи берега. Сев в маленькую лодку, он поспешил на берег, где собрались венецианцы.

С трудом пробираясь сквозь толпы ликующего народа, он поспешил к тому месту, где стоял в ожидании его прибытия

сам дож.

Зено отсутствовал из Венеции несколько месяцев и потому должен был прежде всего дать дожу краткий отчет об одержанных им победах, слухи о которых уже раньше доходили до венецианцев. Из рассказа его оказалось, что ему удалось захватить в плен около семидесяти генуэзских судов. Ему приходилось крейсировать продолжительное время у берегов Генуи, нанося тяжелый урон ее торговле и задержав отправку обещанного Дориа подкрепления.

Окончив свои донесения дожу, Зено сейчас же распорядился о высадке своей команды. Провизия, имевшаяся на его кораблях, была выгружена на берег, и запасов ее оказалось достаточно для удовлетворения настоящей потребности армии в продуктах.

Несколько дней спустя Зено отплыл со своими галерами к Лоредо и освободил этот город из-под власти падуанцев, принудив удалиться оттуда их войска. Эта победа имела весьма важное значение для венецианцев, открыв им доступ в Феррару, откуда тотчас были высланы запасы провизии для удовлетворения нужд голодающих венецианцев. Осада Брандоло продолжалась до 22 января, когда большая пушка венецианцев, прозванная «Победой», разгромила стены укрепления, под развалинами которых погиб Дориа, предводитель генуэзцев.

Перемена, происшедшая среди венецианской армии в течение последних трех недель, была поразительна: изобилие

пищи, удобства помещения быстро восстановили изнуренные силы войска, и в то же время зародившееся в людях сознание, что победа обеспечена за ними, сильно подняло их упавший дух.

Однажды вечером один из кораблей Зено случайно сорвался с якоря близ форта Лова и ветром был отнесен через пролив прямо к неприятельскому флоту, где его встретили градом снарядов. Метко пущенная неприятелем стрела ранила Зено в горло; выдернув ее из раны, он продолжал все-таки отдавать приказания, осыпая упреками матросов, которые, считая свою гибель неминуемой, умоляли его спустить флаг и сдаться неприятелю. Благодаря своей энергии, однако, ему удалось отвести корабль в безопасное место. Будучи в скором времени после того назначен главнокомандующим сухопутной армией, Зено принудил генуэзцев удалить свои войска со всех их позиций на островах Брандоло и Малой Чиоггии, а потом, устроив свою главную квартиру под укреплениями Чиоггии, Зено направил разрушительный огонь на крепость. Генуэзцы принуждены были обратиться в бегство по мосту через канал Святой Екатерины, но при этом бегстве потеряли множество людей, так как мост во время прохождения войск обрушился, не выдержав их тяжести. Генуэзцы бежали с такой поспешностью, что побросали множество оружия, одежды и боевых припасов.

14 мая в Чиоггии распространилась радостная для генуэзцев весть: еще рано утром было замечено приближение эс-

кадры, посланной к ним на подкрепление из Генуи под командой Маттео Маруффи. Долго не удавалось этому адмиралу пробраться к ним, но зато он на своем пути забрал в плен, несмотря на отчаянное сопротивление, пять венецианских галер, находившихся под командой Джустиниани, отбывшего из Венеции в Апулию для закупки зерна.

Генуэзский флот выстроился в боевом порядке, вызывая Пизани на бой, но, несмотря на свое страстное желание отомстить за поражение у Пола, Пизани считал благоразумнее воздерживаться от сражения, зная, что Чиоггия рано или поздно должна неминуемо сдаться. Каждый день Маруффи возобновлял свой вызов, сопровождая его столь обидными для венецианцев издевательствами, что Пизани с трудом удерживал в повиновении своих подчиненных, рвавшихся в бой с генуэзцами. Наконец, уступая общему требованию, Пизани, с разрешения дожа, выступил 25 мая навстречу неприятелю, но перед самым началом боя генуэзскими войсками вдруг овладела такая необъяснимая паника, что они обратились в бегство, не обменявшись даже ни одним выстрелом с неприятелем. Пизани сначала стал их преследовать, но затем вернулся к прежнему месту стоянки. Невозможно описать горе и отчаяние гарнизона Чиоггии, увидевшего отступление их флота; последняя их надежда рушилась. У них уже почти иссяк запас свежей воды, и отпущавшийся солдатам паек был настолько скуден, что уже в первых числах июня солдаты от слабости были не в состоя-

нии взяться за оружие.

15 июня Маруффи, получив новые подкрепления, опять выступил вперед, но Пизани отказался вступить в бой. 21-го числа из Чиоггии явилась к венецианцам делегация от генуэзцев с целью вступить в переговоры о мире, но депутатам отвечали, что венецианцы согласны заключить мир только при одном условии: если генуэзцы согласятся на сдачу города. Депутаты вернулись в Чиоггию, не добившись цели, и на следующий же день развевавшийся на стенах крепости генуэзский флаг был спущен.

24 июля дож в сопровождении Пизани и Зено торжественно вступил в Чиоггию. Добыча, доставшаяся на долю венецианцев, была громадная, и солдатам было дано разрешение делить в течение трех дней оставленное неприятелем имущество, которого было так много, что на долю некоторых досталось по 500 дукатов.

Казалось, никогда еще в Венеции не царило такого ликования, как в тот день, когда дож в сопровождении Пизани и Зено торжественно вступал в столицу после взятия Чиоггии. Все дома украсились флагами и знаменами; балконы и окна были убраны коврами и драпировками. Большой канал запестрел гондолами, ради торжественного случая нарушившими постановления закона, запрещавшего венецианцам обивать гондолы какой-либо цветной материей. Теперь все кругом сияло пестротой. Нарядные дамы сидели под роскошными шелковыми и бархатными балдахинами, а

гондольеры облеклись в праздничные наряды. Звон церковных колоколов смешивался с оглушительными криками народа, приветствовавшего медленно плывшую по каналу правительственную галеру, в которой сидел дож с двумя командирами.

Венеция заключила мир с Генуей, но ее вражда с Падуей обострилась несколько лет спустя, в 1404 году, когда венецианцы осадили Падую и вынудили ее к сдаче.

Через два месяца после заключения мира с Генуей Франциск Гаммонд сочетался браком с Джулией Полани. Свадьба была отпразднована очень торжественно, и синьор Полани пожертвовал по этому случаю большие суммы в пользу бедных Венеции.

Франциск Гаммонд устроился с молодой женой в Венеции, но часто навещал своего отца в Англии.

Вскоре после брака Франциск был очень опечален известием о смерти адмирала Пизани. Тяжкие невзгоды, которые ему пришлось испытать при осаде Чиоггии, вконец подорвали его здоровье и ускорили его смерть.

После смерти синьора Полани Франциск с семейством переехал в Англию, где он сделался одним из выдающихся негоциантов. Время от времени он ездил в Венецию и проводил там каждый раз по несколько месяцев. Таким образом, он до конца своей жизни сохранил тесную связь с «царицей морей», на гербе которой еще поныне красуется лев Святого Марка.